

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Гусев В. В.** Развитие российских моногородов – важнейшая задача национальной и экономической безопасности государства 5
- Ситникова С. В., Шахматова Н. В.** Ценность и качество правозащитной работы на территории Саратовской области (по оценкам жителей региона) 10
- Кравченко Н. Ю.** Кризис концепта гражданской идентичности: социологическое измерение 14
- Сайганова Е. В.** Опыт в реализации программ по молодежной политике в странах 18
- Синельников А. Б., Дорохина О. В.** Брак и развод в России с точки зрения формальных и неформальных социальных норм 21
- Ситникова С. В.** Основные характеристики образовательных стратегий саратовцев 28
- Покатов Д. В.** Становление и эволюция позиционного подхода в изучении политической элиты в отечественной социологии 32
- Уфимцева Е. И.** Социальные практики православного воскресного церковно-приходского образования 37
- Карелин М. А., Калинин М. В.** Социальная гибридизация в контексте поколенческих субкультур 43
- Быченко Ю. Г., Баландина Т. М.** Современная социологическая интерпретация общественного воспроизводства 46

Слово молодым социологам

- Кузьмин А. В.** Общая и конкретизированная системы социального контроля хозяйственной организации 52
- Воронин И. В.** Особенности социальной базы терроризма в России 56
- Завгородний А. А.** Социоструктурные детерминации социального идеала 59

Политология

- Вилков А. А.** Критика исторической памяти о Великой Отечественной войне и ее потенциальные политические последствия 62
- Доленко Д. В.** Цивилизационный выбор в политическом развитии России 68
- Головченко А. В.** «Огосударствление» российского либерализма 72
- Андропова И. В., Камалетдинова А. И.** Особенности позиционирования либеральных партий в информационно-коммуникативном пространстве современной России 76
- Казаков А. А.** Методологические ограничения анализа текстов средств массовой коммуникации 81
- Шестов Н. И., Вилков А. А.** Ценностные основания рекрутирования современных политических элит: проблемы и перспективы 86
- Барашков Г. М.** «Дискомфортность» развития современных демократических социально-политических систем и проблема «комфортной» альтернативы 91
- Мирзаханов Д. Г.** Модели исламо-политической трансформации в постсоветской России: Татарстан и Дагестан 96
- Салгириев А. Р.** Технологии политического управления в контексте региональных политических процессов на Северном Кавказе 99
- Концубовская М. Н., Андропова И. В.** Современные концептуальные трактовки политической функциональности институтов гражданского общества 103

Слово молодым политологам

- Мишин К. Ю.** Основные трактовки политологического смысла понятия «эффективность власти» в контексте ее легитимности 107
- Борисова М. К.** Институциональные факторы формирования связей между политическим и экономическим развитием 114

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года.
Зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций. Свидетельство
о регистрации СМИ ПИ № ФС77-
56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология.
Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Степанова Наталия Ивановна

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Технический редактор

Ковалева Наталия Владимировна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: isvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.09.15.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,60 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 138-Т.

Отпечатано в типографии
Саратовского университета
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский государственный
университет, 2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков с пробелами).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozopolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozopolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS**Scientific Part****Sociology**

- Gusev V. V.** Development of the Russian Single-industry Towns – Important Objective of National and Economic Security 5
- Sitnikova S. V., Schahmatova N. V.** Value and Quality of Human Rights Work on the Territory of Saratov Region (According to the Citizens' Assessment) 10
- Kravchenko N. Yu.** Crisis of a Concept of Civil Identity: Sociological Measurement 15
- Saiganova E. V.** Experience in Implementing Programs for Youth Policy in the Country 18
- Sinelnikov A. B., Dorokhina O. V.** Marriage and Divorce in Russia in the View of Formal and Informal Social Regulations 21
- Sitnikova S. V.** The Main Characteristics of Educational Strategies of Saratovites 28
- Pokatov D. V.** The Formation and Evolution of the Positional Approach in the Political Elite Study in Home Sociology 32
- Ufimtzeva E. I.** Social Practices of the Orthodox Sunday of Parochial Education 37
- Karelin M. A., Kalinnikova M. V.** Social Hybridization in the Context of Generational Subcultures 43
- Bychenko Yu. G., Balandina T. M.** Modern Sociological Interpretation of Social Reproduction 46

A Word to Young Sociological Scientists

- Kuzmin A. V.** General and Specified Systems of Economical Organization Social Control 52
- Voronin I. V.** Features of the Social Base of Terrorism in Russia 56
- Zavgorodnyi A. A.** Social Ideal's Social-structural Determinations 59

Politology

- Vilkov A. A.** Critique of the Great Patriotic War Historical Memory and Its Potential Political Consequences 62
- Dolenko D. V.** Civilizational Choice in a Political Evolution of Russia 68
- Golovchenko A. V.** «Governmentalization» of the Russian Liberalism 72
- Andronova I. V., Kamaletdinova A. I.** Liberal Parties Special Features of Positioning in Info-communication Environment of Modern Russia 76
- Kazakov A. A.** Methodological Limitations of Mass Media Texts' Analysis 81
- Shestov N. I., Vilkov A. A.** Value Bases of Contemporary Elites' Recruitment: Problems and Perspectives 86
- Barashkov G. M.** «Discomfort» of Modern Democratic Social and Political Systems' Development and the Problem of «Comfort» Alternative 91
- Mirzakhanov D. G.** The Models of Islamic Political Transformation in Post-Soviet Russia: Tatarstan and Dagestan 96
- Salgiriev A. R.** Technology Policy of the Regional Political Processes in the North Caucasus 99
- Koncybovskaya M. N., Andronova I. V.** Modern Conceptual Interpretations Functionality of Political Institutions of Civil Society 103

A Word to Young Politological Scientists

- Mishin K. Yu.** The Basic Interpretations of the Political Meaning of the «Efficiency of the Power» Concept in the Context of Its Legitimacy 107
- Borisova M. K.** Institutional Factors of Forming Ties Between Political and Economic Development 114

Information about the Authors

120

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

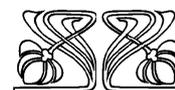
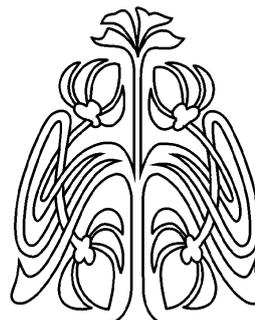
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

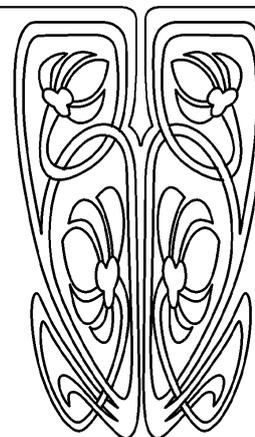
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

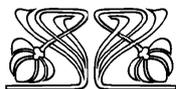
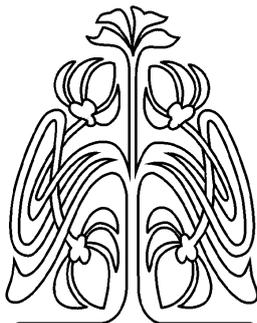
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

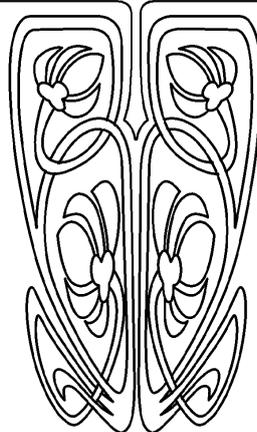

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)

Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Маркович Данило Ж., академик Сербской академии образования

(Белград, Республика Сербия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)

Itchison B. (London, Great Britain)

Butterfield G. (Kalamazoo, USA)

Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)

Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)

Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)

Markovich D. Zh. (Belgrade, Republic of Serbia)

Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)

Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.52:332.1

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ МОНОГОРОДОВ – ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В. В. Гусев

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ, Саратов
E-mail: vladgus2006@yandex.ru

В статье исследуется проблема развития российских моногородов с точки зрения национальной и экономической безопасности государства. Особое внимание уделяется динамике населения в периферийных российских моногородах (на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке), рассматриваются территориальные претензии к России со стороны сопредельных государств и геополитические угрозы.

Ключевые слова: национальная и экономическая безопасность, моногород, размещение, убыль населения, саморазвитие, приватизация, мобильность.

Development of the Russian Single-industry Towns – Important Objective of National and Economic Security

V. V. Gusev

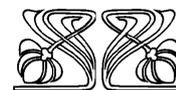
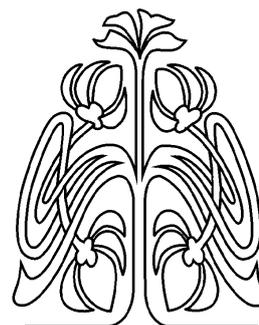
The article examines the problem of Russian single-industry towns in terms of national and economic security. Particular attention is paid to the dynamics of the population in the peripheral Russian company towns (in the North, Siberia and the Far East) are considered territorial claims to Russia from neighboring countries and geopolitical threats.

Key words: national and economic security, one-industry town, location, population decline, self-development, privatization, mobility.

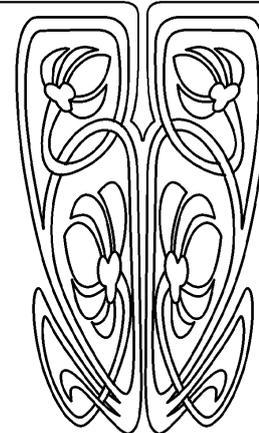
DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-5-9

Прежде чем обратиться к сложной проблеме развития российских моногородов, необходимо соотнести эту проблему с вопросами национальной и экономической безопасности Российской Федерации. В условиях геополитической нестабильности, развития военного конфликта на Украине, введения против России экономических санкций в связи с событиями в соседнем государстве проблема выживания российских моногородов, их существования и устойчивого развития в периферийных российских регионах выходит на первый план.

Говоря о национальной безопасности на современном этапе, необходимо обратиться к программной предвыборной статье Владимира Путина «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России», опубликованной в «Российской газете» 20 февраля 2012 г. В ней, в частности, сказано, что происходящие в мире «процессы глобальной трансформации таят в себе риски самого разного, зачастую непредсказуемого характера. В условиях мировых экономических и прочих потрясений всегда есть соблазн решить свои проблемы за чужой счет, путем силового давления. Не случайно уже сегодня раздаются голоса, что скоро “объективно” встанет вопрос о том, что национальный суверенитет не должен распространяться на ресурсы глобального значения. Вот таких даже гипотетических возможностей в отношении России быть не должно. Это значит – мы никого не должны вводить в искушение своей слабостью. Именно поэтому мы ни при каких условиях не откажемся от потенциала стратегическо-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

го сдерживания и будем его укреплять. Именно он помог нам сохранить государственный суверенитет в сложнейший период 90-х годов, когда других весомых материальных аргументов у нас, будем откровенны, не существовало»¹. Обратим внимание, что сразу же выделена обостряющаяся борьба в современном мире за природные ресурсы, добыча которых часто концентрируется именно в моногородах (ресурсные моногорода), и важнейшая задача национальной безопасности государства – сохранить эти ресурсы в целостности и сохранности как можно более долгое время.

Что же касается экономической безопасности государства, то Президент РФ особо выделил ее в качестве приоритета при работе спецслужб на ежегодной коллегии органов ФСБ 26 марта 2015 г. Он, в частности, заявил: «Одним из приоритетных направлений вашей работы остается обеспечение экономической безопасности, борьба с коррупцией. Особое внимание прошу уделить фактам нецелевого использования и хищения бюджетных ассигнований, в том числе выделяемых на гособоронзаказ»². Здесь также можно отметить определенную связь с моногородами, так как именно в монопрофильных поселениях, открытых и закрытых (ЗАТО), размещены многие оборонные предприятия, от которых зависит боевой потенциал Российской армии и обороноспособность государства.

Не вдаваясь в тонкости понятийного аппарата, отметим, что моногород – особое территориальное поселение, в котором экономическая и социальная деятельность зависят от благополучия градообразующего предприятия (наиболее красноречивый пример – моногород Тольятти Самарской области, в котором вся деятельность зависит от положения дел на ОАО «АВТОВАЗ»). Соответственно, если градообразующее предприятие приходит в упадок (кризис, технологическая отсталость, финансовая несостоятельность, отсутствие спроса, неконкурентоспособность продукции и т. д.), население моногорода начинает испытывать серьезные экономические и социальные проблемы, а сам населенный пункт становится «болевым точкой» экономики и социальной жизни.

Анализируя размещение моногородов по территории страны, можно отметить следующее. Значительное количество моногородов находится именно по периферийным регионам, в Северо-Западном, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах³ (табл. 1). Поэтому подобные моногорода необходимо оберегать, всячески способствовать тому, чтобы население в них прирастало или хотя бы не убывало, так как опустение подобных территорий, исход населения с них – прямая угроза национальной безопасности России.

Таблица 1

Размещение моногородов по регионам России

Федеральный округ	Количество субъектов РФ	Количество моногородов	Население, тыс. чел.
Центральный	13	72	2676,57
Северо-Западный	7	41	1047,98
Южный	4	10	749,11
Северокавказский	7	4	219,69
Приволжский	12	87	4286,37
Уральский	5	43	3323,43
Сибирский	8	53	3143,25
Дальневосточный	5	25	410,75
Итого:	55	335	15 857,15

Рассмотрим ситуацию с динамикой численности населения в конкретных монопрофильных поселениях периферийных (пограничных) российских регионов, начиная с дальневосточных регионов и заканчивая северо-западными⁴. В качестве основного критерия при анализе динамики населения послужила близость моногорода к государственной границе РФ (табл. 2).

Из данных, приведенных в табл. 2, видно, что практически по всем монопрофильным приграничным населенным пунктам наблюдается убыль населения, которая варьирует от 17% (г. Краснокаменск Забайкальского края) до почти 36% (г. Мончегорск Мурманской об-

ласти). Данное обстоятельство может создать определенную угрозу национальной безопасности уже в ближайшее время, так как приграничные территории, оставшись без российских жителей, могут «отвалиться». Тяжелая ситуация с убылью населения наблюдается по всем моногородам Мурманской области, например, в городе Апатиты в 1989 г. проживали 88 026 человек, в 2013 г. – 58 681, в городе Кандалакша в 1989 г. – 54 080 человек, в 2013 г. – 34 127, в поселке Никель Мурманской области в 1989 г. – 21 838 жителей, в 2013 г. – 12 112 человек. Учитывая, что до Второй мировой войны многие северные территории, включая Карелию и часть Кольско-

Таблица 2

Динамика численности населения в пограничных российских моногородах

Город и регион	Приграничное государство	1989	1996	2000	2010	2013	2014 в % к 1990
Дальнегорск Приморского края (добывающая промышленность)	Япония	49 792	48 400	45 800	37 519	36 351	73,0
Краснокаменск Забайкальского края (добывающая промышленность)	Китай	66 872	60 900	54 500	55 666	55 418	83,0
Петухово Курганской области (машиностроение)	Казахстан	14 584	15 100	14 800	11 292	10 902	75,0
Медногорск Оренбургской области (добывающая промышленность)	Казахстан	34 095	33 700	33 100	27 292	26 647	78,2
Зверево Ростовской области (добывающая промышленность)	Украина	28 206	32 800	28 600	22 411	21 495	76,2
Сланцы Ленинградской области (добывающая промышленность)	Эстония	43 087	41 000	39 900	33 485	33 249	77,1
Мончегорск Мурманской области (добывающая промышленность)	Финляндия	68 652	61 300	55 470	45 361	44 007	64,1

го полуострова, принадлежали Финляндии, потенциально могут возникнуть территориальные претензии к современной России. Несмотря на то что миролюбивая Финляндия в настоящее время официально не поднимает вопроса о пересмотре границ, в стране, по данным последних социологических опросов, 38% респондентов выступают за возвращение Западной Карелии⁵.

Подобное можно сказать и о потенциальной геополитической угрозе со стороны Японии и Китая. Например, в 2012 г. при проверке государственной границы между странами Китай заявил о необходимости сместить ее в глубь России, выдвинув претензию на «исконно китайские» 17 га алтайской горной местности. В 2005 г. Россия уступила Китаю большой участок земли в районе острова Большой и два участка в районе островов Тарабаров и Большой Уссурийский, под Хабаровском, всего 340 квадратных километров⁶. На Дальнем Востоке плавно усиливается неконтролируемая китайская миграция. В настоящее время, в условиях экономических антироссийских санкций, КНР – геополитический союзник России, но как долго продлится данная ситуация, если население Дальнего Востока и Забайкалья будет убывать высокими темпами? По словам авторов книги «Надо ли России бояться Китая?», миф о китайском Дальнем Востоке не теряет своей актуальности: «Однако совершенно очевидно, что бояться надо не китайской угрозы, а вымирания русского населения, превращения российских городов и сел в пустыню. Ужесточением миграционной политики проблему Дальнего Востока не решить»⁷. На российской стороне Дальнего Востока живет примерно 6,5 млн граждан РФ, а на сопредельной, китайской территории, через реку Амур – 107 млн китайцев⁸, т. е. соотношение населения абсолютно непропорциональное. В то же время дальневосточные территории и Забайкалье просто нельзя утрачивать. Например, в уже упоминавшемся

Краснокаменске Забайкальского края градообразующим предприятием является Приаргунское производственное горно-химическое объединение (ППГХО), входящее в концерн «Атомредметзолото» и разрабатывающее Стрельцовское урановое месторождение. Следовательно, от благополучия подобного моногорода, прироста населения в нем зависит ядерная мощь нашей страны.

На наш взгляд, мечта либерального крыла российской власти, которое довольно внушительно представлено в экономическом блоке, – обеспечить саморазвитие моногородов, перевести их на самофинансирование и самокупальность, с точки зрения «невидимой руки» рынка. Например, вот что сказал в своем интервью управляющий партнер компании «Финансовый и организационный консалтинг», член Экспертного совета Государственной думы по вопросам предпринимательства Моисей Фурщик: «Проблемные города образованы неконкурентоспособными машиностроительными предприятиями и специфической химией. Например, город Асбест в Свердловской области с одноименной химической промышленностью, которая сейчас становится невостребованной, а на некоторых зарубежных рынках даже запрещенной. Особенно сложная ситуация наблюдается в депрессивных городах с плохой экологией. Такой город не интересен ни для проживания, ни для инвестиций, он обречен на постепенное вымирание. Действительно депрессивных из двухсот моногородов только три-четыре десятка. Характерный пример – Чапаевск в Самарской области, Байкальск, образованный целлюлозно-бумажным комбинатом, ряд городов на Дальнем Востоке, например, Дальнегорск»⁹. Таким образом, часть монопрофильных городских поселений заранее признается бесперспективной, и их будущее находится под большим вопросом. Однако здесь на первый план выходит иная проблема – отток населения

из таких моногородов будет способствовать «оголению» российской территории. Россия может распасться, и начало будет положено именно на приграничных территориях.

По словам заместителя директора Института Латинской Америки РАН, доктора политических наук Бориса Мартынова, в американском дискурсе имеется точка зрения, что Сибирь является «терра нулис» – ничьей землей, которую России экономически невыгодно разрабатывать в одиночку. По мнению американцев, Сибирь нужно объявить частью всемирного наследия, передать контроль над ней «ООН или другой организации», сохранить за Россией формальный суверенитет и пустить в тайгу транснациональные корпорации. По поводу участника экономического союза БРИКС Бразилии взгляды аналогичны: амазонию американцы тоже хотели бы объявить «терра нулис». Этот регион производит 50% кислорода на Земле и занимает первое место по запасам пресной воды, которая к 2030 г. может стать самым большим дефицитом на планете. Второе место тут принадлежит, опять же, России с ее сибирскими реками и Байкалом¹⁰. Здесь, на наш взгляд, уже прослеживается геополитическая борьба между мировыми «центрами силы» за все сырьевые ресурсы, не только за нефть и газ, которая в перспективе будет только обостряться.

По поводу российского населения Сибири и Дальнего Востока у американцев также имеется точка зрения на проблему. В 2003 г. в США вышла книга специалистов по российской региональной политике Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Сибирское проклятье: как коммунистическое планирование забросило Россию в холод» (Вашингтон: Пресса Института Брукинга, 2003. В настоящее время Фиона Хилл занимает пост директора Российской и Евразийской программы Института Брукинга в Вашингтоне). В книге утверждается, что «индустриализация советского периода и массовое заселение Сибири» оказались «экономически неэффективными», а «цена холода» слишком велика. Авторы предлагают сконцентрировать население в западных регионах страны и отмечают, что препятствием на пути к таким переменам станут «губернаторы, олигархи и другие лица, заинтересованные в продолжении субсидирования региона и программ его развития». Также в книге содержатся рекомендации российской власти, в частности, о том, что «президент и другие национальные руководители должны поставить себя выше такого рода региональных интересов»¹¹. Таким образом, с точки зрения «коллективного Запада», отечественные моногорода слишком дороги и неэффективны и их надо закрывать, население переселять, т. е., имеется определенное сходство с воззрениями части российской экономической элиты.

Подводя итог и обосновывая тезис о том, что «моногорода – суставы экономики» (если все

российское экономическое пространство сравнить с человеческим организмом), предложим свой вариант, программу возможных действий российской власти в отношении моногородов. Учитывая, что основой любого моногорода является градообразующее предприятие, следует подробно рассмотреть итоги приватизации этих предприятий в «лихие девяностые» годы. Там, где приватизация была проведена с грубыми нарушениями либо градообразующее предприятие функционирует неэффективно, в городе наблюдается безработица, предприятие не платит налоги в бюджет и не заботится о социальной инфраструктуре – необходим возврат собственности государству. Причем в данном случае возврат собственности может быть проведен максимально бесконфликтно, через взимание задолженности в бюджет (долг в обмен на акции) и механизм банкротства. На наш взгляд, подобные действия государственной власти жителями моногородов могли бы только приветствоваться. С подобной же инициативой в 2013 г. выступил Общероссийский народный фронт (Ленинградское отделение), призвавший «вернуть под контроль государства “нерентабельные” частные активы». Данную инициативу поддержали в Государственной думе РФ, но далее процесс остановился¹². Затем вновь обретенные государственные предприятия следует обеспечить государственным заказом, включить в государственные и региональные инвестиционные программы. И, таким образом, за счет появившихся заказов и оживления экономической деятельности постепенно возрастут вложения градообразующих предприятий в социальную и инженерную инфраструктуру моногородов, в развитие местного сообщества, здесь сыграет свою роль «эффект самоорганизации», и государство сможет решить проблему восстановления моногородов и удержания населения в них. Особенно это актуально для предприятий и небольших моногородов Севера, Сибири и Дальнего Востока, где население, как было показано выше, убывает значительными темпами за счет миграции и по естественным причинам.

Если привести в пример современный опыт Соединенных Штатов Америки, то в настоящее время там стараются развивать собственную провинцию. Например, по словам очевидцев, в настоящее время кардинально преобразуются провинциальные штаты Северная Дакота и Оклахома за счет появления компаний, ведущих добычу сланцевой нефти. Вначале в сельской местности появляется компания-нефтедобытчик, а затем вокруг нее вырастает целая сопутствующая экономика (строительство жилья, социальные и медицинские услуги, общественное питание, коммуникации и т. д.)¹³. В то же время, если американская власть не поддерживает периферийные территории должным образом, не уделяет внимание их развитию, тут же обостряются

тенденции регионального сепаратизма. Например, на американской Аляске в последнее время активизировалась Партия за независимость штата (насчитывает более 13 тыс. членов, является третьей в штате после демократов и республиканцев), которая на фоне крымских событий в России стала осуществлять сбор подписей под петицией в адрес Президента США по поводу выхода из состава Соединенных Штатов Америки и присоединения Аляски к России¹⁴. Партия за независимость Аляски активно поддерживает политику российского президента В. В. Путина и называет возвращение штата в состав России «исторической справедливостью».

Безусловно, в российских условиях необходимо также менять ментальность российских граждан, делать их, по выражению премьер-министра РФ Д. А. Медведева, «более мобильными». В апреле 2014 г. подписано соответствующее распоряжение Правительства РФ о действиях власти по повышению мобильности граждан страны на 2014–2018 годы¹⁵. В план включено совершенствование правового регулирования трудоустройства граждан за пределами мест постоянного проживания, в том числе на территориях приоритетного привлечения трудовых ресурсов, предложены механизмы поддержки работодателей. Одна из целей программы – снизить численность иностранных работников, ликвидировать территориальные диспропорции в развитии транспортной инфраструктуры. О реализации плана органы исполнительной власти регионов должны ежеквартально, начиная уже с 2014 г., докладывать в Минтруд РФ, а министерство – обобщать данные и представлять в Правительство РФ конкретные предложения. Необходимо уходить от гигантизма сталинской эпохи, развивать малые формы хозяйствования в моногородах, использовать зарубежный опыт диверсификации монопрофильных поселений¹⁶. Однако каким образом данные мероприятия будут реализовываться на практике – покажет время.

Примечания

- ¹ Путин В. Быть сильными : гарантии национальной безопасности для России. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 02.04.2015).
- ² Путин В. Экономическая безопасность – один из приоритетов ФСБ. URL: <http://www.tpp-inform.ru/news/19838> (дата обращения: 02.04.2015)
- ³ См.: Моногорода России. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=631953> (дата обращения: 03.04.2015).
- ⁴ См. данные Всесоюзной переписи населения 1989 года, Всероссийской переписи населения 2002 года, Всероссийской переписи населения 2010 года, Территориаль-

ных органов Федеральной службы государственной статистики (Википедия – Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA> ; <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BA> ; [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE_\(%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BE_(%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C)) ; <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA> ; <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE>, [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%8B_\(%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%8B_(%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4)) ; <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D1%87%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA> (дата обращения: 03.04.2015)).

- ⁵ См.: У кого есть территориальные претензии к России. URL: <http://russian7.ru/2014/09/u-kogo-est-territorialnye-pretenzi/> (дата обращения: 04.04.2015).
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: *Беззубцев-Кондаков А., Дроканов И.* Надо ли России бояться Китая? СПб. : Питер, 2011. С. 92–94.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Моисей Фурщик: «Действительно депрессивных из двухсот моногородов только три-четыре десятка». URL: <http://www.foconsult.ru/smi/i131-intervyu-moiseya-furshchika-moisej-furshchik-dejstvitelno.html> (дата обращения: 04.04.2015).
- ¹⁰ См.: *Мартынов Б.* Бразилия – край таёжный. URL: <http://izvestia.ru/news/370188> (дата обращения: 04.04.2015).
- ¹¹ *Троякова Т. Г.* Американские исследования Дальнего Востока России // <http://eps.dvo.ru/vdv/2006/2/pdf/vdv-125-134.pdf> (дата обращения: 04.04.2015).
- ¹² См.: Возвращение Пикалёво. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/75406/> (дата обращения: 07.04.2015).
- ¹³ См.: Дешевая нефть – не против России, а против Америки // МК в Саратове. 2014. 17–24 дек. С. 8.
- ¹⁴ См.: Петиция о присоединении Аляски к России набрала более 7 тысяч голосов. URL: <http://gia.ru/world/20140323/1000720053.html> (дата обращения: 07.04.2015).
- ¹⁵ См.: В России появился план по повышению трудовой мобильности россиян. URL: <http://www.rg.ru/2014/04/29/mobilnost-site-anons.html> (дата обращения: 07.04.2015).
- ¹⁶ См.: *Гусев В. В.* Монопрофильные поселения (моногорода) : зарубежный опыт решения социальных проблем // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 5–8.

УДК 316.754

ЦЕННОСТЬ И КАЧЕСТВО ПРАВООЩИТНОЙ РАБОТЫ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (по оценкам жителей региона)

С. В. Ситникова, Н. В. Шахматова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru, nadezhdashakhmatova@yandex.ru

В статье доказывается необходимость поиска и реализации современных технологий повышения эффективности правозащитной работы соответствующими государственными институтами. Доказательством выступают оценки саратовцев качества работы структур, осуществляющих защиту прав и свобод человека в регионе. Исследование было проведено Центром региональных социологических исследований СГУ им. Н. Г. Чернышевского в октябре 2014 г. под руководством авторов.

Ключевые слова: права и свободы человека, правозащитная работа.

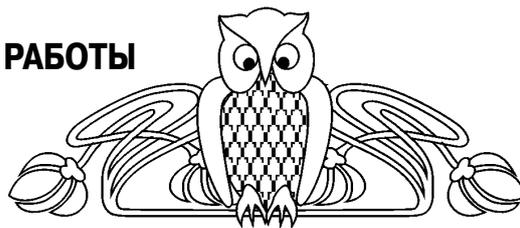
Value and Quality of Human Rights Work on the Territory of Saratov Region (According to the Citizens' Assessment)

S. V. Sitnikova, N. V. Schahmatova

The article presents the proofs of necessity to find and implement modern technologies for intensification of human rights work by the relevant national institutions. It is proved by the quality assessment, given by Saratov citizens to the work of the structures which protect human rights and freedoms in the region. The research was performed by Center of Regional Sociological Research (Chernyshevsky Saratov State University) in October 2014 under the supervision of the authors.
Key words: human rights and freedoms, human rights work.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-10-14

Статья 2 Конституции Российской Федерации гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»¹. Однако ситуация с соблюдением прав и свобод граждан ни в одной стране мира не идеальна². Материалы российских НПО, подготовленные для Универсального периодического обзора по России в Совете ООН по правам человека, свидетельствуют о наличии негативной динамики в процессе соблюдения прав и свобод граждан России. В частности, речь шла о внесении изменений в законодательство, значительно ограничивающих, в том числе под предлогом обеспечения безопасности, все основные права и свободы граждан; развитии «идеологического» нормотворчества: замещение юридических положений идеологическими понятиями; доминировании избирательного правоприменения по политическим и экономическим мотивам; снижении прозрачности и подотчетности власти, росте произвола и безнаказанности чиновников, ослаблении

механизмов защиты и восстановлении прав. В результате растет неверие общества в правовые механизмы и эффективность демократических процедур и институтов³.

Одним из институтов, обеспечивающих соблюдение прав и свобод граждан, является Уполномоченный по правам человека. Согласно Федеральному конституционному закону «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ Уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты⁴. С целью диагностики правозащитной ситуации в Саратове Центром региональных социологических исследований СГУ по инициативе уполномоченного по правам человека в Саратовской области Татьяны Владимировны Журик было проведено социологическое исследование⁵.

Общая ситуация по защите прав человека на территории Саратовской области большинством опрошенных саратовцев оценена как удовлетворительная. Около 50% указали на то, что поддержка граждан, права которых нарушены, осуществляется, однако, недостаточно. Треть респондентов считают, что защита прав человека практически не ведется. С тем, что защитой прав человека никто не занимается, и позицией о том, что права граждан защищаются в большинстве случаев, согласились по 10% опрошенных, оценили правозащитную ситуацию как отличную, когда права граждан защищаются в полной мере, чуть более 1% саратовцев.

Исследовательские гипотезы о гендерной, возрастной, образовательной специфике оценки правозащитной ситуации в ходе дальнейшего анализа были опровергнуты. Однако подтвердилась гипотеза о влиянии уровня материального благосостояния семьи на общую оценку ситуации по защите прав граждан. Так, оказалось, что чем выше уровень материального благосостояния семьи респондента, тем выше оценка правозащитной ситуации. Видимо, уровень жизни человека изначально влияет не только на вероятность оказаться в ситуации нарушения права

гражданина, но и на уверенность в отстаивании своих прав и решении проблемных ситуаций.

Саратовцев в большей степени волнуют социально-экономические условия организации повседневной жизни человека. Так, к числу наиболее актуальных, тревожащих проблем горожане отнесли дороговизну лекарств, отсутствие социальных гарантий на случай болезни и старости, жилищную проблему, плохое материальное положение, недоступность медицины, уличную

преступность, отсутствие возможности дать детям бесплатное образование, недоступность правосудия. В ходе анализа выявлены некоторые гендерные, возрастные и статусные особенности в оценке наиболее актуальных проблем. Женщин в большей степени, чем мужчин, волнуют вопросы доступности лекарств и медицинских услуг, а также уличная преступность. Мужчины практически в два раза чаще упоминали недоступность правосудия (табл. 1).

Таблица 1

Гендерная специфика в оценке актуальных проблем, %

Проблемы, вызывающие наибольшую тревогу	Пол респондента	
	Мужской	Женский
Уличная преступность	27,4	36,8
Недоступность медицины	24,2	31,2
Дороговизна лекарств	31,2	43,2
Отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости	32,8	34,6
Плохое материальное положение	31,7	33,3
Отсутствие возможности дать детям бесплатное образование	25,3	28,2
Проблема с жильем	33,3	32,9
Недоступность правосудия	27,4	15,4

Примечание. Процент упоминаний по столбцам превышает 100, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Для представителей старшего поколения⁶ в большей степени актуальны вопросы доступности лекарств и медицинских услуг, а также социальных гарантий на случай болезни и старости. Уличную преступность, плохое материальное

положение и проблемы с жильем чаще других упоминали самые молодые респонденты. Отсутствие возможности дать детям бесплатное образование в большей степени волнует представителей среднего поколения (табл. 2).

Таблица 2

Поколенческая специфика в оценке актуальных проблем, %

Проблемы, вызывающие наибольшую тревогу	Поколение		
	Младшее	Среднее	Старшее
Уличная преступность	36,4	32,2	24,6
Недоступность медицины	29,1	24,6	36,2
Дороговизна лекарств	35,1	34,2	55,1
Отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости	21,9	40,7	40,6
Плохое материальное положение	35,1	34,2	23,2
Отсутствие возможности дать детям бесплатное образование	23,2	32,7	18,8
Проблема с жильем	48,3	27,6	15,9
Недоступность правосудия	19,9	23,1	15,9

В зависимости от социального статуса саратовца рейтинг значимых проблем также имеет определенную специфику. Проявлена она в более высокой актуальности вышеназванных проблем для представителей социально уязвимых слоев населения – пенсионеров, домохозяек и находящихся в декретном отпуске женщин (табл. 3). Более 77% работающих пенсионеров указывают на проблему отсутствия социальных гарантий

на случай болезни и старости. Вероятно, они продолжают работать после выхода на пенсию с целью избежать указанных проблем. Более 54% женщин, находящихся в декретном отпуске, выделяют проблему недостатка материальных средств. Все это в очередной раз подтверждает необходимость принятия мер по увеличению эффективности реализации государственных социальных программ.

Таблица 3

Статусная специфика в оценке актуальных проблем, %

Проблемы, вызывающие наибольшую тревогу	Социальный статус						
	Работающий	Безработный	Учащийся, студент	Домохозяин(ка)	Пенсионер	Нахожусь в декретном отпуске	Работающий пенсионер
Уличная преступность	31,6	26,7	39,2	56,3	26,1	27,3	11,1
Недоступность медицины	26,6	13,3	32,9	12,5	39,1	9,1	44,4
Дороговизна лекарств	32,0	26,7	41,8	37,5	65,2	36,4	44,4
Отсутствие социальных гарантий на случай болезни, старости	34,4	13,3	25,3	50,0	39,1	27,3	77,8
Плохое материальное положение	31,6	73,3	27,8	25,0	28,3	54,5	44,4
Отсутствие возможности дать детям бесплатное образование	27,9	20,0	27,8	37,5	17,4	36,4	22,2
Проблема с жильем	34,8	33,3	40,5	25,0	13,0	27,3	44,4
Недоступность правосудия	23,4	20,0	19,0	0,0	10,9	36,4	33,3

В список наиболее труднореализуемых гражданских прав и свобод, по результатам опроса саратовцев, вошли: право на жилище, право на социальное обеспечение, право на охрану здоровья. Каждое из этих прав было упомянуто третью всех респондентов (табл. 4).

Результат вполне объясним при учете вышеприведенных данных о наиболее актуальных проблемах горожан. Актуальность социальных проблем в конкретной области обоснована сложностью реализации соответствующих гражданских прав.

Таблица 4

Наиболее труднореализуемые гражданские права и свободы, %

Гражданские права и свободы	Доля упоминаний
Право на труд	18,7
Охрана здоровья	27,7
Право на жизнь	9,5
Право на жилище	33,8
Право на свободу и личную неприкосновенность	11,5
Право на отдых	16,4
Право на социальное обеспечение	33,1
Право на защиту своих прав и свобод, включая судебную	15,6
Право на образование	11,8
Свобода от любых вмешательств в личную жизнь	11,5
Право на частную собственность, предпринимательство	15,6
Свобода мысли и слова	9,2
Свобода передвижения по стране и за ее пределами	8,5
Право на родной язык	1,5
Право избирать и быть избранным	4,4
Право на участие в общественной и политической жизни	4,4
Религиозная свобода	1,8
Свобода совести	2,3
Свобода объединений, союзов	1,5
Я не задумывался(ась) на эту тему	13,3

Гендерная специфика практически не проявлена в определении труднореализуемых прав и свобод, однако нельзя не обратить внимания на одну особенность: 14,4% мужчин определили как труднореализуемую свободу мысли и слова, женщин, солидарных с ними, оказалось практически в 3 раза меньше. Возрастная и статусная специфика в контексте данного вопроса выявлена, и она лишь подтверждает ранее полученные данные.

О сложности реализации права на социальное обеспечение чаще говорят безработные, пенсионеры и женщины, находящиеся в декретном отпуске. С увеличением возраста растет сложность реализации права на охрану здоровья и социальное обеспечение. При этом снижается актуальность реализации права на жилище (табл. 5).

Кроме того, в ходе анализа выявлена и образовательная специфика в оценках возможности реализации некоторых гражданских прав и свобод. Так, чем ниже уровень образования респондента, тем чаще упоминается сложность реализации права на охрану здоровья и социальное обеспечение. Уровень образования, безусловно, определяет не только правовую грамотность человека, но и способность находить и анализировать соответствующую информацию.

Сложности с реализацией права на труд испытывают чаще саратовцы с основным общим или средним специальным образованием. Вероятно, на рынке труда Саратова в большей степени востребованы трудовые кадры либо с высокой квалификацией, либо не требующие ее вообще (табл. 6).

Таблица 5

Возрастная специфика возможности реализации некоторых гражданских прав и свобод, %

Гражданские права и свободы	Поколение		
	Младшее	Среднее	Старшее
Охрана здоровья	15,7	33,0	38,7
Право на социальное обеспечение	30,0	30,9	46,8
Право на жилище	38,6	34,0	22,6

Таблица 6

Образовательная специфика возможности реализации некоторых гражданских прав и свобод, %

Гражданские права и свободы	Уровень образования			
	Среднее или ниже	Основное общее	Среднее специальное/техническое	Высшее
Охрана здоровья	47,6	31,2	26,4	24,9
Право на социальное обеспечение	52,4	37,7	37,7	26,5
Право на труд	9,5	24,7	21,7	15,7

Наибольшую ответственность за качество правозащитной работы на территории Саратовского региона большинство опрошенных возлагают на губернатора и мэра (чуть менее 50,0%), практически в 2 раза реже упоминались депутаты законодательного собрания и уполномоченный по правам человека. При этом к числу структур, наиболее активно занимающихся правозащитной работой на территории Саратовской области, были отнесены уполномоченный по правам человека (39,0%), прокуратура (29,0%), суды (23,6%) и полиция (20,7%).

Оценка деятельности правоохранительных органов Саратовской области оказалась достаточно низкой. Средние баллы чаще не превышают уровня трех (табл. 7). Самый высокий средний балл 3,2 – это оценка работы спецслужб и органов безопасности. Более 70,0% оценок респондентов приходится на диапазон от 1 до 3 баллов, исключение составили оценки работы спецслужб (59,3%). Этот факт и объясняет столь невысокие показатели стандартного отклонения

и дисперсии в оценочных позициях. Наименьшую оценку работы получили структуры, которые, по мнению саратовцев, несут большую ответственность за качество правозащитной работы в регионе, – органы местного самоуправления. Вероятно, именно эта установка объясняет столь высокий уровень критичности в оценках населения.

По данным нашего опроса, лишь четверть саратовцев не сталкивались с ситуациями нарушения прав и свобод человека в Саратовской области, 25,5% указали на то, что были нарушены их личные права, 34,0% говорили о нарушении прав родственников или друзей и 23,0% саратовцев знают о подобных ситуациях с незнакомыми людьми из СМИ.

Коррупция во властных структурах и правовая безграмотность населения – наиболее частые причины нарушения прав и свобод в известных опрошенным ситуациях. Чуть реже упоминались несовершенство законодательства и бюрократический аппарат как препятствия в реализации прав и свобод граждан.

Таблица 7

**Расчета средних показателей балльных оценок деятельности правоохранительных органов
(из максимально возможных 5 баллов)**

Показатели	Судебная система	Прокуратура	МВД	Органы безопасности, спецслужбы	Полиция	Органы местного самоуправления
Среднее	2,8	2,9	2,9	3,2	2,7	2,6
Не дали в оценках выше трех баллов (% от общего числа оценок)	73,3	69,8	70,6	59,3	75,8	78,0
Мода	3	3	3	3	3	3
Стандартное отклонение	1	1	1	1	1	1
Дисперсия	1,0	1,0	1,1	1,1	1,1	1,1

Результаты нашего исследования доказывают необходимость поиска и реализации современных технологий повышения эффективности правозащитной работы соответствующими государственными институтами. При этом наиболее актуальными направлениями в стабилизации правозащитной ситуации в Саратовском регионе, на наш взгляд, должны стать: организация мероприятий по повышению правовой грамотности населения региона; усиление контроля за механизмами реализации государственных социальных программ, в особенности в системе здравоохранения; мониторинг качества соблюдения предприятиями г. Саратова норм трудового законодательства и применение соответствующих мер наказания в случае их неисполнения.

Примечания

- 1 Конституция Российской Федерации. М.: АСТ-Астрель. 2009.
- 2 См.: Джоди Гаммоу. О соблюдении прав и свобод граждан в США (источник: inosmi.ru). URL: <http://ru.exrus.eu/O-soblyudeni-prav-i-svobod-grazhdan-v-SShA-id5329da51ae20154305b33c47> (дата обращения: 02.02.2015); Колесова Н. С. Основные права и свободы гражданина во Франции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. URL: <http://law.edu.ru/book/book.asp?bookID=52947> (дата обращения: 02.02.2015); Долгов: Доклад ЕКПП подтверждает нарушения международных норм на Украине 14 января 2015 // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации : [сайт]. URL: http://ombudsmanrf.org/news/v_mire/view/dolgov:_doklad_ekpp_podtverzhaet_narusheniya_mezhdunarodnykh_norm_na_ukraine (дата обращения: 02.02.2015); В мире ухудшается ситуация со свободой («The Washington Post», США) Оригинал публикации : Around the world, freedom is in decline Опубликовано : 13/01/2011 15:39. URL: <http://inosmi.ru/world/20110115/165647402.html> (дата обращения: 02.02.2015).

3 См.: Материалы российских НПО, подготовленные для Универсального периодического обзора по России в Совете ООН по правам человека. Сентябрь 2008 г. URL: <http://publicverdict.ru/topics/library/1040209.html> (дата обращения: 02.02.2015).

4 См.: Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // Европейский омбудсман. 9 марта. URL: http://euroombudsman.org/reference/laws_and_other_documents/fkz-ob-upolnomochennom-po-pravam-cheloveka-v-rossijskoj-federacii (дата обращения: 02.02.2015).

5 Мониторинг «Восприятие жителями Саратова качества соблюдения и защиты прав и свобод граждан» проведен методом формализованного интервью в октябре–декабре 2014 г. В территориальной квотной выборке учтены все параметры и характеристики генеральной совокупности, что позволяет говорить о ее репрезентативности. В опросе приняли участие 429 жителей г. Саратова.

6 По нашей выборке респонденты в возрасте от 18 до 29 лет были отнесены к младшему поколению, 30–55 лет – к среднему и 56–80 лет – к старшему.

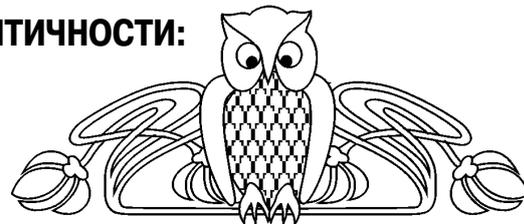
УДК 303.1

КРИЗИС КОНЦЕПТА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Н. Ю. Кравченко

Саратовский государственный университет
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

В статье анализируется разрушение единства телесного, рационального и психического периода постмодерна, что приводит к нарастанию кризиса гражданской идентичности. Автор приходит

к выводу, что перенос проекта гражданского общества эпохи Нового времени и формирование гражданской идентичности этого типа невозможны в современной России. Вывод подкрепляется

цивилизационной спецификой оснований гражданской идентичности России. Такие черты, как соборность, общинность, ближе по характеру к коллективным основаниям Античной эпохи и коммунальным основаниям идентичности Средневековья.

Ключевые слова: гражданская идентичность, гражданское общество, кризис гражданской идентичности.

Crisis of a Concept of Civil Identity: Sociological Measurement

N. Yu. Kravchenko

The article analyzes destruction of unity corporal, rational and mental in the period of a Postmodern that leads to increase of crisis of civil identity. The author comes to a conclusion that transfer of the project of civil society of an era of Modern times and formation of civil identity of this type is impossible in modern Russia. The conclusion is supported with civilization specifics of the bases of civil identity of Russia. Such lines as conciliarism, ancommunity style are closer on character to the collective bases of the Antique era and the municipal bases of identity of the Middle Ages.

Key words: civil identity, civil society, civil identity crisis.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-14-18

Понятие «гражданская идентичность» пришло в литературный русский язык и научный оборот в конце XX в. С распадом СССР жители страны были лишены формальных оснований для прежних идентификаций. Перед ними стояла задача выбора новых идентичностей в новом государстве. В конце периода правления Б. Н. Ельцина был взят курс на построение правового государства, гражданского общества, следовательно, стала востребована гражданская идентичность. В настоящее время в стране ведется большая работа по конструированию позитивной гражданской идентичности. За образец взяты конструкты западноевропейской модели гражданского общества и гражданской идентичности. Теоретически подходы в данной области разрабатывались учеными, начиная от Дж. Локка и Т. Гоббса в Западной Европе (в период Нового времени). В данной статье речь пойдет о возможных проблемах переноса европейского образца гражданской идентичности, разработанного в эпоху Нового времени, на российскую почву. Для этого мы рассмотрим основания формирования гражданской идентичности в Западной Европе в различные эпохи.

Гражданская идентичность представляет собой сложный социокультурный феномен, ее проявления, реализующиеся в практиках, предопределяются многими факторами. Один из ключевых факторов – основания, на которых происходит формирование идентичности. Они могут быть различными в зависимости от того, в какое время, в какой исторический период, в какой стране они закладываются. Иными словами, эти основания и цивилизационная специфика общества, социальный уклад будут влиять на зрелую форму гражданской идентичности. Ос-

нования формирования идентичности и цивилизационную специфику мы будем рассматривать через призму данного нами определения гражданской идентичности (социально обусловленное позиционирование индивида в гражданской сфере в конгруэнтном соотношении, целостности «Я-телесного», «Я-психического» и «Я-рационального»).

Отдельные элементы гражданского общества мы наблюдаем уже в обществах античной цивилизации, они представлены в коммунарски-элитарной модели гражданства. Основание для формирования гражданской идентичности в этот период – принципы коллективизма. Гражданин был неразрывно связан с телом полиса: телесно, политически, экономически, рационально, психически. Потеряв право на владение землей и недвижимостью в черте полиса, гражданин терял гражданские права. В идентификационной матрице гражданина античного полиса преобладала телесная составляющая. Для античного социального уклада, культуры было характерно всеобщее слияние и невыделенность элементов, они находились в состоянии синкретизма¹.

В Средние века начинается процесс десинкретизации оснований идентичности. Ограниченное число вертикальных политических конструкций заменяется большим количеством самоуправляемых образований (таких как цех, братство, корпорация), имеющих сложные горизонтальные связи между собой и вертикальные связи с государством. Выделение все большего количества образований способствует выдвиганию на более высокую стадию синкретизма и создает условия для появления современного гражданского общества.

Телесная форма коллектива (гражданин полиса) сменяется телесностью самоуправляемого образования, а коллективная форма гражданской идентичности сменяется групповой. Тем самым основания идентичности изменяются с коллективных на групповые.

«Я-психическое» и «Я-рациональное» проявляются не только в религиозности индивидов – служении Богу, но и в служении вассалу, корпорации. Античная телесность, которая была на первом плане в идентификационной матрице граждан Древней Греции и Древнего Рима, уступает «Я-рациональному». Это диктуется необходимостью в интеграции на уровне сословия, корпорации. «Я-психологическое» становится групповым, индивиды воспринимают себя в этом отношении как часть группы, к которой они себя причисляют (цех, братство)².

Новое время охватывает два столетия, к этому моменту подготовлена почва для эволюции индивида, которая проявляется в становлении нового стиля мышления, в рамках которого формируются современные формы государства и общественного устройства. Этот стиль мышления

способствует становлению гражданского общества и гражданской идентичности нового типа.

Господствовавшие прежде вертикальные социальные связи сменяют горизонтальные, но уже не властные, а образованные автономными ассоциациями граждан. Человек эпохи Модерна, отмечает С. Н. Гавров, постепенно приобретает «модульный характер», встраиваясь в различные социальные, профессиональные, культурные группы, выбирая свою карьеру, жизненный путь, варианты самореализации»³.

В новую эпоху формируется идея о личности, неотъемлемые права, свободы и интересы которой могут расходиться с интересами государства. Индивидуальные свободы связываются со свободой членов общества, не зависящих от государственной власти. Служение – духовное, вассальное, корпоративное – уступает место службе, работе по найму. Формируются централизованные национальные государства, обладающие суверенитетом, государственной казной, профессиональным управленческим аппаратом, т. е. признаками современных государств. Начиная с этого этапа, на первый план выходит рациональное мышление во всех областях деятельности индивидов, в том числе «Я-рациональное» занимает первое место среди компонентов гражданской идентичности.

Переворот в общественной идеологии выражается в развитии искусства и культуры, широком распространении протестантской буржуазной этики, в создании теории естественного права, включающего представления о гражданском обществе как о социально-политическом идеале. Происходит осмысление разума как божественного начала и бога науки, что способствует укреплению рациональных практик. Горожане начинают борьбу за свои права и привилегии.

Следующая отличительная черта эпохи Нового времени – атеизм и процесс секуляризации. Мирозрение индивида постепенно освобождается от связи с религиозными представлениями и концентрируется на проблемах, запросах, природе личности. Наметившееся в XVI–XVII вв. вытеснение Бога из картины мира, интеллектуальных моделей, разрушение христианского догматизма открыли путь для новых идей, мыслей. Христианские идеалы перестают задавать параметры идентичности, индивиды начинают сомневаться и критически осмысливать действительность. «Я-психическое» в форме религиозного (духовного) перестает играть такую значимую роль, как в предшествующие эпохи.

Если в эпоху Средневековья конструировалась религиозная идентичность, то в эпоху Нового времени на смену ослабшей религиозной коллективной идентичности приходит конструкт идентичности национальной. Индивид начинает не только отождествлять себя с нацией, но и чувствовать себя частью тела нации. Во время Великой Французской революции происходит

выделение индивидов как части тела нации «своих» и «других», например, Людовика XVI номинируют как врага, чуждого телу нации. Другими словами, телесная компонента гражданской идентичности остается, но закрепляется на новом уровне.

Процессы социализации и идентификации происходят в других системах отсчета, не в семейной, предполагающей именной или сословно-корпоративный тип трансляции исторического опыта от поколения к поколению, характерной для Средневековья, а в абстрактной универсально-логической форме. Генетическую заданную принадлежность к группе, которая определяла статус человека внутри общины, корпорации, сословия, сменяют функционально-ролевые отношения «по соглашению»⁴.

Как было сказано выше, в период архаики гражданская идентичность была синкретична и коллективна. В Средневековье возникает групповая психика, в Новое время она сменяется индивидуальной.

Этос гражданина Нового времени формировался в результате стихийного развития культуры, с одной стороны, и идеологического воздействия государства – с другой. Гражданство становится важнейшим институтом, ограничивающим власть государства. В результате демократизации государственного управления статус подданного вытесняется гражданским. Складывающийся институт гражданства становится, по выражению Ю. Хабермаса, коллективным членством граждан, принимающих участие в осуществлении политического господства⁵.

Идеи классической рациональности, развивавшиеся в период Нового времени, проходили несколько стадий и достигли кризиса. По мнению Ю. Хабермаса, именно на основании этого кризиса и начинает формироваться постмодернизм. Концепт гражданского общества также достигает пика в условиях Модерна и испытывает распад при переходе к постмодерну. С завершением проекта Модерна гражданская идентичность, присущая этой эпохе, себя исчерпала. Продолжать выстраивать гражданскую идентичность в ситуации кризиса Модерна стало невозможно. Причина, по всей вероятности, в том, что в постмодерне гражданская идентичность утратила свою ценность, распалось единство телесного, рационального и психического.

Рациональность граждан эпохи постмодерна – это целеполагание в достижении высокого уровня комфорта, передвижения и т. д. Ж. Бодрийяр описывает современную эпоху как эпоху симуляции и гиперреальности. Социальная телесность предшествующих эпох, выражавшаяся в единении индивида с телом полуса, цеха, корпорации, нации, уходит в прошлое, происходит схлопывание «социального тела». Современные граждане образуют «молчаливое большинство», конформизм и безразличие – их сущность⁶.

Факторы, которые оказывали влияние на процессы и задавали параметры в эпоху Нового времени, поменяли свой полюс на прямо противоположный. Сенкритизация сменилась десинкретизацией, она проявляется в новой родо-племенной десинкретизации, неотрейболизме. Вертикальные связи той эпохи сменялись горизонтальными, сейчас мы наблюдаем распад горизонтальных связей. Идентичность групповая была универсальна в эпоху Модерна, а теперь она становится локальной.

Если в Новое время происходило построение гражданского общества, то сейчас наблюдается его распад. Атеизм Нового времени сменяется религиозностью, т. е. возвращением к прошлым, домодерновым формам идентичности. В Европе в последние десятилетия фиксируется повышение уровня религиозности, продолжают выстраиваться основания для новых социокультурных идентичностей: христианской, исламистской, буддистской и т. д.⁷

На смену национальной идентичности приходят наднациональная, глобальная, локальная, глокальная, неотрейболизм и т. д. Индивидуальная психика Модерна сменяется и разрушением психологичности в постмодерне. На смену общей телесности и психологичности приходит разрушение телесности и т. д.

Здесь важно обратить внимание на то, что автономная, индивидуальная рациональность граждан Западной Европы периода Нового времени была присуща идентичности буржуа. Сословие буржуазии выступало в роли социального субъекта, было движущей силой революционных общественных изменений этой эпохи, так как гражданское общество, правовое государство отвечало именно их чаяниям. Иными словами, гражданская идентичность была общественным идеалом сословия буржуазии, этот идеал буржуазия и конструировала и формировала в сознании общества.

По мнению Ф. Фукуямы, в эпоху постмодерна главный потребитель гражданского общества и демократии на Западе – уже не сословие буржуазии, а средний класс. Он должен иметь общественные идеалы, сходные с идеалами буржуазии эпохи Модерна, а также потребность в активном участии в политической жизни, собственности, быть заинтересованным в ее сохранении, добиваться высокого уровня образования, обладать критическим мышлением и требовать признания индивидуальности⁸.

На первый взгляд, предположение, что средний класс может выступать как социальный субъект в эпоху постмодерна, логично. Но в условиях, когда практики граждан переместились в плоскость частной жизни и граждане превратились в публику, которая воспринимает важные политические события в стране только как зрелища, эта логика пропадает⁹. В обществе потребления, если не брать в расчет корреляции

между интенсивностью потребления и возрастом, в качестве основного потребителя выступает именно деполитизированный средний класс.

Возможно, гражданское общество, правовое государство, граждане – носители гражданской идентичности – это западноевропейский бренд, от которого невыгодно отказываться и власти, и гражданам. Бренд представляет собой симулякр (Ж. Бодрийяр). Таким образом, концепт гражданской идентичности в современной Европе не может быть востребован, так как нет социального субъекта, который был бы заинтересован в выходе гражданской идентичности из кризиса. При этом общество заинтересовано в конструировании и поддержании симуляции процесса формирования гражданской идентичности.

Вернемся к вопросу: возможен ли перенос европейского образца гражданской идентичности, разработанного в эпоху Нового времени, в современную Россию?

Сразу скажем, что сословия буржуазии – носителя общественного идеала гражданского общества типа западного Модерна – в России не было. До революции 1917 г. в Российской империи буржуазии не хватило времени, чтобы обрести гражданскую идентичность взамен подданческой. В конце XX в. в созданной Российской Федерации появился слой буржуа – это люди, заинтересованные в защите собственности со стороны государства и в укреплении нации. Иными словами, мы видим появление социального субъекта, который может быть заинтересован в конструировании и формировании гражданской идентичности. Здесь мы можем также предположить, что российская буржуазия, так же как и средний класс на Западе, может быть двигателем, в первую очередь, не политических практик, а практик общества потребления.

На это можно возразить, что для неокрепшего, не утвердившегося в своих правах сословия на первом месте будут проблемы безопасности и легитимности их собственности, которые не позволят им оставаться вне политики. Они будут заинтересованы в развитии толерантности, гражданской идентичности и укреплении правового государства.

В заключение скажем, что гражданская идентичность – не универсальное понятие, конструктор, предложенный мыслителями Нового времени и воплощенный в жизнь буржуазией при поддержке других сословий, не единственный возможный. Гражданская идентичность обусловлена многими факторами, на особенности ее формирования влияет цивилизационная специфика. Гражданская идентичность индивидов разных эпох представляет собой модификации феномена. В эпоху Античности – гражданская идентичность полиса, в эпоху Средневековья – сословной корпорации, в Новое время – нации.

Вариант гражданской идентичности в России может быть состоятельным при условии

развития буржуазного сословия. При этом российская гражданская идентичность будет коллективная, коммунальная соборная по своим основаниям, т. е. будет принципиально отличаться от западноевропейской, сформированной в эпоху Нового времени.

Примечание

- ¹ Подробнее об этом см.: *Кравченко Н. Ю.* Основы типологизации гражданской идентичности : полисный период античности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 13–16; *Она же.* Миф в механизме формирования гражданской идентичности в логике полиса. Некоторые проблемы социально-политического развития российского общества. Саратов : ИЦ «Наука», 2013. С. 45–47.
- ² Подробнее об этом см.: *Кравченко Н. Ю.* Основания средневековой западно-европейской гражданской идентичности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 13–16; *Она же.* Особенности генезиса гражданской идентичности (Древние цивилизации) // Некоторые проблемы социально-политического развития российского общества : сб. науч. тр. Вып. 19 (115). Саратов : Научная книга, 2012. С. 55–58; *Она же.* Цивилизационная обусловленность гражданской идентичности // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 87–104.
- ³ *Гавров С. Н.* Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М. : МГУКИ, 2002. С. 78.

УДК 316.4

ОПЫТ В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ПО МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ В СТРАНАХ

Е. В. Сайганова

Саратовский государственный университет
E-mail: Saiganovaev@yandex.ru

В статье рассматриваются анализ молодежной политики за рубежом, в Германии и Швеции, специфика изучения процессов социализации молодого поколения в рамках государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, общество, социальные институты общества, государственная молодежная политика.

Experience in Implementing Programs for Youth Policy in the Country

E. V. Saiganova

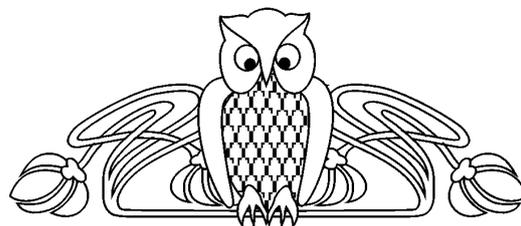
This article discusses the analysis of youth policy abroad, in the Germany and Sweden, specifics of studying the processes of socialization of the young generation in the framework of the state youth policy.

Key words: youth, society, social institutions of society, state youth policy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-18-21

© Сайганова Е. В., 2015

- ⁴ См.: *Гудков Л. Д.* Русский нетрадиционализм и сопротивление переменам // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 87–102.
- ⁵ См.: *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью. М. : КАМІ-ACADEMIA, 1995.
- ⁶ См.: *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015.
- ⁷ См.: *Кофанова Е. Н., Мчедлова М. М.* Религиозность россиян и европейцев // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. 2010. № 2. С. 201–229.
- ⁸ См.: *Фукуяма Ф.* Будущее истории // Foreign Affairs. 2012. № 1. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-istorii-15456> (дата обращения: 24.04.2015).
- ⁹ Ф. Фукуяма, продолжая идею Ницше, актуализирует понятие «последнего человека», или постисторического человека толпы, который ни во что не верит и ничего не признает, кроме своего комфорта, и который утратил способность испытывать благоговение. Гармония мыслей, чувств и поступков уступает место эклектике и мозаичности постмодерна в прочувствованиях, осмыслениях и действиях. Актриса Фаина Раневская сетовала, что у артистов и зрителей исчезло чувство *трепета* от происходящего на сцене – ключевое чувство для мира театра. Современные граждане утратили так необходимое чувство *неравнодушия* к происходящему, без которого невозможно быть полноценным гражданином.

В развитых западных странах (США, Франции, Великобритании, Италии, Германии, Швеции, Испании, Финляндии и др.) уже не одно десятилетие формируется молодежная политика как самостоятельное направление деятельности государства, социальных институтов общества и общественных организаций, в основе которой, как правило, находятся гуманистические идеи развития личности. Накопленный западными странами богатый опыт по государственной молодежной политике может быть полезным и для России.

В настоящее время вопрос социализации молодого поколения очень остро стоит во всех странах мира, что обусловлено быстрыми социально-экономическими изменениями, научно-техническим прогрессом, перестройкой социальной структуры общества, новыми явлениями в сфере идеологии и культурной жизни. Возрастная группа от 15 до 30 лет в начале XX в.

составила 18% (более 1,5 млрд человек) всего населения мира¹. Повышенный интерес к молодой генерации отражает одну из объективных закономерностей современного этапа мирового развития, связанную с усилением роли молодежного фактора в социально-экономических и политических процессах.

В начале XXI в. молодежная политика в развитых странах Запада, по мнению исследователей, приобрела вполне определенные формы и осуществляется по нескольким весьма разным способам и моделям. Наиболее известны три модели, которые сложились в Швеции, США и Германии и отличаются по степени государственно-регулирующего и вмешательства².

В Германии осуществляется стратегия ведущей роли государства в сфере молодежной политики. В этой стране с развитой системой регулирования социально-экономических процессов государство играет ведущую роль в определении приоритетов молодежной политики и ее осуществлении, тесно взаимодействуя с неправительственными организациями. Политика государства осуществляется на основе нескольких законодательных актов как общего характера, определенным образом регламентирующих молодежные вопросы, так и тех, что непосредственно ее касаются³.

В Германии молодежная политика реализуется на основе Конституции и федеральных законов «О помощи молодежи и детям», «О защите молодежи», элементы социальной поддержки молодежи отражены в Государственном законе «О благотворительности молодежи», а также ежегодного федерального плана по молодежной и детской политике.

Представительство управления по делам молодежи имеет четырехуровневую структуру. Администрирование на федеральном уровне осуществляет Министерство по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи, оно координирует деятельность всех учреждений, занимающихся вопросами молодежи. В нем есть отдел по вопросам молодежи, занимающийся разработкой ежегодного федерального плана по молодежной политике (также в разработке плана участвуют Министерство образования и науки и Министерство экономики и занятости).

На уровне земельной власти администрирование осуществляют управления сената для школ, молодежи и спорта, они разрабатывают, ориентируясь на федеральный план, земельные планы молодежной политики с учетом потребностей регионов и занимаются выполнением молодежной политики. На коммунальном уровне (уровне решения проблем вне компетенции местного представительства и на местном уровне) работают управления по делам молодежи, здесь происходит непосредственная реализация задач и программ, определенных в федеральном и земельном планах.

На всех уровнях управления действуют специальные программы, направленные на обеспечение молодым гражданам возможностей обучения и труда, образования и досуга. Основу программ составляют пособие и услуги. Социальные услуги предоставляют муниципальные, региональные, земельные социальные службы, волонтерские и частные организации⁴.

Широко используется принцип субсидиарности, когда основная ответственность, в том числе финансовая, возлагается на низовой уровень. В Германии до 60% расходов на реализацию молодежных программ приходится на коммунальный уровень (около 10% коммунального бюджета), а 35% – на земельный. Это позволяет предоставлять молодым людям более адресную помощь с учетом локальных и региональных социально-экономических реалий и потребностей.

Молодежные программы разрабатываются на существенной научно-методической основе, широко применяется комплексный подход. Регулярно проводится мониторинг проблем молодежи независимыми экспертами, который позволяет уполномоченным органам принимать взвешенные долгосрочные решения на основе различных оценок ситуации и возможностей ее развития, внося соответствующие коррективы. Стоит вспомнить, что в Германии существует более 200 научных центров, организаций и учреждений, занимающихся исследованиями различных проблем молодежи, действует научный центр – Немецкий институт молодежи⁵, регулярно издающий отчеты о положении молодежи, представляемые федеральным правительством в Бундестаг и Бундесрат в каждый отчетный период.

Большое внимание правительство уделяет вопросам повышения квалификации специалистов в сфере помощи молодежи, работающих на профессиональной основе по единому стандарту⁶. Результатом плодотворной работы молодежного ведомства в течение четырех десятилетий стало создание по всей стране центров повышения квалификации работников молодежной сферы. Содержание и стандарты обучения включают обязательную практическую направленность, уважение к личности и опыту, желаниям курсантов, новые подходы и методы, позволяют изменить отношение и взгляды специалистов к своей работе.

Среди основных черт молодежной политики Германии можно выделить политику партнерства, диалог государства и социально-политических структур общества, которые предоставляют общественную помощь молодежи, в частности: церкви и другие религиозные организации, юридические лица в сфере предпринимательства, союзы свободной помощи, молодежные союзы, инициативные группы и группы самостоятельной помощи⁷. Но решающее влияние на осуществление молодежной политики имеют

политические партии – прежде всего те, что находятся у власти⁸. В процессе деятельности между организациями формируются особые отношения, которые способствуют решению проблем и поддержке интересов молодежи.

Молодежь играет ключевую роль в демократическом преобразовании общества. К слову, адресности мероприятий в отношении молодежи способствует условное разделение единого массива молодежи, она делится на «непосредственно молодежь» (14–18 лет) и «молодых взрослых» (18–27 лет), так как приоритеты в этих возрастных группах различны.

Мощное молодежное движение Германии по праву считается признаком наличия развитого гражданского общества в этой стране. Сотрудничество власти и неправительственных организаций происходит на всех уровнях реализации молодежной политики. В Германии неправительственные организации, в первую очередь – молодежные, могут получить статус «общественного исполнителя», если их работа соответствует задачам молодежной политики, и участвовать в реализации конкретных мероприятий. Организации, участвующие в осуществлении молодежной политики, занимаются лоббированием интересов своих членов (в основном – представителей молодежных групп) на всех уровнях власти, т. е. представительство интересов идет снизу вверх⁹.

Обычно организации ставят своей целью воспитание и обучение молодежи, организацию досуга, предоставление консультаций, представление интересов молодых людей во всех сферах жизни перед государством и обществом. Среди других важных задач молодежных организаций – молодежный обмен, межкультурное общение.

Таким образом, государство при наличии мощной законодательной базы и структур обеспечивает реализацию прав молодежи, оказывает государственную помощь молодым людям, кому она необходима, проводит мероприятия превентивного, компенсационного и субсидиарного характера, привлекает широкие массы молодежи к решению собственных проблем. Определенным показателем эффективности молодежной политики Германии может служить хотя бы тот факт, что, по данным социологических опросов, 70–80% молодежи выражают свое удовлетворение существующей системой и жизнью в ней¹⁰.

Молодежная политика по модели Швеции основывается на стратегии паритета государства и структур гражданского общества в сфере молодежной политики. Несмотря на то что в Швеции реализуется специальный закон о молодежной политике, существует целая отрасль законодательства, которая охватывает проблемы труда, учебы, отдыха и др. Многие положения в отношении молодежи нашли отражение в «Законе о социальных службах»¹¹.

В Швеции государство формулирует общее направление, цель и приоритеты молодежной

политики, но в реализации этой цели главная роль отведена местному самоуправлению и общественным организациям.

Молодежная политика осуществляется на центральном уровне, уровне муниципалитета и на уровне округов. Центральное правительство занимается разработкой и реализацией законодательства и программ по вопросам молодежи. Разработка единых национальных программ и планов не практикуется, молодежная политика как комплекс мер, призванных обеспечить всем молодым людям равный шанс на достойную жизнь, реализуется различными министерствами, ведомствами, общественными организациями в рамках их компетенции. Также центральное правительство определяет общую сумму расходов и их распределение между местными органами власти, принимающими решения о приоритетах расходов с учетом локальных особенностей.

Специальное министерство по делам молодежи и молодежной политике в Швеции отсутствует. Администрирование этой сферы осуществляет Министерство справедливости, в круг полномочий которого входят также контроль за соблюдением Конституции и законов, государственное управление, деятельность общественных организаций. Органы местной власти играют решающую роль в обеспечении работы социальных служб. На уровне муниципалитетов и округов в каждой коммуне создаются социальные советы, непосредственно решающие молодежные проблемы и координирующие усилия всех организаций, учреждений, служб по работе с молодежью¹².

Молодежная политика Швеции обеспечивает приоритет молодежи в различных сферах государственной деятельности и имеет целью углубление веры молодежи в настоящую политическую демократию путем постоянного диалога государства с молодежью и предоставлением ей возможности самой «делать» политику. Неправительственные организации имеют в Швеции существенное значение, они охватывают около 3/4 молодежи.

К наиболее распространенным инструментам молодежной политики в Швеции можно отнести: предоставление услуг, государственное финансирование молодежных программ, предоставления кредитов, финансовую поддержку молодежи и молодежных организаций и другую деятельность по созданию условий для нормального развития каждого молодого человека¹³. Более двух третей социальных услуг, например, программы для зависимых от химических веществ, помощь семьям с детьми, молодежные консультации, предоставляются и финансируются местными властями, хотя и с некоторыми дотациями из общегосударственного бюджета¹⁴.

Образовательные, социальные и медицинские услуги предоставляют также частные службы, хотя в отношении таких направлений,

как образование молодежи, социальное обслуживание, жилищная политика, сохраняются существенный государственный контроль и регулирование. Незначительная часть программ, например, поддержка студентов, собственного бизнеса и занятости молодежи, финансируется за счет государственных грантов. Разные авторы преимущественно утверждают, что в стране остается мощным политическое движение за сохранение универсальности социальных программ и высокого уровня расходов на базовые государственные программы. Но тенденцией последнего десятилетия можно считать приобретение адресной социальной помощи молодежи, развитие волонтерства¹⁵.

Принимая во внимание все вышеизложенное, можно прийти к выводу, что с развитием демократических процессов отношение государства к молодому поколению приобретает принципиально новые признаки и превращается в коммуникацию как единство двух равных субъектов. При этом повышению эффективности реализации молодежной политики способствуют многие факторы, такие как децентрализация государственного управления, развитие механизмов взаимодействия и партнерства субъектов: это и государство, и социально-политические общества, и бизнес-структуры.

Примечания

¹ См.: Тараканов П. В. Молодежь как объект и социальный субъект политического процесса // Общество и безопасность : перспективы эволюции, современное

состояние : сб. науч. ст. / под ред. Н. П. Шебанова. Саратов : Научная книга, 2006. С. 124.

- ² См.: Лупандин В. Н. Социология молодежи : учеб. пособие. Орел : Изд-во Орлов. гос. техн. ун-та, 2011. С. 136.
- ³ Там же. С. 138–140.
- ⁴ См.: Калинина З. Н., Орехова Е. Я., Полунина Л. Н. История и современное состояние молодежной политики за рубежом : учебник. Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2013. С. 257.
- ⁵ См.: Социальная работа с молодежью : учеб. пособие / под ред. Н. Ф. Басова. М. : Дашков и К^о, 2009. С. 271.
- ⁶ См.: Филиппов В. Социальный потенциал молодежи как предмет социологического анализа // Ученые записки. 2007. № 4. С. 52.
- ⁷ См.: Государственная молодежная политика : российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений / под ред. В. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. С. 264.
- ⁸ См.: Социальная работа с молодежью. С. 272.
- ⁹ См.: Исаев Э. Ш., Петренко Д. А. Молодежь как особая общественная группа в социальной структуре общества Германии // Независимая газ. 2006. № 3.
- ¹⁰ См.: Чеблукова А. А., Чеблукова Т. А. Молодежь Германии в зеркале исследования трендов и социальных опросов. М. : Альянс-пресс, 2005. С. 54.
- ¹¹ См.: Смирнов С. Н., Сидорина Т. Ю. Социальная политика : учеб. пособие. М. : ГУ-ВШЭ, 2004. С. 113.
- ¹² См.: Социальная работа с молодежью. С. 269.
- ¹³ См.: Государственная молодежная политика... С. 270.
- ¹⁴ См.: Социальная работа с молодежью. С. 229.
- ¹⁵ См.: Леонов Ю. С. Молодежная политика : зарубежный и отечественный опыт // Аналитический вестн. Совета Федерации ФС РФ. 2007. № 4 (321). С. 31–42.

УДК 314.554

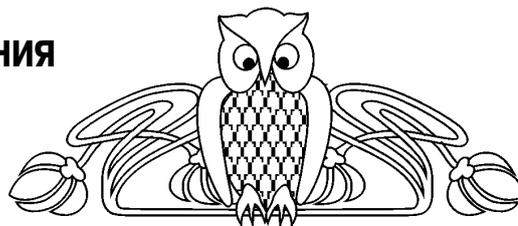
БРАК И РАЗВОД В РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФОРМАЛЬНЫХ И НЕФОРМАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

А. Б. Синельников, О. В. Дорохина¹

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

¹ Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, Москва
E-mail: sinelka@mail.ru, odorokhina@yandex.ru

Статья посвящена изменениям российского семейного законодательства и ценностей семейного образа жизни в XX в. Законы Российской империи предусматривали много ограничений на заключение и особенно на расторжение брака. Эти законы, т. е. формальные социальные нормы, остались неизменными на протяжении жизни многих поколений, но на рубеже XIX и XX вв. изменились моральные, т. е. неформальные нормы. Часть интеллигенции требовала радикального изменения законов о семье: полной свободы развода, равноправия для детей, рожденных вне брака, и т. п. Эти требования осуществили большевики, которые радикально изменили семейное законодательство и ценности

семейного образа жизни, что усилило кризис семьи, который продолжается и в наше время.

Ключевые слова: семейное законодательство, законные причины для развода, внебрачные рождения, либерализация семейного законодательства, кризис семьи, ценности семейного образа жизни.

Marriage and Divorce in Russia in the View of Formal and Informal Social Regulations

A. B. Sinelnikov, O. V. Dorokhina

The article is devoted to the changes in Russian matrimonial law and the values of family lifestyle in the twentieth century. Legislation of the Russian Empire contained many restrictions on the right to marry and especially to divorce. These laws (i.e. formal social norms) remained

intact for centuries, however moral standards of society (i.e. informal social norms) significantly changed on the threshold of the twentieth century. Some of Russian intellectuals demanded radical changes in the marriage and family law regulations, in particular absolute freedom to divorce and equal rights for children born out of wedlock. These demands were realized after the October revolution of 1917. Bolsheviks radically changed both the matrimonial and family law and the values of family lifestyle. These reforms intensified the family crisis which continues in Russia nowadays.

Key words: matrimonial and family law, legal grounds for divorce, illegitimate births, liberalization of family legislation, family crisis, values of family lifestyle.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-21-28

Дореволюционный период. В Российской империи лица любых признанных государством вероисповеданий имели право заключать и расторгать браки по своим религиозным законам, которые почти не менялись в течение веков. В начале XX в. они уже не соответствовали неформальным социальным нормам, т. е. существующим в обществе представлениям о том, какими должны быть брачно-семейные отношения.

Противоречие могло бы быть разрешено в случае передачи данных вопросов в сферу гражданского законодательства, которое более восприимчиво к изменению настроений в обществе и меняется чаще, чем религиозное. Однако гражданские законы регулировали лишь некоторые вопросы, например минимальный брачный возраст (у жениха – 18 лет, у невесты – 16). Для брака до достижения полного совершеннолетия (21 год) требовалось согласие родителей. Не разрешалось вступать в брак отстающим студентам до пересдачи экзаменов, а солдатам – до окончания службы.

Православные миряне могли сочетаться браком не более трех раз, а вдовым священникам не дозволялось вступать даже во второй брак. Для православных был установлен и максимальный брачный возраст – 60 лет. Для мужчин по особому ходатайству он мог быть повышен, но не более чем до 80 лет. Православным и католикам запрещалось вступать в брак с нехристианами. Имели место и другие ограничения на вступление в брак.

Еще труднее было развестись. У православных это допускалось лишь в следующих случаях: 1) неспособность к брачному сожитию, если она возникла до брака, т. е. жена должна была доказать, что она все еще девственница; 2) двоеженство и двоемужество; 3) доказанное прелюбодеяние; 4) безвестное отсутствие одного из супругов в течение пяти и более лет; 5) осуждение мужа или жены к наказанию, связанному с «лишением всех прав состояния» (в том числе и права на состояние в браке); 6) переход одного из супругов в другое вероисповедание; 7) пострижение обоих супругов в монашество.

Мусульмане и иудеи признавали и по сей день признают иные основания для развода, в

том числе неготовность мужа материально обеспечивать семью, а также бездетность. У иудеев, кроме того, брак может быть расторгнут из-за частых скандалов между супругами. В Талмуде указано, что лучше скитаться в безводной пустыне, чем жить со сварливой женой.

Однако такие «преимущества» имели значение лишь для тех представителей данных религий, которые хотели разрушить свои или чужие семьи. Среди желающих сохранить семью, которые тогда составляли подавляющее большинство в населении всех вероисповеданий, в преимущественном положении находились как раз православные в силу своих более строгих законов.

Еще строже эти законы у католиков. У них развод вообще запрещен. Допускается лишь аннулирование, т. е. признание недействительности брака, из-за нарушений правил его заключения, например, при вступлении в брак по принуждению или с помощью обмана. Неверность и другие нарушения правил поведения в самом браке – уже не основания для его аннулирования.

У православных же в большинстве случаев развода его причиной была неверность. Церковные суды соблюдали презумпцию невиновности. Доказательством могло быть лишь признание своей вины самим супругом либо показания двух и более свидетелей, видевших самый акт прелюбодеяния. Оно считалось точно установленным, если показания всех свидетелей (а их допрашивали порознь) совпадали во всех деталях. При таких строгих правилах в подавляющем большинстве случаев доказать ничего не удавалось.

В романе Льва Толстого «Анна Каренина» описан конфликт между формальными и неформальными социальными нормами, т. е. между законом и моралью. Каренин, когда Анна призналась ему в своей связи с Вронским, оказался в очень затруднительном положении. В «приличном обществе», к которому он принадлежал, считалось, что мужья, доказывающие в суде прелюбодеяния своих жен с помощью показаний лакеев или горничных, ведут себя по-мужски. Благородный человек не должен был так поступать, даже если у него были свидетели. А у Каренина их вообще не было.

С точки зрения закона, т. е. формальной нормы, решением вопроса могло бы стать и признание самой Анны. Но неформальная норма не позволяла ей признаться перед церковным судом в том, о чем она рассказала мужу. Это навсегда опозорило бы ее. Кроме того, в качестве наказания за прелюбодеяние ей запретили бы вновь выйти замуж – не только за Вронского, но и за любого другого. Каренин же, в отличие от современной ситуации, мог бы оставить сына у себя после развода и не отдавать его «преступной» матери.

Поэтому адвокат и предлагал Каренину взять на себя вину в прелюбодеянии, которого не совершал, и таким образом добиться развода. Но

тогда Анна могла бы выйти за Вронского и забрать сына, а Каренину навсегда запретили бы вновь жениться. Правда, духовные власти проявляли снисхождение и разрешали раскаявшимся грешникам и грешницам вступать в повторный брак после семилетней эпитимьи (покаяния и духовного исправления). Но это – очень уж долгий срок, тем более для человека в его возрасте.

Однако другие мужья нередко шли на «саморазоблачение». При «двойной морали» оно было прощательным для мужчин, но не для женщин. Можно было тайно изменять мужу, но нельзя было публично в этом признаваться. Далеко не всегда мужья поступали так, чтобы спасти жен от позора. Многие брали вину на себя, так как желали любым способом расторгнуть брак с опротивевшим супругом, даже если никто никому не изменял. Другие же сознавались в прелюбодеянии, которого с их стороны не было, чтобы получить большую сумму от любовника своей жены.

Известен случай, когда жена ушла от мужа, но так и не нашла другого мужчину, который стал бы содержать ее. Ей пришлось поступить в дом терпимости. Однако муж не смог получить развод. «Желтый билет» (лицензия на занятие проституцией) не считался (!) доказательством прелюбодеяния.

Адвокаты находили способы добиваться развода, в том числе и при помощи лжесвидетелей. Но их услуги были доступны только богатым людям. О разводах как о явлении, широко распространенном в узком кругу элиты, упоминали, помимо Толстого, и другие писатели, а также авторы мемуаров.

Юридические ограничения не мешали фактическому распаду семей. Люди, которым запрещалось вступать в брак, создавали семьи без венчания. Как и сейчас, их отношения назывались «гражданским браком». Но тогда это было альтернативой церковному браку, а сейчас – браку, зарегистрированному в отделе записи актов *гражданского* состояния (ЗАГС). С логической точки зрения, гражданским является загсовский брак. В народе же «гражданским браком» считается сожитительство, не зарегистрированное в ЗАГСе.

До революции дети невенчаных пар, как и все дети незамужних матерей, считались «незаконнорожденными». Когда жена не получила развод, но ушла к другому мужчине и родила от него, отцом ребенка считался ее муж. Ребенок носил его фамилию. После смерти «законного отца», «вдова» и «сирота» наследовали его имущество и получали пенсию по потере кормильца.

Если же фактический отец внебрачного ребенка разрывал отношения с его матерью, то она не могла требовать ни установления отцовства по суду, ни материального обеспечения ребенка с его стороны.

В 1903 г. был издан двухтомник философа и публициста Василия Розанова «Семейный вопрос

в России». Через век, в 2004 г., она вновь вышла в свет, но уже в одном томе. Розанов требовал уравнения в правах «незаконных» детей с «законными», передачи бракоразводных дел гражданским судам, признания уважительными любых причин развода, на которые ссылается его инициатор. Автор был убежден, что брак может быть основан лишь на взаимной страстной любви, а супруг, у которого это чувство угасло или обратилось на кого-то еще, имеет право на развод, даже если другой супруг ни в чем не виноват.

В книгу вошли также письма и статьи многих людей, включая и ранее опубликованные в разных журналах и газетах. Одни из них были согласны с автором, другие указывали на то, что его предложения противоречат самой идее брака как пожизненного союза супругов с целью рождения и воспитания детей.

«Мать семейства», подписывавшая свои письма, как Ю. Б-на, обратила внимание на причины неверности жен и на положение их детей: «Семья есть краеугольный камень всякого общества, и потому в основе ее должен лежать долг, а не удовольствие, и очистить семейный очаг можно никак не облегчением разводов, а только строго нравственным воспитанием подрастающего поколения в обширном смысле этого слова. Чтобы дети наши не смотрели на брак как на игрушку, которая хороша до тех пор, пока забавна. Чтобы женщины будущего требовали от мужей только честного и хорошего отношения к себе и детям, но не вечного флирта, что теперь требуют из них девять десятых, в случае же отказа – сейчас начинается флирт с третьим лицом, а это уже есть начало распада семьи, как бы он ни был невинен. Никто не может оспаривать того, что дети, по крайней мере, до школьного возраста должны быть при матери, но они не куклы, которых она может возить с собой из одной квартиры в другую, независимо от того, кто хозяин квартиры. Кроме редких исключений, когда дело касается положительных негодяев, всегда отец для своих детей лучше своего преемника в любви их матери <...> Что же это будет за строй общества, в котором матери семейств будут выходить замуж по три, по четыре раза от живых мужей, а это может оказаться возможным при большой легкости развода. В чем же будет тогда разница между порядочными женщинами и непорядочными?»¹

Ю. Б-на имела в виду случаи, когда жена уходит от нелюбимого мужа к любимому человеку, хотя никто не знает, сколько продлится эта любовь. Нередко за покинутыми мужьями нет никакой вины. Они любят жен и детей, заботятся о них, страдают от разлуки с ними. Да и способны ли люди, которые разрушили чужие семьи, заменить родных отцов детям своих подруг?

До сих пор популярно мнение о том, что если мужчина любит женщину, то полюбит и ее ребенка. Даже если это и правда, то, когда его

чувства к ней остынут, ее ребенок станет ему чужим. Родной же отец, как правило, любит своих детей независимо от характера отношений с их матерью. Конечно, если он эгоист, то способен ради новой любви бросить жену и детей. Если же она потом найдет себе нового мужа, то, возможно, что он, как отчим, для детей будет лучше такого отца². Это не так уж трудно. Но тогда, по мнению Ю. Б-ной, лишь немногие отцы были «положительными негодяями».

В высших классах общества моральные нормы оправдывали уход мужа от жены ради новой любви, но все-таки осуждали отца, который после этого не заботился о своих детях. Это относилось лишь к «законным» детям. Если служанка оказывалась беременной от хозяина, то ей давали какую-то сумму, на которую долго не проживешь, и выгоняли из дома.

Книга Розанова отражала, главным образом, мнение интеллигентов, писавших много писем и статей, что было их любимым занятием. Они требовали радикальной реформы брачного законодательства. Некоторые юристы предлагали упростить процедуру развода, разрешить установление отцовства в отношении внебрачных детей, обязать отцов обеспечивать их.

Позиция церкви по вопросам развода. В принятых Архиерейским Собором 2000 г. «Основных социальной концепции Русской Православной Церкви» указано, что церковная позиция по данному вопросу в XX в. все же изменилась: «В 1918 г. Поместный Собор Российской Православной Церкви в “Определении о поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью” признал в качестве таковых, кроме прелюбодеяния и вступления одной из сторон в новый брак, также отпадение супруга или супруги от Православия, противоестественные пороки, неспособность к брачному сожитию, наступившую до брака или явившуюся следствием намеренного самокалечения, заболевание проказой или сифилисом, длительное безвестное отсутствие, осуждение к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, посягательство на жизнь или здоровье супруги либо детей, снохачество, сводничество, извлечение выгод из непотребств супруга, неизлечимую тяжкую душевную болезнь и злонамеренное оставление одного супруга другим... В настоящее время этот перечень оснований к расторжению брака дополняется такими причинами, как заболевание СПИДом, медицински засвидетельствованные хронический алкоголизм или наркомания, совершение женой аборт при несогласии мужа... Если распад брака является свершившимся фактом – особенно при раздельном проживании супругов, – а восстановление семьи не признается возможным, по пастырскому снисхождению также допускается церковный развод»³.

При расширении перечня оснований для развода церковное законодательство в какой-то

мере сближается с гражданским. Однако церковь все же включает в этот список только самые грубые нарушения правил поведения в семье и некоторые другие обстоятельства, которые делают брачную жизнь невозможной. Просить церковный суд о разводе может лишь тот супруг, который сам не нарушал этих правил, и не на том основании, что «любовь прошла».

Однако советская власть признала это основание, навязывая всему обществу (прежде всего рабочим и крестьянам) моральные нормы, существовавшие тогда среди дворянства, буржуазии и «буржуазной интеллигенции», т. е. тех социальных групп, которые она считала своими врагами.

Семья и прогресс. До 1917 г. законы не менялись, но практика их применения смягчалась, а число разводов росло, и не только в высших, но и в средних слоях общества. Однако для радикально настроенных людей этого было мало. Они вообще не признавали семью, основанную на пожизненном браке, супружеских и родительских обязанностях, рождении и воспитании детей, отношениях собственности и наследования, а также на «отупляющем» ведении домашнего хозяйства. Эти люди верили, что на смену такой «семье прошлого» придет «семья будущего», основанная лишь на страстной любви.

Известный социолог Питирим Сорокин в молодости придерживался радикальных взглядов и считал семью препятствием для прогресса. В его статье «Кризис современной семьи» (1916 г.) предсказано, что «организация современной семьи будет разбита: общественные интересы с одной стороны, а интересы личности (обратная сторона общечеловечности) – с другой, победят и фактически уже побеждают»⁴.

Те, кто считают, что родители учат детей заботиться только о себе и членах семьи, но не о чужих (об этом писал и Сорокин в той же статье), не понимают, что люди, утратившие семейные связи, заботятся вовсе не о благе общества. Почти все они думают лишь о себе. Многие из них рассматривают родителей как людей, ограничивающих их свободу, не хотят вступать в брак и иметь детей, чтобы эту свободу не терять, а ко всем другим относятся безразлично, настороженно, а то и враждебно по принципу «человек человеку – волк». Это – не прогрессивный лозунг, а закон джунглей.

Сторонники такого «прогресса» оправдывают как мужа, бросившего семью ради любимой женщины, так и жену, которая выставила за дверь любящего и заботливого, но нелюбимого супруга, привела в дом чужого человека и заставляет детей называть его папой. Они не понимают, что так поступать могут только закоренелые эгоисты, которые не обращают внимания на переживания своих детей и покинутых супругов. Люди, считающие, что угасание страстной любви дает моральное право на развод, смотрят на проблему с точки зрения разлюбивших, а не «разлюбленных» супругов.

Первые годы Советской власти. 18 декабря 1917 г. был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», который отменил все ограничения на вступление в брак, кроме минимального брачного возраста и запрета на двоебрачие, а также уравнил в правах «незаконных» детей с «законными». Это имело позитивное значение. Но «презумпция виновности женщин», которые до революции не имели права чего-либо требовать от отцов своих внебрачных детей, сменилась «презумпцией виновности мужчин». При установлении отцовства советские суды почти всегда принимали сторону матерей. Как это часто бывает в России, маятник качнулся из одной крайности в другую.

Статья 144 принятого в 1918 г. «Кодекса законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве», гласила: «...если суд при рассмотрении вопроса (об отцовстве. – *Авт.*) установит, что лицо, указанное в статье 141 (ответчик. – *Авт.*), в момент зачатия хотя и было в близких отношениях с матерью ребенка, но одновременно с другими лицами, то суд постановляет о привлечении последних в качестве ответчиков и возлагает на всех них обязанность участвовать в расходах (в уплате алиментов. – *Авт.*)...»⁵

В 1926 г. был принят второй советский Кодекс законов о браке, семье и опеке. Он приравнивал незарегистрированные браки к зарегистрированным, упразднил «многоотцовство», но сохранил принцип полного доверия к матери внебрачного ребенка. Регистрируя его рождение в ЗАГСе, она указывала адрес и место работы предполагаемого отца, и ей сразу же начинали перечислять алименты – 1/3 его зарплаты. Неважно, жил ли он вместе с ней в незарегистрированном браке или у них, по ее же словам, была лишь одна встреча интимного характера. Если он отказывался признать ребенка, то должен был подавать в суд иск об оспаривании отцовства, как будто мать ребенка была его законной женой. Об этом в 1926 г. писал Маяковский в сатирической поэме «Любовь»:

Он рад умереть,
экономя треть,
три года судиться рад:
и я, мол, не я,
и она не моя,
и я вообще кастрат⁶.

В одном судебном решении было указано: «...хотя истица и не доказала своего иска, но, учитывая ее забитость и тупоумие, ответчик должен быть признан отцом ребенка»⁷. Такая судебная практика была признана правильной в инструктивном письме Верховного Суда РСФСР от 11 июня 1929 г., согласно которому «отказ в иске на том основании, что истица иск не доказала, совершенно недопустим»⁸.

Государственная Кассационная Коллегия Верховного Суда РСФСР постановила: «...отказать в иске юридически неосведомленной, безграмотной беднячке в нарушении интересов детей по мотивам, что истица ничем иска своего не доказала, – неправильно и, с точки зрения советского суда, не допустимо».

Согласно Кодексу 1918 г., при несогласии одного из супругов брак мог быть расторгнут лишь судом, но эти иски всегда удовлетворялись. Кодекс 1926 г. разрешил развод прямо в ЗАГСе не только по обоюдной просьбе супругов, как это было и раньше, но и по заявлению одного из них, в отсутствие и даже без ведома другого. Читатели «Двенадцати стульев» знают, что Остап Бендер получил по почте извещение, что его брак с гражданкой Грицацовой расторгнут по ее заявлению и ему возвращена его добрачная фамилия.

Сталинский период. Если в 1920-х гг. большевистская власть продолжала борьбу против традиционной семьи, то в 1930–1940-х гг. маятник семейной (и не только семейной) политики качнулся в сторону ужесточения. В 1936 г. было отменено право на аборт, предоставленное женщинам в 1920 г. Хотя аборт больше не приравнивался к детоубийству, как это было до революции, но он допускался лишь по медицинским показаниям. Для расторжения брака требовалось, чтобы оба супруга явились в ЗАГС. Во избежание сокрытия фактов развода стали ставить штамп о нем в паспорт, как это было до 1917 г.

Еще В. Розанов, отвечая на замечания Ю. Б-ной, писал: «Трудно представить себе мужчину, который, увидав в паспорте прописку о трех мужьях, захотел бы вписаться к ним четвертым». На это Ю. Б-на парировала: «Мой оппонент напрасно думает, что кто-либо из мужчин остановится перед тем, чтоб быть вписанным четвертым мужем. Я уверена, что эта арифметика не устроит ни тот, ни другой пол. Нельзя нам, при нашем нравственном неяршестве, давать право легкого развода, как нельзя давать ребенку огня в руки»⁹.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» (впервые опубликован в газете «Известия» 9 июля 1944 г., № 162, с. 1–3) (его часто называют «Указом о браке и семье», поскольку он касался также и других сторон семейной жизни) отчасти восстановил дореволюционные порядки, признавая лишь зарегистрированные браки, защищая, по сути, интересы только «законных» детей и затрудняя развод. В свидетельстве о рождении ребенка у незамужней женщины в графе «отец» ставился прочерк, который считался в обществе позорным. Уста-

новление отцовства по суду не допускалось, алименты на внебрачных детей не взыскивались. Отец мог признать ребенка своим лишь после брака с его матерью.

Брак же мог быть расторгнут только судом. Супруг-истец должен был подать в районный или городской суд заявление о разводе, указать его причины, вызвать в суд другого супруга как ответчика. В местной газете публиковалось объявление о предстоящем процессе. Такие дела слушались в залах, полных публики, чтобы «пристыдить» разводящихся. Судьи были обязаны принять все меры по их примирению и дать им время на размышления. Если истец и после этого не отзывал иск, то дело передавалось в вышестоящий суд (как правило, областной), который вновь пытался примирить пару и расторгал брак лишь тогда, когда признавал восстановление семьи невозможным.

Развод стал мешать продвижению по службе, особенно у военных, а также у партийных работников. Разведенные считались «морально неустойчивыми». Их неохотно посылали в заграничные командировки, особенно в капиталистические страны. Это касалось почти исключительно мужей. Независимо от того, кто был инициатором и (или) виновником развода, жены практически всегда считались его «жертвами». Даже при консервативном сдвиге законодательства сохранилась «презумпция виновности мужчин».

Эпохи оттепели, застоя и перестройки. После смерти Сталина, в связи с общей либерализацией, стало меняться и законодательство о браке и семье. В 1955 г. были разрешены аборты по желанию женщин, а не только по врачебным показаниям. В 1965 г. отменили публикации о бракоразводных процессах, а право принимать решение о разводе предоставили районным и городским судам без передачи дела в вышестоящую инстанцию. В 1969 г. был принят Кодекс законов о браке и семье, который предусматривал как установление отцовства по суду, так и его добровольное признание по совместному заявлению отца и матери, не состоящих в браке друг с другом, а также взыскание алиментов на детей, рожденных вне брака. При взаимном согласии супругов, не имеющих общих детей до 18 лет, стал возможен развод прямо в ЗАГСе. В годы перестройки разводы перестали препятствовать карьере мужчин.

Постсоветское время. Ныне действующий Семейный кодекс был принят в 1995 г. и в дальнейшем в него вносились поправки (Семейный кодекс Российской Федерации. Текст с изменениями и дополнениями на 1 мая 2015 года. М. : Эксмо, 2015 (Серия «Законы и Кодексы»)). Он заметно отличается от кодексов 1918, 1926 и 1969 гг. в отношении установления отцовства (принимаются любые достоверные доказательства, но не голословные заявления матерей), определения размера алиментов, усыновления,

да и по другим вопросам. Но так же, как и 90 лет тому назад, основанием для развода считается просто желание одного из супругов расторгнуть брак, даже если другой ни в чем не виноват. Согласно ст. 23 Кодекса, при обоюдном согласии супругов, «суд расторгает брак без выяснения мотивов развода».

Один из авторов данной статьи (А. Б. Синельников) в 1980-х гг. консультировал пары, подавшие заявление на развод в один из московских ЗАГСов. Мужья и жены, как правило, возлагали вину друг на друга. Нередко было непонятно, кто виновник, но, как правило, не возникало сомнений в том, кто инициатор. Один так упорно требовал развода, что другой был вынужден «согласиться». Мужья, покинутые женами, приходили в ЗАГС с грустным выражением лица, а жены, брошенные мужьями, не всегда сдерживали слезы.

Практика передачи детей после развода только матерям (за редкими исключениями) основана на презумпции виновности мужчин перед женщинами и детьми, которая действует уже почти 100 лет, несмотря на все изменения писаных и неписаных законов.

Последствия либерализации формальных и неформальных социальных норм семейной жизни. Введение новых законов о браке и семье в 1917–1918 гг. отражало существовавшие еще до революции настроения определенных кругов общества, прежде всего интеллигенции. Из этих кругов вышли многие лидеры большевиков. В первый год Советской власти тяжелобольному Розанову, которому оставалось жить считанные месяцы, было уже не до того, что сбылась его заветная мечта. Но ее осуществление привело именно к тем последствиям, о которых предупреждали его оппоненты.

Он полагал, что в условиях свободного заключения и расторжения браков, а также равноправия «законных» и «незаконных» детей, рождение детей вне брака больше не будет считаться за «грех» и матери не будут их убивать, чтобы скрыть свой «позор», как это нередко случалось до революции. Однако детоубийства, совершаемые матерями, не прекратились и в советское время, несмотря на то, что женщины, не желающие иметь ребенка, получили право и на аборт, и на отказ от младенца в роддоме.

При полной доступности развода до сих пор некоторые мужья убивают жен, а жены – мужей, хотя Розанов считал причиной этих преступлений то, что ненавидящие друг друга супруги не могли развестись. Но чтобы избежать такой трагической развязки, надо просто разъехаться, что можно сделать и без развода, если позволяют жилищные и (или) материальные условия. А если разъезд невозможен, то не поможет и развод.

Розанов утверждал, что из-за строгих законов о разводе многие мужья и жены, разлюбившие друг друга, вынуждены жить вместе, что

ведет к неверности. Однако и в наше время есть немало случаев, когда супруги изменяют друг другу, но почему-то не разводятся.

Из примеров, приведенных в книге «Семейный вопрос в России», видно, что в то время многие дети числились «незаконными» из-за того, что их отцы не могли расторгнуть браки с давно покинутыми супругами и жениться на своих новых подругах, от которых были рождены эти дети. Исходя из логики автора, отмена ограничений на разводы должна была свести число подобных случаев практически к нулю. Но повышение числа разводов сопровождалось не снижением, а, напротив, ростом числа внебрачных рождений.

До революции развод был доступен лишь для богатых людей. Как правило, они получали еще в детстве и юности хорошее образование и воспитание. Исключение составляли, главным образом, разбогатевшие нувориши, которые выбились «из грязи в князи». В советское же время развод стал возможен для всех, в том числе и для грубых и плохо воспитанных людей. Из-за этого резко возросло как число разводов, так и число «положительных негодяев», которые не заботились о своих детях, что и привело к «алиментной эпидемии» 1920-х гг. И в наше время безответственное отцовство – это массовое явление¹⁰.

В 1913 г. один развод приходился на 225 браков, в 1926 г. – на семь браков, в 1940 г. – на шесть браков, в 2013 г. – на два брака. В 1906 г. внебрачные дети составляли 2% среди новорожденных, а в 2013 г. – 23%¹¹.

Если общество признает высшей ценностью семейного образа жизни страстную любовь и считает ее единственно возможной основой для брака, то ее угасание рассматривается как уважительная причина для развода. В таком обществе и разводы, и неверность, и внебрачные сожительства, и рождение детей вне брака рассматриваются как *нормальные* явления, порожденные страстной любовью или, напротив, ее угасанием. Поэтому они приобретают массовый характер.

Кризис семьи был вызван не законами, хотя они, конечно, нуждались в существенном реформировании, а изменением моральных норм. Когда из-за деформации морали изменились и законы, кризис принял еще большие масштабы и еще худшие формы, в которых он продолжается до сих пор.

По данным опроса, проведенного в 2012 г. Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 100 населенных пунктах 43 субъектов РФ, 31% среди 1500 респондентов считают основанием для развода угасшие чувства, а 34% – новую любовь. Максимальная статистическая погрешность – 3,6%. Респонденты моложе 30 лет разделяют эти мнения чаще, чем в целом по выборке: 40 и 43% соответственно¹². Многие люди признают уважительными обе эти причины.

С точки зрения Розанова, невозможность развода не удерживает опостылевших друг другу супругов от разъезда. В этом он был прав, однако в наше время, напротив, невозможность разъезда нередко удерживает от развода, даже когда отношения безнадежно испорчены.

31 октября и 1 ноября 2009 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел в 140 населенных пунктах на территории 42 субъектов РФ опрос 1600 респондентов о том, по каким причинам россияне готовы сохранить фактически уже распавшийся брак. Самой важной причиной, удерживающей от развода, оказались общие дети – ради них 71% опрошенных сохранили бы семью. Немалое значение имеют также состояние здоровья супруга или супруги – 62%, и еще теплящиеся по отношению к нему (или к ней) чувства – тоже 62%. Как правило, настаивает на разводе тот, кто разлюбил, а другой супруг, у которого это чувство не угасло, все же пытается сохранить семью. Серьезной причиной является и отсутствие отдельной жилплощади, куда можно было бы уйти (43%). Максимальная статистическая погрешность – 3,4%¹³.

Многие бывшие супруги в течение нескольких лет после развода продолжают жить в одной квартире, которая слишком мала для размена. Некоторые из них приводят новых спутников или спутниц жизни в свою часть квартиры. Такое не могло бы присниться Розанову и в самом страшном сне.

Бывает, что жена клеветнически обвиняет бывшего мужа в побоях или в покушении на ее жизнь, чтобы посадить его в тюрьму и завладеть всей квартирой. На почве вынужденного совместного проживания бывшие супруги иногда действительно совершают тяжкие преступления друг против друга.

По данным проведенного Федеральной службой государственной статистики (Росстат) выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 г., среди мужчин от 18 до 60 лет, у которых когда-то распалась семья, только 55% состояли в новом браке, а среди женщин 18–45 лет – лишь 40%¹⁴.

Полная свобода развода не означает, что мужчины и женщины, которые ею пользуются, всегда вступают в новый, более удачный брак. Вероятность распада для повторного брака не меньше, чем для первого. Проблемы те же, что и в первом браке, но к ним нередко добавляются конфликты отчима с детьми жены от первого брака.

Полный запрет развода или слишком узкий перечень оснований для него не способствует соблюдению правил семейной жизни. Один супруг может безнаказанно нарушать их, а другой не имеет права на развод и на новый брак. Не лучше и другая крайность, т. е. неограниченное право на развод. При этом тоже нет смысла соблюдать

правила. Можно идеально вести себя в семье, заботиться о супруге и детях, а он (или она) все равно уйдет, потому что «чувства иссякли» либо обратились на кого-то другого.

Если общество считает нормальным явлением разводы, вызванные угасанием чувств или новой любовью, то ужесточение законов может привести к увеличению числа случаев распада семей *de facto* без развода *de jure* и отказов от регистрации брака, а также к повышению частоты сожительства и рождений вне брака. Прежде чем вводить в Семейный кодекс перечень оснований для развода (пусть и намного более широкий, чем до революции), надо воздействовать на неформальные нормы, т. е. на общественное мнение. Эта задача может быть решена с помощью духовенства (как православного, так и других традиционных религий), учебных заведений и средств массовой информации¹⁵.

Примечания

- ¹ Розанов В. В. Собр. соч. : в 30 т. Т. 18. Семейный вопрос в России. М. : Республика, 2004. С. 98. (Впервые опубликовано: *Розанов В. В.* Семейный вопрос в России : в 2 т. СПб., 1903).
- ² См.: *Шевченко И. О.* Отчим в структуре современной российской семьи // *Социология*. 2011. № 2. С. 186–192.
- ³ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000. С. 36.
- ⁴ *Сорокин П. А.* Кризис современной семьи // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 1997. № 3. С. 78. (Впервые опубликовано: Ежемесячный журнал для всех. 1916. № 2, 3.)
- ⁵ Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1917–1918 гг. № 76–77 от 22 окт. 1918 г. Отд. первый. Ст. 818.
- ⁶ *Маяковский В. В.* Любовь // *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 7. М., 1955. С. 147.
- ⁷ *Иодковский А., Роднянский А.* Кодекс законов о браке, семье и опеке. М., 1931. С. 29.
- ⁸ Цит. по: *Бененсон С. Д.* Права матери и ребенка (установление отцовства и получение алиментов). М., 1938. С. 17.
- ⁹ Розанов В. В. Указ соч. С. 106.
- ¹⁰ См.: *Стельмахович А.* Дела об алиментах. М., 1926. С. 7 ; *Безрукова О. Н.* Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // *Социс*. 2013. № 11. С. 118–130.
- ¹¹ Рассчитано по: *Население СССР (Численность, состав и движение населения)*. 1973 : стат. сб. М., 1975. С. 150 ; *Урланис Б. Ц.* История одного поколения. М., 1968. С. 75–77 ; *Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г.* М., 1929. С. 38 ; *Естественное движение населения Российской Федерации за 2013 год* : стат. бюлл. М., 2014. Табл. 4 и 19.
- ¹² См.: О разводах // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). Опрос «ФОМнибус» 8–9 сентября 2012 г. URL: <http://fom.ru/rabota-i-dom/10769> (дата обращения: 11.01.2015).
- ¹³ См.: Дети, чувства или квартира : ради чего стоит сохранить неудачный брак? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1362 от 13.11.2009.
- ¹⁴ Опрос проведен в сентябре-октябре 2012 г. в 30 субъектах РФ. Число респондентов – 10054 (4910 мужчин и 5144 женщины). Показатели рассчитаны А. Б. Синельниковым по: Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения за 2012 год. С. 4. (Опубликовано 24.01.2013) // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. 2013. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/orp.doc (дата обращения: 17.01.2015). (В число лиц, состоящих или состоявших ранее в браке, включены и те, у кого он не был зарегистрирован. Статистическая погрешность при доверительном уровне 0,99 по этому показателю для мужчин 3,9%, для женщин – 3,3%.)
- ¹⁵ См.: *Карцева Л. В.* Представления студентов и школьников о браке // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки*. 2013. № 3 (31). С. 26–30 ; *Лебедь О. Л., Синельников А. Б.* Образ семьи в российских художественных фильмах // *Социология*. 2013. № 1. С. 18–36.

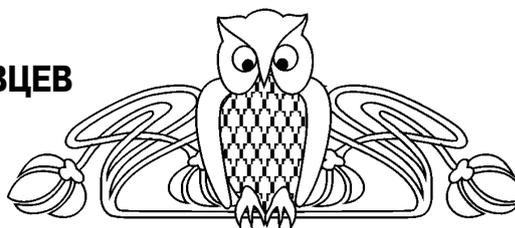
УДК 316.4

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ САРАТОВЦЕВ

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье дается описание и анализ основных тенденций трансформации образовательных стратегий жителей г. Саратова. Доказан рост значимости образования как инструмента достижения желаемого социального и профессионального статуса. В резуль-

тате обозначены направления возможных изменений в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: ценностные ориентации, образование, образовательные стратегии.

The Main Characteristics of Educational Strategies of Saratovites

S. V. Sitnikova

The article describes and analyzes the main transformational tendencies of educational strategies of Saratov citizens. It is proved that there is the increase of education importance as the way to reach the desired social and professional status. As a result, the directions of possible mid-term changes are defined.

Key words: value system, education, educational strategies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-28-32

Многочисленные исследования¹ подтверждают стабильность приоритетов универсальных ценностей, таких как, например, семья, работа, здоровье. Образование в их числе имеет достаточно высокую рейтинговую позицию. Кроме того, анализ результатов как авторских исследований, так и вторичных данных свидетельствует о тенденции роста значимости образования в системе ценностных установок россиян. Уровень общего и профессионального образования является одной из важных характеристик трудового потенциала личности. В то же время образование обеспечивает общий прогресс общества, служит основой развития личности работника и роста его квалификации. Социологические исследования показывают существенные творческие возможности рабочих с высоким профессиональным образованием². Более того, анализ данных статистики свидетельствует, что риск потери работы для более образованных людей ниже, чем для неквалифицированных работников³. Образование, как следует из исследований специалистов, является не только социокультурной, но и социально-экономической категорией. Ю. Ю. Серван-Шрайбер доказал, что успешное проникновение американцев на европейский рынок, в том числе в сферу организации новых предприятий, было обусловлено тем, что США, в отличие от стран Европы, более широко осуществляли инвестиции в человеческий капитал, т. е. в образование и науку⁴.

Экономическая эффективность образования обосновывалась и многими российскими учеными, в частности С. Г. Струмилиным⁵. Им была предложена методика такого расчета степени важности среди всех источников повышения производительности труда, в котором образование делит второе–третье места с экономией средств и техническим преобразованием производства. Л. Кристенсен, Д. Каммлинг и Д. Иоргенсон определяют до 35% прироста среднегодового национального дохода на основе повышения уровня образования персонала⁶.

В условиях резкой ломки социально-экономических структур и отношений от современного человека требуются быстрая ориентация в происходящих изменениях, адаптация к ним, активность в поиске оптимальных решений. Таким

образом, образовательный уровень служит основой квалификации человека и является необходимой предпосылкой его социально-профессиональной мобильности.

Динамику роста ценности образования в российском обществе показывают результаты авторских исследований, проводимых с 2005 г.

Еще в 2006 г. в ходе изучения особенностей дифференциации социального пространства Саратовского региона была выявлена важная ценностная установка родителей на образование ребенка. Необходимость образования в профессиональной реализации осознается и представителями молодежной когорты. Так, к примеру, на вопрос о значимости профессионального образования 65% опрошенных абитуриентов ответили, что образование является неотъемлемой частью дальнейшей профессиональной деятельности, 30% определяют его как возможность повысить уровень знаний, 3% считают, что это одно из условий подтверждения статуса родителей, и только 2% определили образование как желаемый, но не самый важный компонент устройства трудовой деятельности⁷. Тенденция роста значимости образования была выявлена еще в 2000-е гг. Об этом свидетельствуют результаты социологического исследования, проведенного на базе СПбГУ под руководством Н. А. Головина и В. А. Сибирева⁸. В ряду высказываний, характеризующих различные оценки студентами некоторых аспектов образовательного процесса, в том числе и его потенциал, наименьший показатель дисперсии, что, в свою очередь, свидетельствует о высокой степени интеграции по мнению, оказалось высказывание: «Высшее образование открывает широкие перспективы и дает возможности развития личности». С этим высказыванием согласилось подавляющее большинство опрошенных студентов (81%). Широкие возможности социально-профессиональной мобильности как фактор усиливает рост значимости образования как ценности и формирует соответствующие модели-ориентации⁹. Нельзя не согласиться с тем, что профессиональные планы каждого человека зависят, прежде всего, от его оценки собственного уровня знаний, а также возможности и условий реализации трудового потенциала.

Анализ ответов опрошенных нами студентов относительно будущих планов¹⁰ показал, что большинство из них (43,2%) после окончания вуза планируют устраиваться на работу, 16% – планируют поступить в аспирантуру, 11,2% – займутся устройством личной жизни, достаточно значимым является процент (8%) желающих уехать за границу, одинаковое количество опрошенных (по 5,6%) планируют продолжить образование и открыть собственное дело и 10,4% – пока не определились с дальнейшими жизненными планами. На наш взгляд, данное распределение мнений свидетельствует о том, что университет

на сегодняшний день достаточно хорошо выполняет функцию ориентации современной молодежи на реализацию профессионально-трудового потенциала. Анализ данных упомянутого исследования¹¹, а также ряда мониторингов 2008, 2010, 2012 и 2013 гг.¹² позволяет говорить о том, что высшая школа на сегодняшний день вполне успешно и качественно выполняет основную функцию – профессиональную подготовку специалистов. Намечились тенденции общей удовлетворенности студентов учебным процессом, высокой оценки большинством своего учебного заведения, а также качества работы преподавателей. Однако обнаруженная в 2005 г. тенденция высокой профессиональной ориентированности именно в области получаемого образования претерпевает некоторые изменения. Доля выпускников, желающих работать по специальности, в целом по саратовским вузам снижается. Связано это, прежде всего, с изменением социального престижа ряда профессий, а также уровня оплаты труда. При этом профессиональная реализация предполагается чаще в смежных сферах с получаемым образованием. Неизменной тенденция остается лишь для узкопрофильных вузов, например медицинских, педагогических. Более 95% выпускников-медиков и 77% выпускников-педагогов, к примеру, планируют работать по специальности.

В ходе исследований подтвердилось положение о заданности образовательных ориентаций особенностями социального базиса: большинство студентов высших учебных заведений представлены молодым поколением, вышедшим из семей специалистов.

В рамках нашей модели анализа достаточно интересными и показательными оказались результаты массового опроса населения 2006 г. в

рамках проекта «Дифференциация социального пространства региона»¹³: 80% опрошенных имеют профессиональное образование, у половины из них образование высшее; 34% респондентов получали дополнительную профессиональную подготовку. О динамике роста доли специалистов с высшим образованием свидетельствует статистика 2012 г.¹⁴ Около 53% опрошенных саратовцев имеют высшее образование. Анализ потребностей населения Саратовского региона в получении дополнительного образования выявил достаточно высокий уровень образовательных намерений: так, около 50% респондентов либо уже учатся, либо планируют. Вполне логично и то, что желающих продолжить образование больше среди тех, у кого среднее и основное общее образование. Однако выявлены группы, ориентированные на продолжение обучения и среди тех, кто уже имеет профессиональное образование. Так, из числа опрошенных со средним профессиональным образованием 20% либо уже обучаются, либо собираются в ближайшее время, из числа специалистов с высшим или неоконченным высшим образованием подобные образовательные стратегии разделяют около 27%. Нельзя не обратить внимания на то, что ориентация на повышение образовательного уровня проявлена в большей степени у специалистов с высшим образованием, нежели средним профессиональным. Кроме того, образовательные стратегии как работающих, так и неработающих саратовцев различны лишь в незначительной степени. Из числа неработающих учатся или планируют обучение 28%, из группы работающих таких оказалось 24% (табл. 1). Разница невелика. Все это свидетельствует о высокой значимости образования для различных по роду деятельности групп населения г. Саратова.

Таблица 1

Образовательные стратегии саратовцев, % по статусу занятости

Работаете ли Вы?	Хотели бы Вы продолжить обучение?				Итого
	Уже обучаюсь	Да, собираюсь в ближайшее время	Да, но только думаю об этом	Нет, не задумывался	
Да	7,8	16,4	20,1	55,8	100,0
Нет	10,9	27,3	19,5	42,2	100,0

Данные того же исследования позволили конкретизировать содержание образовательных стратегий опрошенных. Так, для большинства получающих или желающих получить профессиональное образование оно является высшим или вторым высшим, для трети опрошенных – это дополнительные образовательные курсы (табл. 2).

В ходе анализа данных выявлены области знания, наиболее востребованные в качестве дополнительного образования. В их числе юриспруденция, психология, иностранный язык, менеджмент и управление, экономика, бухгалтерия.

Таблица 2

Получаемое или планируемое образование

Уровень образования	% от числа ответов
Среднее профессиональное образование	1,0
Высшее образование	35,8
Второе высшее	30,6
Курсы повышения квалификации	14,5
Курсы переквалификации	3,1
Дополнительные образовательные курсы	15,0
Итого	100,0

Чем же аргументированы столь высокие образовательные потребности? Рейтинг по частоте упоминаний возглавил вариант «чтобы найти престижную и высокооплачиваемую работу» (более 2/3 опрошенных). Для трети опрошенных существует необходимость получения новых знаний, не менее значимым оказался аргумент «для общего развития» (табл. 3). Таким образом, для большинства опрошенных саратовцев образовательные стратегии имеют инструментальный характер. Учитывая этот факт, можно говорить о высокой практической значимости и востребованности профессионального образования в жизни россиян.

Таблица 3

Аргументация необходимости получать образование

Упомянутые аргументы	% от числа ответов
Найти престижную и высокооплачиваемую работу	68,8
Получить знания	37,5
Для общего развития	33,3
Получить уважение окружающих	7,3
Избежать армии	2,1
Открыть свое дело	0,5
Итого	149,5

Примечание. Итоговый процент больше 100, поскольку каждый респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Свидетельствуют об этом и данные о реальном и желаемом финансовом вложении саратовцев в образование. Высока рейтинговая позиция статьи вложения сбережений на образование свое и детей. Причем вариант «уже вложил за прошедший год» в обучение своих детей находится на 2-м месте по упоминанию, уступая лишь на 1% варианту «откладываю, коплю».

Достаточно высокие проценты по указанным показателям, безусловно, свидетельствуют о ценности «образование» не только как о декларируемой ценности общественного сознания, но и как о реально осознанной, имеющей четкие и обоснованные ориентации, более того, выраженной в реальных действиях. Следует констатировать тот факт, что ценность наличия профессионального образования осознана не только населением, представляющим среднее и старшее поколение, но и молодежью.

С позиций дифференциации – интеграции образование как критерий, определяющий деление людей на различные социальные группы, попало в список значимых. Так, в числе критериев стратификации населения (респонденты оценивали по пятибалльной шкале значимости в 5 баллов), образование оказалось на 5-м месте после более высоких рейтинговых – власть, деньги, частная собственность и незаконные действия. В оценке влияния критерия на уровне

трех баллов (имеющее достаточную значимость) критерий «образование» оказался на 2-м месте после критерия «талант, способности». Образование как фактор социальной дифференциации составило среднюю значимость (3 балла), на что указала треть всех опрошенных. Кроме того, в ходе корреляционного анализа выявлена, на наш взгляд, существенная зависимость: на высокую значимость (5 баллов) критерия «образование» как разделяющего население на различные слои чаще всего указывали респонденты, идентифицирующие себя с полярными слоями – высшим и низшим. Опрошенные, относившие себя к слоям «между высшим и средним» и «среднему», чаще всего относили этот критерий по силе влияния к оценочным 3 баллам.

Таким образом, образование как неотъемлемая часть ценностных ориентаций российского населения остается важной составляющей социальной и профессиональной адаптации. Растет нацеленность на качество образования как одного из базовых условий «выхода на рынок». При сохранении основных направлений в экономической, политической, социальной сферах государственной политики образование как инструментальная ценность будет неуклонно расти.

Примечания

- 1 Исследования, проведенные на базе ЦРСИ СГУ при участии автора: 2000, 2004 гг. – проект «Планирование семьи»; 2003 г. – «Репродуктивные установки семейных пар г. Саратова», «Репродуктивные ориентации молодежи г. Саратова», «Семья как социокультурная ценность глазами студентов», «Ребенок как ценность в жизни современной женщины»; 2006 г. – «Дифференциация социального пространства региона», «Возрастные цензы успешности»; 2007 г. – «Молодежь в политических процессах современной России»; 2008, 2009 гг. – «Образовательные стратегии учащейся молодежи»; 2010, 2011 гг. – «Основные типы ценностных ориентаций молодежи»; 2012 г. – «Социальные страхи студентов» и др.
- 2 См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. Л., 1979.
- 3 См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1996.
- 4 См.: Образование в современном мире : Состояние и потенциал развития / под ред. М. И. Кондакова. М., 1986.
- 5 См.: Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. 3-е изд. М., 1982.
- 6 См.: Соколов А. И. Япония : Экономика и образование. М., 1982.
- 7 Опрос абитуриентов СГУ проводился в 2005, 2008 гг. Центром региональных социологических исследований СГУ при участии автора.
- 8 Исследования на тему «Реклама, потребление и образ жизни петербургских студентов», которое представляет собой двухсеместровое учебное исследование, выпол-

ненное студентами факультета социологии СПбГУ под руководством доц. Н. А. Головина и доц. В. А. Сибириева в 1998–1999 учебном году. Анкетирование было выполнено по представительной выборке, в которую вошел 471 студент гуманитарных, естественнонаучных и инженерно-технических специальностей СПбГУ и СПбГТУ.

- ⁹ См.: Учебное исследование 1998–1999 «Реклама, потребление и образ жизни петербургских студентов». СПб., 1999. С. 89.
- ¹⁰ Данное социологическое исследование, целью которого был социально-педагогический анализ образовательного процесса в вузах, проводилось по совместному проекту с Оренбургским государственным университетом. Вузы-участники: Саратовский госуниверситет, Оренбургский госуниверситет, Орский гуманитарно-технологический институт, Оренбургский государственный аграрный университет и Актюбинский госуниверситет. Выборочная совокупность составила 1200 студентов 12 специальностей технического и гуманитарного направлений подготовки с первого по четвертый курсы обучения.
- ¹¹ См.: Рязанова Н. В., Земцова В. И., Шахматова Н. В., Карева С. В., Трусова А. В., Ювица Н. В. Студенческая параллель. Оренбург, 2005.
- ¹² См.: Бегина И. А., Кашина Н., Ситникова С. В., Филимонова М. А. Основные детерминанты и императивы профессионального самоопределения учащихся в современной России (региональный аспект) // Региональные трансформации : социологический

мониторинг / под ред. Н. В. Шахматовой : информ. бюл. Вып. 1–2 (7–8). Саратов, 2008 ; Бегина И. А., Ситникова С. В., Филимонова М. А. Аксиологические аспекты формирования профессионально-трудовых стратегий молодежи // Региональные трансформации : социологический мониторинг / под ред. Н. В. Шахматовой : информ. бюл. Вып. 1–2 (11–12). Саратов, 2010 ; Ситникова С. В. Особенности профессиональной адаптации студентов выпускников саратовских вузов // Современное российское общество : традиции и инновации : сб. науч. тр. Вып. 4 / под ред. Г. В. Дыльнова. Саратов, 2012. С. 265–268 ; Она же. Компетентностный подход новых образовательных стандартов как основа профессионально-ценностных ориентаций студентов вузов г. Саратова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 15–19.

- ¹³ Исследование проведено на базе Центра региональных социологических исследований СГУ. Выборочная совокупность исследования составила 1478 человек как городского, так и сельского населения.
- ¹⁴ Исследование потребностей жителей Саратовского региона в дистанционном образовании проведено в мае 2012 г. Центром региональных социологических исследований СГУ при участии автора по заказу Института электронного и дистанционного обучения. Использовался метод формализованного интервью. Объем выборочной совокупности составил 400 человек. Доверительный интервал 95% при ошибке $p = 0,05$.

УДК 316.342.5

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИОННОГО ПОДХОДА В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Д. В. Покатов

Саратовский государственный университет
E-mail: dvpokatov@gmail.com

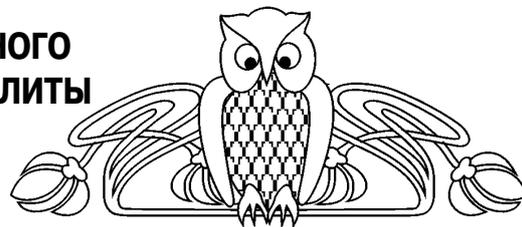
В статье рассматриваются особенности формирования позиционного подхода в отечественной социологии к изучению политической элиты. Выявляются факторы становления и дается характеристика основных тенденций развития позиционного подхода в анализе политической элиты в отечественной социологии.

Ключевые слова: элита, политическая элита, отечественная социология, позиционный подход.

D. V. Pokatov

The Formation and Evolution of the Positional Approach in the Political Elite Study in Home Sociology

The article deals with the peculiarities of the positional approach formation in home sociology of the political elite. The formation factors are being revealed and a characteristic of the main tendencies of the

positional approach development in the analysis of the political elite in home sociology.

Key words: elite, political elite, home sociology, positional approach.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-32-37

В последние годы не ослабевает интерес к проблеме политической элиты со стороны представителей различных школ и направлений как западной, так и отечественной социологии. Это вполне объяснимо, если учитывать, что политическая элита все более закрепляет свое положение как одна из ведущих общественных страт и, монополизируя важнейшие ресурсы, активно участвует в управлении общественными процессами.

Несмотря на появление многочисленных исследований по элитной проблематике, следует

признать, что многие из ее аспектов еще сравнительно слабо разработаны, а по ряду из них ведутся активные дискуссии. Не является здесь исключением и сама интерпретация категории «политическая элита». Относительно данного понятия диаметрально противоположные позиции занимают сторонники двух ведущих подходов в изучении элиты: ценностного (меритократического) и позиционного.

Ценностный (меритократический) подход ведет свое начало от работ Конфуция, Платона, Аристотеля, Дж. Локка, Т. Карлейля и др. Сам термин «меритократия» (от лат. *meritus* – достойный и *kratos* – власть), означающий буквально власть, основанная на заслугах, был введен английским социологом М. Янгом¹. Приверженцы данного подхода считают, что критерий принадлежности к тому или иному слою социальной иерархии должен обязательно учитывать различие интеллектуальных способностей индивидов. Исходя из этого, к элите вообще и политической элите в частности должны принадлежать исключительно высокоодаренные, интеллектуально развитые и нравственно ориентированные деятели.

В отличие от ценностного (меритократического) подхода, сторонники позиционного подхода, разработку которого обычно связывают в западной социологической науке с идеологами «макиавеллистской школы» (Г. Моска, В. Парето и Р. Михельсом), отмечают, что политическая элита представляет собой внутренне сплоченную социальную группу, объединяющую в своем составе политических деятелей, занимающих ведущие позиции в институтах власти и управления, являющихся вследствие этого субъектами принятия стратегических решений и обладающих необходимыми ресурсами.

Несмотря на то что первоначально для изучения политической элиты в отечественной социологии, о чем отмечалось в некоторых исследованиях по истории социологии и элитологии², была характерна гуманистическая и ценностная ориентация, параллельно с ней стал активно развиваться (а затем и превалировать) позиционный подход. Его формирование и развитие в отечественной социологической науке имело глубинные как идейно-теоретические, так и социально-политические основания.

В идейно-теоретическом плане следует отметить то обстоятельство, что на Западе, как правило, представители «третьего сословия» (затем и среднего класса) разрабатывали управленческие теории и элитистские парадигмы с целью рационализации и повышения эффективности управленческой деятельности, в то время как в России зачастую представители самих элитных слоев, заинтересованные в сохранении на продолжительный период своего господства, стремились посредством создания властно-политических теорий обосновать свои притязания на

власть. Среди наиболее значимых шагов в этом направлении можно вспомнить и создание теории «Москва – третий Рим» монаха Филофея, и письма царя Ивана Грозного к князю Курбскому, и сочинения И. Т. Посошкова, Ю. Крижанича.

Особо в этом ряду выделялись попытки создания рациональной теории власти, предпринимавшиеся императором Петром I и главным идеологом петровского самодержавия Феофаном Прокоповичем. При этом, по справедливому замечанию современного исследователя Петровской эпохи Е. В. Анисимова, большое влияние на формирование их взглядов оказали немецкий государствовед С. Пуфендорф и хорватско-русский мыслитель Ю. Крижанич. В трудах С. Пуфендорфа были изложены, по сути, естественно-правовые принципы и понятия о «должности» правителя, в которую входили и забота о единстве народа, развитии правосознания подданных, и совершенствовании законотворческой деятельности³. Ю. Крижанич в своем главном труде «Политика» стремился, прежде всего, обосновать законность власти монарха. В качестве важнейших его добродетелей он называл мудрость, осмотрительность и служебное рвение, которые взятые вместе позволяют монарху выполнять главную обязанность – поддерживать благосостояние населения⁴. Продолжая данную линию, во второй половине XVIII в. российская императрица Екатерина II в полемике с французским аббатом Шаппом д'Отерошем с возмущением отвергала критику последнего деспотизма российских государей и пыталась доказать, что в течение «семисот лет Россия была довольна их правлением, росла в могуществе и силе, что во все это время поданные не жаловались на эту форму правления, и действительно, это единственная, которая могла бы существовать в России, вследствие обширности этой империи»⁵. В дальнейшем в той или иной форме данные взгляды активно пропагандировались и обосновывались многими последующими представителями как верховной власти (Николаем I, С. С. Уваровым, П. А. Столыпиным), так и консервативно настроенными исследователями (М. М. Щербаковым, К. П. Победоносцевым и др.). Хотя все вместе они и не создали идеологического варианта позиционной теории отечественного элитизма, но, несомненно, их взгляды оказали очень важное влияние на становление и развитие в дальнейшем позиционного подхода в изучении политической элиты в отечественной социологии.

Наряду с идейно-теоретическими основаниями формирования позиционного подхода в изучении элиты в отечественной социологии, достаточно важное значение имели и социально-политические и цивилизационные факторы. Согласимся с О. В. Крыштановской, что в обществах западного типа (экономических) господствующими являются экономический фактор и

рациональность. Большинство политических изменений в них стимулируются классом собственников как наиболее активной и инициативной частью общества. Антиподом данного типа общественного развития выступают политические общества, в которых доминирующими оказываются политические факторы и патримониализм. Ведущим здесь оказывается политический капитал, выступающий гарантом сохранения не только власти, но и собственности⁶. Разновидностью такого общества является мобилизационный тип развития, формирующийся во многом в чрезвычайных условиях и с помощью чрезвычайных средств и характеризующийся доминированием властных институтов, отсутствием гражданского общества, политических и гражданских свобод, какой-либо внутренней оппозиции⁷. По сути, именно такой тип стал закрепляться в российском обществе в 80–90-е гг. XIX в. после некоторого периода ослабления идеологического и политического гнета в 60–70-х гг., вызванного реформами императора Александра II.

Все это, несомненно, способствовало становлению и закреплению позиционного подхода, который стал активно использоваться рядом отечественных социологов и социальных философов при изучении элитных слоев общества. Фактически первыми его стали развивать в своих работах один из родоначальников отечественного позитивизма А. И. Стронин и крупный административный деятель, ученый и писатель К. А. Скальковский.

Для теории А. И. Стронина в целом характерна аристократическая направленность⁸. Следует отметить, что он одним из первых в 1872 и 1885 гг. соответственно (задолго до Г. Моски, написавшего и издавшего только в 1896 г. свою работу «Элементы теории политики») стал употреблять понятия «политический класс» и «правящий класс» (применительно к интеллигенции). Созданная им концепция была уникальной, прежде всего, вследствие развиваемых ученым принципов органицизма, которые он применил к рассмотрению социальной структуры общества и места в нем различных слоев, в том числе и элиты. Изучая строение общества, он утверждает о неизбежности его деления на верхний, средний и нижний уровни. Общество рассматривалось ученым как особая социальная пирамида, формирующаяся под влиянием физических причин. Вершину пирамиды занимает, по мнению А. И. Стронина, особый привилегированный слой, аристократия, отождествляемая им с правительством, обладающая «политико-производительной силой» – волей и разумом, которые и дают ей право на управление⁹. Средний класс, или тимократия, состоит из буржуа, а основу низшего слоя образуют наемные работники.

В высшем слое, в представлении ученого, формируются три треугольника: законодателей, администраторов и судей. При этом законода-

тельство является своеобразным «теоретическим правительством» вследствие доминирования в нем элементов творчества, теории и системы. Администрация представляет собой «практическое правительство», которое должно, с одной стороны, способствовать претворению законов в жизнь, а с другой – доводить «факты жизни и действительности до ведомства суда и законодательства»¹⁰. Из всех ветвей власти особое место, по мнению А. И. Стронина, занимает судебная, обладающая интегральными показателями и совмещающая в себе законодательную теорию удовлетворения потребностей и административную практику их реализации. Разрабатывая свою теорию, А. И. Стронин особо подчеркивал, что, хотя правящее меньшинство и включает в себя столь значимые компоненты, как законодатели, судьи и администраторы, оно остается малочисленным до того, когда в определенных условиях все три составляющие могут образовать единую верховную власть общества, которая в своей деятельности будет опираться на интеллигенцию, разрабатывающую проекты общественного развития¹¹.

Другой представитель ранней классической версии позиционного подхода в отечественной социологии политической элиты, К. А. Скальковский, особо подчеркивал, что во многих западных странах вследствие естественных причин достаточно давно сложился особый правительственный класс, включающий чиновников, пригодных для занятия высших должностей. В то же время в России такого класса по объективным обстоятельствам не возникло, вследствие чего очень редко можно встретить чиновников, соответствующих своим должностным обязанностям, прошедшим все необходимые номенклатурные ступени. Для того чтобы у них появилась та важнейшая, по мнению ученого, черта истинных государственных деятелей – компетентность и знание своего дела, необходимы совершенствование всей системы подготовки управленческих кадров, особенно системы сдачи конкурсных экзаменов, и отказ от сословной системы¹².

Достаточно близкими к взглядам К. А. Скальковского были воззрения на административно-политическую элиту известного отечественного философа и публициста К. Д. Кавелина. В своих трудах он обосновывал мысль о том, что в пореформенный период в России важнейшим является не политический, а административный вопрос. Рассматривая природу административно-бюрократической элиты России в работах «Бюрократия и общество» и «Политические призраки», он отмечал такие негативные ее проявления, как игнорирование цивилизационных основ деятельности, всеисилие и централизм, отсутствие гласности. Сохранение данной административно-бюрократической прослойки ученый связывает, в первую очередь, с утверждением особой системы «придворных» и «администра-

тивных» фильтров, длительное использование которых может привести к консервации самых негативных бюрократических пороков¹³. Учитывая это, он говорил о необходимости совершенствования государственных учреждений и исправления ряда механизмов отбора управленческих кадров с упором не только на знание административного регламента и опытность, но и наличие широкого кругозора. При этом лучшая политика будет заключаться, в представлении ученого, в большем доверии, оказываемом представителям дворянства, концентрирующем все лучшее, богатое и талантливое в народе¹⁴. Как видим, взгляды К. Д. Кавелина отличались значительной долей консерватизма и имели большую элитарную направленность, чем у многих других представителей данного направления.

Начиная с 80-х гг. XIX в. консервативно-идеалистическая трактовка элиты в рамках позиционного подхода стала активно разрабатываться в трудах крупных философов и социальных мыслителей К. Н. Леонтьева и В. С. Соловьева.

Проработавший в течение восьми лет в консульстве России на о. Крит, а затем ставший монахом, К. Н. Леонтьев, так же как и К. Д. Кавелин, последовательно отстаивал идеи сословного строения российского общества. В его представлении развитие общества объективно и неизбежно приводит к формированию сословной иерархии, необходимой для появления ярких, неординарных личностей. По мнению ученого, государство должно сделать все возможное для сохранения дифференцированного сословного строя и особенно высших слоев, для чего необходимо сохранить в полном объеме и все сословные привилегии¹⁵.

Известный российский философ, социальный мыслитель и поэт, сын профессора Московского университета, крупнейшего российского историка С. М. Соловьева, В. С. Соловьев последовательно развивал в своих работах теорию теократического общества, в котором «лучшие люди», представляющие элиту общества, должны были объединить в своем составе как представителей верховной власти и церкви, так и философов-мыслителей, выступающих духовными вождями общества. Однако, по мнению ученого, это является делом будущего, к которому необходимо стремиться¹⁶.

В целом консервативно-идеалистическое направление продолжило свое развитие до начала XX в., когда под влиянием происходивших в обществе изменений стало постепенно уступать свои позиции возрождавшимся меритократическим теориям элиты.

Параллельно с этим, под воздействием усиливающихся в российском обществе революционных изменений, шел процесс становления новой версии позиционной теории элиты – марксистского «вождистского элитизма», существенно отличавшегося от прежних концептуальных

подходов тем, что он выступал не только как социально-политическая и философская теория партийного лидерства и руководства, но и как стратегия и тактика революционного переустройства общества. Не случайно один из родоначальников теории политической элиты Р. Михельс справедливо отмечал, что марксизм является «единственно научной теорией, которая может претендовать на серьезный спор со всеми теориями, старыми и новыми, выдвигающими тезис о неизбежной необходимости длительного существования “политического класса”»¹⁷.

Начав свое развитие как сторонники меритократической теории элиты, идеологи марксизма постепенно превратились в последовательных приверженцев позиционного подхода. Уже в 1920 г. В. И. Ленин в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» подчеркивал, что «массы делятся на классы... классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере, в цивилизованных странах, политические партии; что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями»¹⁸. В отличие от М. Вебера, видевшего в вожде особый тип личности, который призван руководить людьми, подчиняющимися ему не в силу обычая или установления, а вследствие веры в него, В. И. Ленин рассматривал вождя как наиболее авторитетного, влиятельного, опытного, выбираемого на ответственный пост руководителя¹⁹.

Среди факторов, обуславливающих существование прослойки вождей, сторонники радикального марксизма на первое место ставили низкий культурный уровень большинства населения России. Также один из видных представителей этого направления, Н. И. Бухарин, справедливо называл, помимо культурного уровня, неравенство способностей²⁰.

Объективно способствовали этому и особенности мобилизационного типа развития с характерными для него доминированием политических институтов, централизацией власти и отсутствием гражданского общества. Свое влияние оказывала и специфика традиционалистского менталитета большинства российских граждан, во многом привыкших (за долгие годы правления дома Романовых) к всевластию относительно небольшой прослойки правящей чиновно-бюрократической прослойки.

Поскольку сам марксистский «вождистский элитизм» выступал не только как теория, но и как управленческая практика, это объективно приводило к разработке особой системы ротации кадров, наиболее ярко проявившей себя в создании принципов номенклатурного отбора. В целом ряде своих работ В. И. Ленин, обосновывая принципы подбора руководящих кадров, неизменно отмечал необходимость учета пар-

тийности, стажа работы на высших партийно-государственных должностях, добросовестность, знание дела и административные способности. В изданной перед смертью, в 1923 г., работе «Лучше меньше, да лучше» он, рассматривая вопрос о назначении служащих Рабкрина, обосновывал необходимость наличия рекомендаций для кандидатов на руководящие должности, проведения особых конкурсных испытаний на знание основ теории о госаппарате, основ науки управления и делопроизводства²¹. Возникший после Октябрьской революции симбиоз политико-идеологической доктрины и практики марксистского «вождистского элитизма» просуществовал (с некоторыми локальными изменениями) вплоть до распада СССР в 1991 г.

С 1991 г. начинается, по сути, новый этап в развитии позиционного подхода в изучении политической элиты. Он проходил в совершенно новых условиях, связанных с возрождением отечественной социологической науки, выступавшей за плюрализм теоретико-методологических ориентаций в анализе социальных явлений и процессов. В отличие от марксистского «вождистского элитизма», современный вариант позиционного подхода в изучении политической элиты является только особой теоретико-методологической ориентацией, в рамках которой так же, как и в социологии в целом, сегодня наблюдается плюрализм мнений и исследовательских ориентаций. Ряд авторов, рассматривая политическую элиту как особую относительно небольшую группу, занимающую ведущие позиции в органах власти и управления и обладающую необходимыми для этого ресурсами, считает, вслед за родоначальником теории элит Г. Моска, что она существует в любой исторической эпохе²². Не случайно в этой связи рассмотрение наиболее последовательной сторонницей этого подхода в современной социологии О. В. Гаман-Голутвиной в качестве политической элиты таких социальных прослоек, как боярство, дворянство, имперская бюрократия и номенклатура²³. Ряд исследователей, справедливо критикуя данную версию, отмечают невозможность существования политической элиты в условиях традиционного общества по причине не только его архаичности, господства абсолютизма, сословности, но и отсутствия необходимых социальных слоев, из которых может восполняться состав данной группы²⁴. Еще одной отличительной чертой современного позиционного подхода является стремление ряда авторов трактовать политическую элиту не только как социальную группу, но и как особый институт, выполняющий стабилизирующую функцию в обществе²⁵, что, по сути, можно рассматривать в определенной степени как возрождение идей американского социолога Ч. Р. Миллса о властвующей элите.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что, объективно возникнув в условиях мобили-

зационного типа общественного развития, позиционный подход в изучении элиты претерпел столь же объективную эволюцию, являющуюся отражением происходящих в обществе и социологии политико-идеологических трансформаций, что, несомненно, способствует его большей адаптации к новым реалиям и создает новые возможности для трактовки и оценки роли такого сложного социального явления, как политическая элита.

Примечания:

- 1 См.: *Карабущенко П. Л.* Элиты, незлиты и псевдоэлиты современной демократии // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия / под ред. Я. А. Пляйса. М., 2010. С. 77.
- 2 См.: *Ашин Г. К.* Элитология. М., 2005; *Покатов Д. В.* Отечественная социология политической элиты: этапы развития и эволюция // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 37.
- 3 См.: *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997. С. 274.
- 4 См.: *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965. С. 564.
- 5 *Екатерина II.* Антidot (Противоядие). Полемиическое сочинение, написанное Екатериной II, или Разбор книги аббата Шаппа д'Отероша о России // Оснадцатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым: в 4 кн. М., 1869. Кн. 4. С. 289.
- 6 См.: *Крыштановская О. В.* Анатолия российской элиты. М., 2005. С. 41.
- 7 См.: *Фонотов А. Г.* Россия: инновации и развитие. М., 2010. С. 147–154.
- 8 Подробнее см.: *Покатов Д. В.* Проблема политической элиты в социологической теории А. И. Стронина // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 14–18.
- 9 См.: *Стронин А. И.* Политика как наука. СПб., 1872. С. 265.
- 10 Там же. С. 253.
- 11 Там же. С. 265.
- 12 См.: *Понделков А. В.* Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д, 2010. С. 30–31.
- 13 См.: *Кавелин К. Д.* Политические призраки // Кавелин К. Д. Собр. соч.: в 4 т. СПб., 1862. Т. 2. Стлб. 948.
- 14 См.: *Кавелин К. Д.* Дворянство и освобождение крестьян // Там же. Стлб. 121.
- 15 См.: *Леонтьев К. Н.* Славянофильство теории и славянофильство идеи // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. М., 1996. С. 686.
- 16 См.: *Соловьев В. С.* История и будущность теократии // Соловьев В. С. Собр. соч.: в 8 т. СПб., 1903. Т. 4. С. 458, 465, 503.
- 17 *Михельс Р.* Демократия и железный закон олигархии. Глава из книги Р. Михельса «Социология политической партии в условиях демократии» // Диалог. 1991. № 3. С. 43.

- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1965–1980, Т. 41. С. 24.
- ¹⁹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 648 ; Ленин В. И. Указ. соч. Т. 41. С. 24.
- ²⁰ См.: Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М., 1925. С. 349.
- ²¹ См.: Ленин В. И. Указ. соч. Т. 45. С. 393–394.
- ²² См.: Ашин Г. К., Понделков А. В., Старостин А. М., Кислицын С. А. Основы политической элитологии. М., 2013 ; Крыштановская О. В. Указ. соч. М., 2005.
- ²³ См.: Гаман-Голутвина О. В. Политическая элита. Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 74–286.
- ²⁴ См.: Дука А. В. Властные элиты : социологический анализ // Элитизм в России : «за» и «против». Пермь, 2002. С. 29–32.
- ²⁵ См.: Региональные элиты Северо-Запада России : политические и экономические ориентации / под ред. А. В. Дуки. СПб., 2001. С. 50–61.

УДК 316.74:2

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ПРАВОСЛАВНОГО ВОСКРЕСНОГО ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е. И. Уфимцева

Саратовский государственный университет
E-mail: ufim75@mail.ru

Статья посвящена анализу социальных практик современного православного воскресного церковно-приходского образования Русской православной церкви. Дается характеристика системы воскресного церковно-приходского образования Покровской и Николаевской епархии. Рассматриваются основные аспекты функционирования современной воскресной учебно-воспитательной группы. Представлены результаты социологического исследования отношения родителей к обучению детей в воскресной школе.

Ключевые слова: воскресная школа, Русская православная церковь, система религиозного образования, Покровская и Николаевская епархия.

Social Practices of the Orthodox Sunday of Parochial Education

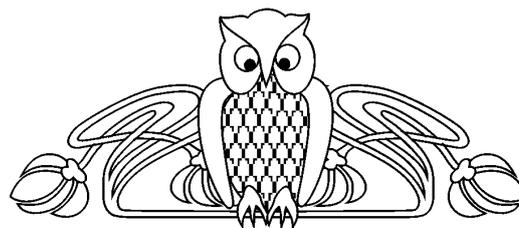
E. I. Ufimtzeva

The article is devoted to the analysis of social practices of modern Orthodox Sunday parochial education in the Russian Orthodox Church. The characteristic of the system Sunday parochial education in intercession Pokrovskaya and Nikolaev diocese. Discusses the basic aspects of the functioning of the modern Sunday educational groups. Presents the results of the survey of parents' attitudes towards teaching children in Sunday school.

Key words: sunday school, Russian Orthodox Church, religious education system, Pokrovskaya and Nikolaev diocese.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-37-43

На современном этапе восстановления институтов Русской православной церкви (РПЦ) и воспроизводства православной конфессиональности церковно-приходские воскресные школы занимают основное место в системе церковного воспитания и образования для мирян. Новые социокультурные условия существования Православной Церкви определяют изменение

социального статуса воскресных школ, их функциональности, типологического разнообразия, характера организации, а также системы социальных отношений, моделей социального взаимодействия и социальных практик основных субъектов церковно-приходского воскресного образования. В этих условиях изучение особенностей новой модели воскресного церковно-приходского образования РПЦ, социальных рисков и социальных ресурсов ее формирования и развития приобретает особую актуальность и значимость.

Система воскресного церковно-приходского образования в Покровской и Николаевской епархии

Покровская и Николаевская епархия входит в состав Саратовской митрополии. Возглавляет епархию епископ Покровский и Николаевский Пахомий (Брусков). Управление образовательной деятельностью церковных учебных заведений епархии осуществляет отдел религиозного образования и катехизации, руководителем которого является протоиерей Александр Милованов¹. В своей деятельности отдел руководствуется общецерковными документами, регламентирующими религиозно-образовательную деятельность, Положением об отделе религиозного образования и катехизации Покровской и Николаевской епархии от 2012 г., указами правящего архиерея Покровской и Николаевской епархии. Основными направлениями работы отдела являются: образование и религиозное просвещение; катехизаторская деятельность; курирование работы действующих и инициация создания новых духовно-просветительских центров, катехизических курсов, воскресных школ для детей и взрослых; организация церковных курсов (псаломщиков, регентов, звонарей и др.); духовно-просветительская работа в государственных

и светских общеобразовательных и детских дошкольных учреждениях; духовно-просветительская работа в государственных высших и средних специальных учебных учреждениях и т. д.² На уровне благочиния общая организация, координация и контроль катехизической и религиозно-образовательной работы ведутся под руководством благочинного, на приходском уровне – под руководством настоятеля. Для обеспечения координации деятельности воскресных школ епархии в 2013 г. был создан Совет директоров воскресных школ Покровской епархии. В течение года регулярно проходят встречи правящего архиерея с ответственными помощниками благочинных по религиозному образованию и катехизации, директорами воскресных учебно-воспитательных групп приходов Покровской епархии. На этих встречах подводятся итоги работы за полугодие, планируются мероприятия на предстоящий учебный год.

В 2015 г. в Покровской и Николаевской епархии была проведена первая после утверждения Стандарта учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской православной церкви на территории РФ от 2012 г., аттестация воскресных школ, которую успешно прошли и получили сертификаты 32 учебные воскресные учебно-воспитательные группы. В 2014–2015 гг. в них обучались 1030 детей и подростков. Преподавательский состав был представлен 131 преподавателем, из которых высшее образование имеют 66%, 21% прошли обучение по «Основам православной культуры», 2% имеют высшее богословское образование.

Содержательные характеристики учебно-воспитательной группы «Гефсимания» Покровской и Николаевской епархии

Одной из первых открывшихся в епархии воскресных школ была воскресная школа «Гефсимания», которая в соответствии со Стандартом учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей)

Русской православной церкви на территории РФ от 2012 г., представляет собой воскресную учебно-воспитательную группу. Воскресная учебно-воспитательная группа «Гефсимания» Покровской и Николаевской епархии не имеет статуса юридического лица и является структурным подразделением православного прихода во имя Воскресения Христова, функционирует при Свято-Воскресенском храме г. Покровска (Энгельса). Дата образования воскресной школы – 14 сентября 2000 г.

Деятельность учебно-воспитательной группы находится в ведении настоятеля прихода – протоиерея Александра Милованова, одновременно занимающего должность руководителя отдела религиозного образования и катехизации Покровской и Николаевской епархии. Руководителем воскресной учебно-воспитательной группы является Наталия Борисовна Макаренкова. В структуру управления учебно-воспитательной группы «Гефсимания» входят совет школы, педагогический совет, родительский комитет и попечительский совет (рис. 1).

В 2014–2015 учебном году в составе преподавателей было 10 человек; общее количество обучающихся составило 70 человек: 46 мальчиков и 24 девочки.

Образовательно-воспитательная деятельность воскресной школы осуществляется на основе таких документов, как: Положение о деятельности воскресных школ (для детей) Русской православной церкви на территории РФ от 2012 г.; Стандарт учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской православной церкви на территории РФ от 2012 г.; Положение об аттестации воскресных школ (для детей) РПЦ на территории РФ от 2014 г.; Концепция развития воскресной учебно-воспитательной группы «Гефсимания» прихода во имя Воскресения Христова.

Целью деятельности воскресной школы «Гефсимания» является приобщение воспитанников к православной вере и духовной жизни в лоне Русской православной церкви. Задачи воскресной школы:

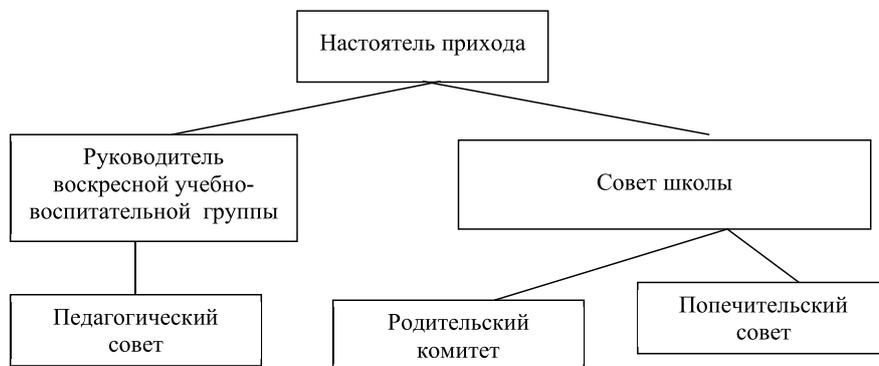

Рис. 1. Структура управления учебно-воспитательной группы «Гефсимания»

1) религиозное обучение и воспитание в духе христианской нравственности и традиций Русской православной церкви;

2) формирование потребности к участию в литургической, социальной миссионерской жизни прихода храма Воскресения Христова г. Покровска;

3) адаптация к жизни в современном обществе в соответствии с нормами христианской морали;

4) всестороннее развитие личности и мотивации к познанию и творчеству и формирование общей культуры;

5) обеспечение необходимых условий для укрепления духовного и физического здоровья, гражданского самоопределения и творческого труда.

Для достижения цели и задач воскресная учебно-воспитательная группа «Гефсимания» осуществляет следующие направления деятельности:

Религиозное и духовно-нравственное направление реализуется посредством занятий по вероучительным предметам и предметам духовно-нравственной направленности, через паломнические поездки, участие в литургической жизни прихода и обеспечивает воспитание активной и многогранной личности христианина.

Социальное направление реализуется через участие детей в социальной и миссионерской жизни прихода и участие в социальных проектах и акциях милосердия ВУВГ «Гефсимания».

Общекультурное направление предполагает приобщение ребенка к лучшим традициям русской народной культуры и реализуется через организацию и проведение культурно-просветительских мероприятий и уроков творчества.

Спортивно-оздоровительное направление ориентировано на формирование у ребенка чувства ответственности за сохранение и укрепление своего здоровья. В рамках этого направления проводятся спортивные соревнования.

Интеллектуальное направление способствует повышению мотивации к познавательной деятельности, развитию мыслительных способностей. В рамках этого направления предполагается участие в викторинах, познавательных и интеллектуальных играх, предметных олимпиадах, научных конференциях, интеллектуальных марафонах, исследовательских проектах и других образовательных событиях.

Методическая работа направлена на совершенствование учебно-воспитательного процесса, учебных программ, форм и методов образовательной деятельности и повышение профессиональной квалификации педагогических работников.

Учебно-воспитательная деятельность, реализуемая в воскресной учебно-воспитательной группе, включает в себя две ступени:

а) дошкольную (набор детей в возрасте 5–6 лет) – две группы: первого и второго года обучения;

б) начальную (набор детей в возрасте 7–11 лет) – три группы: первого, второго и третьего годов обучения.

Учебно-воспитательный процесс в воскресной школе организуется на базе учебных планов, разработанных и утвержденных педагогическим советом воскресной школы. Учебно-воспитательная деятельность воскресной школы включает основную (вероучительную) и дополнительную части. Основная (вероучительная) часть учебно-воспитательной деятельности, во-первых, представляет собой комплекс базовых вероучительных программ (дисциплин), направленных на усвоение учащимися знаний о православном вероучении, богослужении и истории Церкви: «Введение в Закон Божий», «Основы хорового и церковного пения», «Священная библейская история. Ветхий Завет и Новый Завет», «Устройство православного храма и богослужение», «Церковнославянский язык», «Основы христианской нравственности»; во-вторых, предусматривает участие детей в литургической жизни Русской православной церкви через участие в общественных богослужениях и основных христианских таинствах: исповеди, причастии. Дополнительную часть учебно-воспитательной деятельности составляют дополнительные занятия по развитию прикладного творчества.

Основными направлениями внеклассной деятельности воскресной школы являются:

- участие в ежегодных мероприятиях воскресных школ Покровской епархии;
- социальное партнерство;
- краеведческая деятельность;
- паломнические поездки.

В комплекс ежегодных мероприятий для воскресных школ Покровской епархии на 2014–2015 учебный год входили:

– Начало учебного года, молебен (14 сентября).

– Региональные образовательные Покровские чтения – межрайонная конференция (с 1 по 14 октября).

– Творческий фестиваль воспитанников воскресных школ «В единстве – наша сила» ко Дню Казанской иконы Божией Матери (ноябрь).

– Рождественские утренники (январь).

– Православный фестиваль «Сретение Господне». Олимпиада для воспитанников воскресных школ (февраль). Олимпиада для воспитанников воскресных школ Покровской епархии проходит в рамках православного фестиваля «Сретение Господне» с 2013 г. Тематами ее были в 2013 г. «Двунадесятые праздники», в 2014 г. – «Ветхий Завет», в 2015 г. олимпиада проходила по 3 темам: «Двунадесятые праздники», «Ветхий Завет», «Устройство православного храма».

– Благотворительная епархиальная акция «Подари книгу» (1–14 марта).

– Пасхальные фестивали по благочиниям (апрель – май).

– Фестиваль славянской письменности (в рамках фестиваля – епархиальный конкурс чтецов).

– Окончание учебного года, молебен (24 мая).

Социальное партнерство предусматривает взаимодействие со светскими образовательными учреждениями разного уровня, профиля. На 2014–2015 учебный год социальными партнерами воскресной учебно-воспитательной группы «Гефсимания» являлись:

– Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Надежда» г. Энгельса;

– Энгельсский политехнический техникум;

– Школа-интернат № 2 VIII вида г. Энгельса.

Сотрудничество воскресной школы с Социально-реабилитационным центром для несовершеннолетних «Надежда» началось в мае 2014 г. Воскресной школой был разработан календарно-тематический план занятий с воспитанниками СРЦ «Надежда» на 2014–2015 гг. Согласно данному плану занятия с воспитанниками Центра проводятся на территории воскресной школы два раза в месяц. Формы работы: занятия по ознакомлению детей с двенадцатью праздниками, занятия по ознакомлению детей с житиями православных святых, просмотр документальных кинофильмов нравственного содержания, мастер-классы по созданию поделок. В группе воспитанников СРЦ «Надежда», посещающих занятия воскресной школы, 10 человек в возрасте от 7 до 9 лет.

Начало сотрудничества воскресной школы с Энгельским политехническим техникумом было положено в октябре 2014 г. Первая встреча настоятеля Свято-Воскресенского храма с учащимися техникума состоялась по приглашению администрации учебного заведения. После чего было принято обоюдное решение о продолжении сотрудничества и разработке календарно-тематического плана занятий с учащимися техникума. В рамках плана предусмотрено одно занятие в месяц на базе воскресной школы. Формы работы: занятия по ознакомлению учащихся с двенадцатью праздниками, просмотр документальных кинофильмов нравственного содержания. Занятия с учащимися проводит настоятель Свято-Воскресенского храма. Группа учащихся 1-го курса насчитывает 30 человек в возрасте 15 лет.

Сотрудничество воскресной школы «Гефсимания» со школой-интернатом № 2 VIII вида г. Энгельса началось в декабре 2014 г. Первым совместным мероприятием стала организация акции «Подари радость ребенку» по сбору средств для детей школы-интерната № 2 и проведение для них рождественского концерта (январь 2015). Настоятель Свято-Воскресенского храма

и руководитель школы-интерната запланировали ряд общих мероприятий на 2015 г.

Необходимо отметить, что одной из особенностей Свято-Воскресенского храма, при котором организована учебно-воспитательная группа «Гефсимания», является его месторасположение – на территории закрытого городского кладбища г. Энгельса. Краеведческое направление внеучебной деятельности школы возникло в аспекте этой особенности. Цель краеведческой деятельности – создание на территории кладбища и храма парково-мемориального комплекса. В ее задачи входят:

– уборка и благоустройство территории кладбища;

– поисковая деятельность по захоронениям на кладбище;

– розыск и установление связей с родственниками, чьи захоронения находятся на кладбище;

– привлечение внимания общественности к истории города и его героев.

Одним из первых мероприятий краеведческого направления, в котором учащиеся школы приняли участие, стала организация уборки случайно обнаруженной на кладбище могилы отца писателя Льва Абрамовича Кассиля. 14 сентября 2014 г. совместно с воскресной школой Свято-Троицкого собора, где находятся мощи Гавриила Мелекеского (Ивана Ивановича Игошкина), воскресная школа «Гефсимания», на территории кладбищенского прихода которой находится могила родственников этого святого, провели совместное мероприятие.

Учебный год в учебно-воспитательной группе «Гефсимания» начинается 14 сентября – в день церковного новолетия, и заканчивается в период с 25 по 27 мая, после Дня памяти святых Кирилла и Мефодия, Дня славянской письменности (24 мая). Каникулярный период совпадает с каникулярным периодом общеобразовательных школ. Вместе с тем в каникулы дети посещают воскресную школу для участия во внеурочных мероприятиях: походы в музеи, праздничные мероприятия. Ребенок, поступающий в воскресную школу, зачисляется на ступень, соответствующую возрастной категории. Посещение уроков не свободное, а обязательное. Прием учеников в течение года осуществляется крайне редко, в качестве исключения.

Занятия проходят в субботу и воскресенье. Уроки для дошкольных групп длятся 25 минут. Общая длительность занятий для одной группы – 2 часа. Уроки для групп начальной ступени длятся 40 минут. Общая длительность занятий для одной группы – 4 часа. Необходимо отметить, что при воскресной школе для всех детей организовано питание.

Основными направлениями информационной деятельности учебно-воспитательной группы «Гефсимания» являются:

1) подготовка материалов о деятельности воскресной школы для ее официального сайта: <http://gefsimania.wix.com/gefsimania>;

2) подготовка материалов о текущих мероприятиях воскресной школы для официального сайта Покровской и Николаевской епархии: <http://pravpokrov.ru/>;

3) оформление информационного стенда на территории Свято-Воскресенского храма.

Отношение родителей к обучению детей в воскресной учебно-воспитательной группе «Гефсимания» Покровской и Николаевской епархии

В январе-апреле 2015 г. нами было проведено социологическое исследование на тему «Отношение родителей к обучению детей в воскресной православной школе». Исследование

проводилось методом анкетирования. Респондентами выступили родители детей, обучающихся в воскресной православной школе «Гефсимания» (n = 45). Выборочная совокупность формировалась методом основного массива.

Как показали результаты исследования, для родителей основными источниками информации о воскресной учебно-воспитательной группе «Гефсимания» стали знакомые, у которых дети уже посещали эту школу (33,3%), а также общение со священником церкви, при которой функционирует данное образовательное учреждение (33,3%) (рис. 2). Второй источник информации особенно примечателен, так как указывает на то, что треть учащихся исследуемой воскресной школы стали таковыми вследствие активной катехизаторской и миссионерской позиции настоятеля православного прихода, при котором функционирует эта школа.

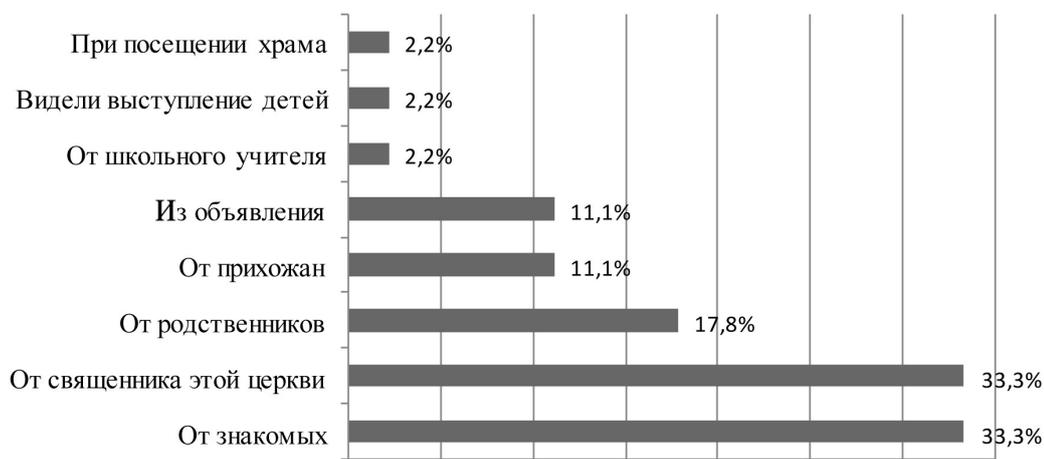

Рис. 2. Источники информации о воскресной учебно-воспитательной группе «Гефсимания»

Среди основных мотивов, которыми руководствовались родители при принятии решения о воскресном церковно-приходском образовании своих детей, преобладают религиозные и нравственные, а именно: дать ребенку правильные жизненные ориентиры (51,1%), познакомить с основами православного вероучения (44,4%), приобщить ребенка к церковной жизни (33,3%) (рис. 3). Преобладание указанных мотивов свидетельствует о том, что среди опрошенных большую часть составляют родители, желание которых дать своему ребенку церковное образование было не случайным, не спонтанным, а осозанным, целенаправленным и наполненным нравственными и религиозными смыслами. В то же время отдельную группу составляют родители, которые привели своих детей в воскресную школу с целью решения их социально-психологических проблем или трудностей (в общей сложности 31,2%).

Большинство (77,8%) родителей указали, что их дети посещают воскресную школу

каждую неделю. Чаще всего детей водят мать (55,6%) и бабушка (35,6%).

На вопрос «Как Вы считаете, мешает ли обучение в воскресной школе обучению в общеобразовательном учреждении?» 93,3% респондентов ответили, что совершенно не мешает, 6,7% – что скорее не мешает, чем мешает.

Указывая, что за время обучения в воскресной школе приобрел их ребенок, респонденты выделили в первую очередь религиозные знания (86,7%) и навыки духовной жизни (64,4%); во вторую – православную среду общения (22,2%) и творческие навыки (20%); в третью очередь – нравственные ориентиры и качества (33,4%) (рис 4).

Оценивая различные аспекты деятельности учебно-воспитательной группы «Гефсимания» по 5-балльной шкале, родители отметили: абсолютную удовлетворенность, во-первых, организацией внеклассных мероприятий (82,2%), нравственным поведением учителей (82,2%),

Рис. 3. Основные мотивы родителей, принявших решение о воскресном церковно-приходском образовании своих детей

Рис. 4. Основные ресурсы, приобретенные ребенком в процессе обучения в воскресной учебно-воспитательной группе «Гефсимания»

уровнем духовности и религиозности атмосферы образовательного учреждения (82,2%); во-вторых – стоимостью обучения (80,0%), порядком поступления в школу (80,0%), отношением учителей к детям (80,0%), режимом работы школы (80,0%). Наименьшую удовлетворенность продемонстрировали родители в отношении материально-технического оснащения школы (55,6%), работы с родителями (62,2%).

Необходимо отметить, что родители сами участвуют в деятельности воскресной школы, из них 57,8% – в каждом мероприятии. Всего 8,9% респондентов признались, что никогда не

участвовали в школьных мероприятиях. Основные формы родительского участия: посещение разных мероприятий, организованных школой, – 71,1%, помощь ребенку при выполнении домашнего задания – 55,6%, участие в субботниках и благоустройстве территории школы – 37,8%, чаепитие – 37,8% (рис. 5).

Подведем некоторые итоги. По результатам нашего исследования «Отношение родителей к обучению детей в воскресной школе», современная воскресная школа представляет собой востребованный образовательный проект, в рамках которого родители осуществляют со-

Рис. 5. Формы участия родителей в жизнедеятельности воскресной учебно-воспитательной группы «Гефсимания»

знательный выбор в направлении религиозно-нравственного воспитания ребенка. В качестве привлекательных моментов в деятельности воскресных школ родители отмечают: организацию внеклассных мероприятий, способствующих формированию нравственных жизненных ориентиров детей; доброжелательный тон в общении с детьми, а также четкую организацию самого образовательного процесса. Вместе с тем респонденты указали и на определенные недостатки в работе воскресной школы, а именно: недостаточное материально-техническое оснащение образовательного процесса и невысокий уровень вовлеченности родителей в образовательный процесс.

УДК 316.421+316.7

СОЦИАЛЬНАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ СУБКУЛЬТУР

М. А. Карелин, М. В. Калининкова

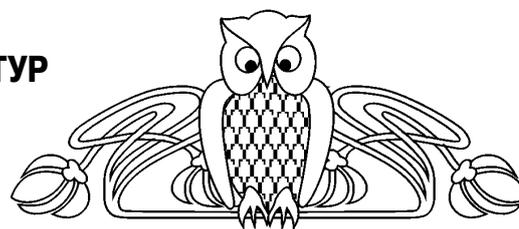
Саратовский государственный университет
E-mail: karelin15@rambler.ru; kalinnikova1@rambler.ru

Статья посвящена анализу процесса гибридизации поколений в рамках культурного пространства. Рассматриваются естественнонаучный, геополитический, социокультурный подходы к определению понятия «гибридизация», предлагается авторское определение понятия «поколенческое пространство», анализируется процесс формирования гибрида поколений на основании результатов авторского социологического исследования.

Ключевые слова: социальное пространство, гибридизация, поколения, субкультура.

Примечания

1. Пользуясь случаем, хотелось бы сердечно поблагодарить руководителя отдела религиозного образования и катехизации Покровской и Николаевской епархии, настоятеля Свято-Воскресенского храма г. Энгельса, при котором функционирует воскресная учебно-образовательная группа «Гефсимания», протоиерея Александра Милованова, и педагогический коллектив школы за помощь в проведении социологического исследования, ставшего основой для написания данной научной статьи.
2. См.: Отдел религиозного образования и катехизации // Покровская и Николаевская епархии : [сайт]. URL: <http://pravpokrov.ru/eparchy/departments/religious-education.php> (дата обращения: 21.05.2015).

Social Hybridization in the Context of Generational Subcultures

M. A. Karelin, M. V. Kalinnikova

In article we had analyzed a process of hybridization of generations within culture space. We had reviewed natural, geopolitical and social and culture approach to definition of hybridization and proposed author's definition to generation's space term. We had analyzed

process of forming hybrid of generations based in results of author's sociological research.

Key words: social space, hybridization, generations, subculture.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-43-46

Глобализация, распространение массовой культуры и иные процессы оказывают непосредственное влияние на культуру и социокультурное пространство в целом, что сказывается на фундаментальных функциях культуры – хранителя коллективной памяти, транслятора опыта и преемственности.

В современном российском обществе в результате глобализации наблюдаются тенденции внедрения различных ценностных установок в культурное пространство, синтеза разнородных западных и российских субкультур и, как результат, снижение однородности культуры отношений, что приводит в итоге к процессу гибридизации поколений.

В научной литературе понятие «гибридизация» используется с точки зрения геополитического, социокультурного, естественнонаучного подходов. Так, согласно социологическому словарю Аберкромби, Хилла и Тернера, гибридизация интерпретируется как взаимоотношение вестернизации и локальных форм культуры. В данной трактовке локальные культуры сливаются с западной формой в процессе адаптации¹.

С точки зрения геополитики идеи гибридизации рассматриваются С. Хантингтоном², Я. Н. Питерсом³, М. Кастельсом⁴, С. Б. Федоровым, С. В. Чугровым⁵ и др. В работах данных авторов гибридизация обусловлена глобальным процессом взаимодействия держав.

Применительно к современному статусу России в мире понятие гибридизации отражено в работах А. А. Зиновьева⁶, В. А. Ядова⁷, Н. И. Бухтеева⁸. Данными учеными гибридизация рассматривается с позиции развития и принятия постсоветской Россией западноевропейского типа социального прогресса. Ключевым понятием в данном случае является «постсоветизм», которое определяет характер этого развития как искусственный, насильно навязанный извне.

Естественнонаучный подход трактует гибридизацию как фактор эволюции биосферы посредством скрещивания разнородных в наследственном отношении организмов.

В контексте данной работы нам интересен социокультурный аспект процесса гибридизации, обусловленный ролью культуры в формировании поколенческого пространства.

Собирательное определение поколения представляется нам как социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, сформированная под влиянием одних и тех же исторических событий и обладающая схожими ценностными ориентирами и нормами поведения. Исследовательская возможность

данного понятия имеет определенные границы. К таковым относится отсутствие возможности изучения межпоколенческих конфликтов, а также недостатков внутри социальных институтов. Ввиду этого уместно использование понятия «поколенческое пространство», которое определяется нами как особая форма консолидации поколенческих групп, имеющих определенные границы возраста, нормо-ценностной и статусно-ролевой идентичности, зависимой от влияния социальных процессов, а следовательно, приводящей к дифференциации человеческого капитала и, как результат, к формированию субпоколений.

Формирование нового поколения, согласно М. Мид, происходит в условиях господства префигуративной культуры. Особенностью данного типа является возникновение общности опыта, которого никогда не было и не будет у старшего поколения⁹. Поэтому опыт обретает признание старшего поколения, а характер обмена (культурными практиками) носит двусторонний характер, но его передача от младшего поколению старшему усиливается. Как отмечает М. Мид, данная тенденция глобальна и носит всеобщий характер.

Что касается субкультуры как элемента культуры, то ее влияние на поколение более ограничено, но, тем не менее, способно демонстрировать пример формирования гибрида поколений. Для демонстрации данного явления обратимся к примеру субкультуры (в данном случае молодежной), которая имеет широкий охват поколенческих групп, а также пережила определенный период взросления. Под взрослением понимается не только конкретный временной период существования субкультуры, но также актуальность ее существования в условиях современного общества и смена поколенческого состава приверженцев. Примером подобной субкультуры, прошедшей этап взросления, является рок-культура. Данный феномен мы определяем как способ социально-пространственной организации, характеризующейся особым восприятием окружающей действительности в свойственной демонстративной манере дистанцирования от официальной идеологии.

На основании результатов авторского социологического исследования, проведенного методом анкетного опроса в 2012–2013 гг. среди жителей г. Саратова (опрошено 150 человек), по квотно-стратифицированной выборке были выявлены особенности восприятия рок-культуры представителями разных поколений.

В молодежной среде прослеживается отглоток восприятия и эксплуатации образа «рокера», бунтующего и свободного, но реализуется он исключительно через творческую деятельность. То есть не протестная деятельность имеет первостепенную значимость, а творчество для данной возрастной категории¹⁰.

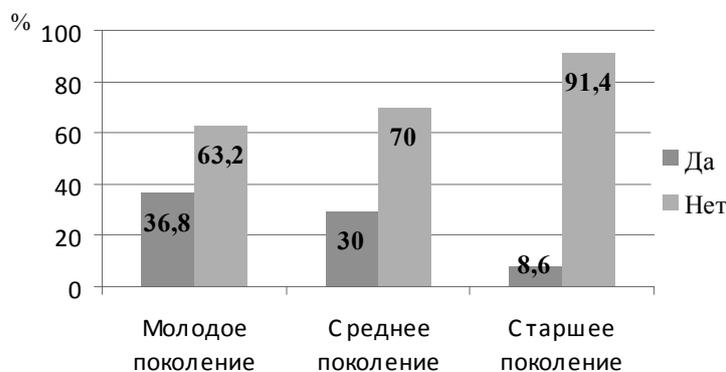
Для среднего поколения характерна более объективная оценка рок-культуры (таблица), лишенная резких суждений о негативных или позитивных сторонах влияния на общество. Особенность восприятия рок-культуры адептами данной возрастной группы демонстрируется в предпочтении творчеству и самовыражению мировоззренческого компонента в музыке (превалирование идей и ценностей рок-культуры).

Для старшего поколения характерно общее дистанцирование от рок-культуры, характеризующееся большим неприятием и негативными оценками данного движения. С позиции принадлежности данной возрастной группы к рок-культуре наблюдается процесс переосмысления значимости собственной приверженности, отмечается нисходящая тенденция заинтересованности данной субкультурой (рисунок).

Влияние возраста на представления о рок-культуре в настоящее время, %

Современный характер рок-культуры	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
Один из жанров музыки	45,6	43,3	34,3
Профессиональный вид деятельности	26,3	15,0	22,9
Протест против существующих в обществе ценностей	12,3	13,3	17,1
Особое мировоззрение	42,1	45,0	11,4
Протест против господствующей культуры	14,0	5,0	8,6
Форма самовыражения	50,9	43,3	34,3
Указатель на принадлежность к определенной группе	12,3	15,0	37,1
Движение, разрушительно воздействующее на психику молодежи	10,5	8,3	22,9
В настоящее время рок-музыки нет	0,0	3,3	0,0
Способствует развитию проблемы «отцов и детей»	5,3	6,7	5,7
Стиль жизни	2,5	0,0	0,0
Помощь в преодолении подростковых проблем	0,0	1,7	2,9

Примечание. Результаты несводимы с 100%, так как вопрос множественный.

Влияние возраста на приверженность к рок-культуре

Анализируя современное состояние рок-культуры, можно проследить ряд трансформаций, которые отражаются в восприятии субкультуры рока разными поколениями. Проведенный анализ эмпирически подтвердил, что с течением времени рок трансформировался из бунтарского молодежного музыкального движения в неотъемлемую часть современной культуры, превратившись в субкультурное явление, не лишенное определенной доли протеста. Эта эволюция четко отражена в общественном мнении жителей г. Саратова.

В итоге была определена типология отношения саратовцев к рок-культуре:

– «музыкально ориентированные» – ассоциативное восприятие рок-культуры с позиции рок-музыки;

– приверженцы рок-движения – выделяют в рок-культуре не только музыку, но и обращают внимание на социальную ориентацию данного движения;

– сторонники – осознанное определение рок-культуры с выделением ее субкультурных характеристик, смещение восприятия рок-культуры в сторону эксплуатации образа рок-культуры.

Таким образом, поколенческая субкультура претерпевает с течением времени ряд метаморфоз, которые проявляются в том, что «мир взрос-

лых» со свойственным ему кодом нормальности перестал господствовать над «миром детей». Более того, поколение взрослых в некотором роде заряжается от молодых элементами стиля, моды, поведения, но характер этих элементов напоминает игровое действие, приводящее к формированию гибрида поколений.

Примечания

- 1 См.: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь. М.: Экономика, 2004. С. 77.
- 2 См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003.
- 3 См.: Pieterse J. N. Globalization as Hybridization // International Sociology. Vol. 9, № 2. June 1994. P. 45.
- 4 См.: Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Ингоземцева. М.: Academia, 1999. С. 307–308.
- 5 См.: Чугров С. В. Япония: гибридизация и гармонизация // Полис. 2008. № 3. С. 56–57.

- 6 См.: Зиновьев А. А. Планируемая история: Запад. Посткоммунистическая Россия. Гибель русского коммунизма. М.: Изд-во АСТ, 2009. С. 438.
- 7 См.: Россия: трансформирующееся общество / отв. ред. В. А. Ядов. М.: Канон-пресс-ц, 2001. С. 50.
- 8 См.: Бухтеев Н. И. Новый этап развития постсоветской России. (Стенограмма лекции Н. И. Бухтеева, прочитанная в Школе методологии социальных исследований им. А. А. Зиновьева 18 ноября 2010 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова). URL: <http://zinoviev.org/chteniya/elzhur/nikolaj-buxteev-novyy-etap-razvitiya-postsovetskoy-rossii/> (дата обращения: 22.03.2015).
- 9 См.: Мид М. Культура и мир детства. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1983. С. 324–343.
- 10 См.: Карелин М. А. Фактор протеста в молодежных субкультурах: поколенческий аспект // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2013. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/structure_24_2258.htm (дата обращения: 22.03.2015).

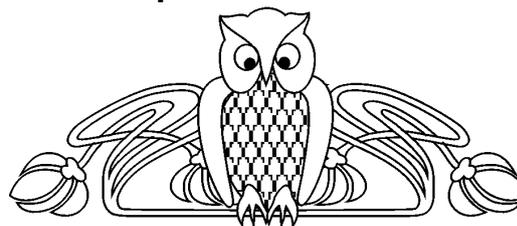
УДК 316.334.2

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Ю. Г. Быченко, Т. М. Баландина¹

Саратовский военный институт внутренних войск МВД России

¹ Саратовский социально-экономический институт – филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: bychenkoug@gmail.com, balandinatm@gmail.com

В статье представлена социологическая и экономическая интерпретация общественного воспроизводства, раскрывается расширительная модель социально-экономической модели воспроизводства как социального процесса, уточняется социологическое обоснование основных фаз воспроизводства общества, раскрывается влияние производства, распределения, обмена и потребления на развитие социальных отношений.

Ключевые слова: общественное воспроизводство, фазы воспроизводства, социальные отношения, хозяйственная система.

Modern Sociological Interpretation of Social Reproduction

Yu. G. Vychenko, T. M. Balandina

Sociological and economical interpretations of reproduction are presented, extensive model of socio-economical reproduction model as social process is revealed, sociological basis of fundamental reproduction phases is clarified, influence of production, distribution, exchange and consumption on social relations development is disclosed.

Key words: social reproduction, phases of reproduction, social relations, economic.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-46-52

Общественное воспроизводство в абстрактном виде можно рассматривать как непрерывное возобновление общества в целом и его отдельных подсистем. Общественное воспроизводство представляет собой процесс целевого развития, самовосстановления и самовозобновления структурных социальных, социально-экономических, политических подсистем общества. Можно рассмотреть общественное воспроизводство как комплексную социологическую категорию, включающую в себя экономические (воспроизводство хозяйственными системами их стоимостного оборота и кругооборотов), социально-экономические (возобновление хозяйственных отношений, материальных благ, человеческого фактора), социальные (воспроизводство всего комплекса социальных отношений, культуры, институтов, ценностей, норм, социальной структуры и процессов) явления.

Современная сущность общественного воспроизводства «раскрывает, как, в какой последовательности, вновь и вновь возобновляясь, осуществляется деятельность по созиданию, сбережению, восстановлению, обновлению или

сохранению условий, средств и целей субъекта воспроизводства»¹. Сообщество-субъект является носителем не только хозяйственной, но и социокультурной деятельности. Поэтому всякое общественное воспроизводство отражает социальные трансформации, связанные с восстановлением структурных связей, результатов деятельного взаимодействия населения как процесса производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных ценностей, благ, средств.

Таким образом, при расширительном подходе общественное воспроизводство отражает отношения по созданию носителей хозяйственной деятельности, материальных и социальных условий их существования. Поэтому можно выделить компоненты общественного воспроизводства. Во-первых, это воспроизводство «носителей» тех или иных социальных процессов (т. е. человеческое воспроизводство собственно людей как биологических существ, их физического и интеллектуального потенциала); во-вторых – воспроизводство хозяйственных отношений и материальных условий, необходимых для существования человека (т. е. хозяйственное воспроизводство социально-экономических отношений, социальных и социально-экономических институтов); в-третьих – воспроизводство социальных отношений, отражающих проявления того или иного социального явления (т. е. социальное воспроизводство собственных социокультурных отношений, социальных процессов, структур, норм). Можно констатировать, что социальный аспект общественного воспроизводства проявляется, прежде всего, в процессе возобновления отношений и социальных явлений. При этом отдельный индивид, как и множество независимых и несвязанных индивидов «или даже миллион изолированных индивидов не составляют социального явления, не говоря уж о его простейшем образовании... Что бы ни делал изолированный индивид, никакое из его действий не представляет собой ни социального явления, ни его простейшего образования»². Общественное воспроизводство появляется там и тогда, когда появляются устойчивые связи и взаимозависимости между людьми, формируются характеристики устойчивых социологических свойств.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что общественное воспроизводство условно может рассматриваться в контексте социально-экономических, а также социальных процессов и отношений. Оно представляет собой, с одной стороны, воспроизводство человека, его социокультурных отношений, материальных условий взаимодействия, с другой стороны – воспроизводство общественного хозяйства, хозяйственных отношений. В своей жизнедеятельности субъекты экономического действия проходят ряд стадий, важнейшие из которых

следующие: воспроизводство производственных отношений; воспроизводство отношений распределения; воспроизводство отношений обмена; воспроизводство потребления.

Рассмотрим данные стадии воспроизводства общественного хозяйства (хозяйственных отношений) подробнее.

Общественное производство как одна из основных фаз общественного воспроизводства представляет собой социально-экономический процесс воздействия человека на природные, а также полуфабрикатные ресурсы в целях создания социально значимых благ, необходимых для последующего общественного потребления. Производство имеет решающее значение не только для экономики, но и для общества в целом. Если не создан продукт, то нечего распределять, обменивать и потреблять. Современное производство отличается следующими чертами. Во-первых, оно динамично развивается и способно обеспечивать массовое удовлетворение постоянно расширяющегося состава социально значимых потребностей. Во-вторых, производство состоит из двух типов: материального (создание необходимой материальной товарной массы) и нематериального (создание необходимых духовных благ, ценностей, услуг). В-третьих, в него входит особая сфера – сфера образовательного целевого производства человеческого капитала.

Общественное производство отражает две взаимосвязанные системы отношений: 1) экономические отношения – отношения трудоспособного населения к природным, полуфабрикатным ресурсам (материальные отношения процесса труда), средствам труда, финансам; 2) «социально-экономические отношения – отношения, взаимоотношения и взаимодействия людей в процессе реализации производства социально значимых благ, необходимых для поддержания и развития общества»³. В процессе реализации общественного производства формируются производственные отношения. Будучи созданными в процессе производства, блага завершают свое движение в потреблении. Общественное производство необходимо рассматривать как систему, направленную на создание материальных и духовных ценностей для общественного потребления. Производство в конечном итоге осуществляется ради и для потребления.

Необходимо подчеркнуть, что потребление является непосредственной целью производства не только в рыночных, но и в нерыночных системах хозяйствования. Целью охоты и собирательства первобытной общины было потребление добытого за день. Целью производства в рабовладельческом обществе было расширенное потребление рабовладельцев и восстановительное потребление рабов. Цель современного общественного производства – расширенное потребление населения, развитие и саморазвитие

его человеческого капитала. Воспроизводство современного общества на практике представляет собой непрерывное возобновление его расширенного производства (целевого развития) и самопроизводства (нецелевого саморазвития). От рождения до смерти современный актор проходит первичную и вторичную социализацию. Он реализует свой человеческий потенциал, накопленный в процессе воспитания и обучения, через рынок труда. Далее проявляются его трудовая мобильность и предприимчивость. В обмен на трудовую активность общество предоставляет субъектам возможность расширенного удовлетворения потребностей. В процессе воспроизводства физических и интеллектуальных способностей человека происходит развитие у личности востребованных условиями общественного производства специфических качеств, их совершенствование, распределение, реализация в различных формах (в том числе и в форме социального, культурного и физического человеческого капитала).

Стратегии современного общественного производства можно рассматривать на уровне его двух абстрактных форм: целевого развития человеческого капитала (программное развертывание сути процесса развития человека, содержание которого отражается в формировании физических и интеллектуально-образовательных способностей индивида) и саморазвития человеческого капитала (создание условий развертывания внутренней сути процесса саморазвития человека, содержание которого отражается в повышении совокупных потребительных и трудовых способностей индивидов)⁴.

Самопроизводство (саморазвитие) общества представляет собой отдельную современную форму его производства. Оно внешне выступает как форма активного существования человека, отражающая его саморазвитие в процессе всех форм жизнедеятельности⁵. Самопроизводство общества представляет собой «создание» неких целостных внутренних общественно ценных характеристик человека посредством его саморазвития. Приставка «само» подчеркивает активную роль субъекта в социализации и заключается в реализации внутреннего потенциала совершенствования, развития сущностных сил человека, формирования его новых системообразующих качеств по внутреннему плану, определяемому, с одной стороны, исходя из противостояния воздействия извне, с другой стороны, по «образу и подобию», очерченному культурой. В связи с этим мы полагаем, что производство современного общества, с одной стороны – это создание необходимых условий для саморазвития его человеческого капитала (самопроизводство необходимых характеристик человека), т. е. инвестиционная реализация создания условий для самопроизводства человека в процессе жизнедеятельности; с другой стороны – реализация

через социальные институты целевого развития общественно необходимого человеческого капитала посредством инвестиций в научно-образовательные институты с целью производства интеллектуально-образовательного человеческого капитала.

В современных условиях доля материального производства уменьшается, растет доля нематериального производства и производство услуг. Динамично развиваются отрасли, создающие культурные ценности, разного рода символы и регуляторы в комплексе социальных символов. Производственные структуры средств массовой информации создают и реализуют новые знания, информацию, информационные потоки, развивается рекламная производственная индустрия, устойчиво растет индустрия развлечений, формируется множество искусственных пространств (игровых, коммуникационных, туристических, кинематографических, научных, образовательных). В. Радаев в этой связи верно отмечает, что исследовательские, инновационные и изобретательские разработки непрерывно сопровождают производственный процесс, становятся его неотъемлемой преамбулой, интегрированной частью, условием социальной адаптивности. «Дизайнеры “упаковывают” ваш продукт, специалисты в области “публик рилейшнз” работают над созданием вашего имиджа. Культурные учреждения превращаются в сферу деловых услуг, их “продукция” ставится на поток. И сегодня фактически любой продукт помимо изначальных потребительских свойств несет в себе массу закодированной информации и нагружен ворохом смыслов и образов, символизирующих успех или здоровый образ жизни, идеологические пристрастия или принадлежность к этнической группе»⁶.

Современные производственные системы органически интегрируются с научно-образовательными и духовными структурами. Производство трансформируется в экономическую систему «знаков и пространства». В рамках производственных организаций происходит кругооборот не только капитала, труда, товаров, но и оборот знаний, информации, инноваций, культурных и ценностных образцов. Важнейшим объектом управления становятся инновационная организационная культура (ценности трудового раскрепощения, возможности внедрения трудовых новаций, равноправного сотрудничества управляющих и подчиненных, командного инновационного творчества, «инициатива и новаторство на каждом рабочем месте, рост социальной ответственности и социальных ожиданий работников, обновления ролей в структуре управленческой власти»⁷). Проявляется тенденция постепенного сокращения непосредственных материальных производственных объектов. Одновременно устойчиво растут информационные, образовательные, коммуникационные, реклам-

ные, духовно-ценностные составляющие производительной деятельности.

Таким образом, общественное производство сегодня – это не только процесс создания материальных благ, а также процесс создания нематериальных благ, производственное исследование, освоение и социальное накопление культурных ценностей, образцов, норм. В рамках производственных систем развиваются исследовательский, инновационный, образовательный, дизайнерский процессы. Здесь осуществляется когнитивная и культурная рефлексивность, человек реализует создание, интерпретацию, основание и социальное накопление знаний, способностей, социокультурных знаков, символов, традиций.

Рассмотрим вторую фазу общественного воспроизводства – общественное распределение, представляющее собой не только связующее звено между производством и потреблением, но и систему социально-экономических процессов и отношений, спецификой которых является установление пропорций (доли) экономических субъектов в реализации и использовании совокупного общественного продукта. В процессе распределения выявляется доля производителей общественных ценностей в его присвоении и использовании. Распределение опосредует производство созданных материальных и духовных ценностей и поэтому представляет собой момент производства, ибо без распределения производство благ становится бессмысленным.

Распределение включает в себя две формы отношений: 1) отношения распределения (установление норм) созданных в обществе материальных, духовных благ и услуг; 2) отношения распределения (установление норм), а также размещение человеческого фактора экономики (трудоспособного занятого в экономике населения) в различных подсистемах хозяйствования. Распределение в обществе опосредует связь между производством и потреблением. Развитие отношений распределения зависит от разных факторов, важнейшие из которых – развитие института собственности, уровня экономической культуры, духовной культуры социума. Общественное хозяйство появляется как рыночная система лишь тогда, когда возникает возможность добровольного обмена, а распределение осуществляется не по воле экономического субъекта, а на основе объективных рыночных сигналов.

Социологический контекст исследования отношений распределения предполагает необходимость анализа не только норм распределения социальных и экономических ресурсов, но и воздействия рыночных инструментов распределения на трансформацию принципов справедливости в обществе. Экономическая социология анализирует механизмы распределения в контексте концепции социальной справедливости. Справедливость, определяемая как честность, в

рамках данного исследования рассматривается в контексте нравственных характеристик человека и выходит за грань проявления потребностей и интересов человека.

В современных условиях необходимо уточнение уровня справедливости установления цены, процентной ставки, калькуляции затрат, получения дохода тех или иных субъектов экономического действия. За практиками оценки и представлений «справедливой цены» могут стоять не только объективные, но и субъективные проявления: традиции людей платить за товар определенную цену, получать ее в контексте сложившихся и передаваемых правил, процедур, норм; убеждения акторов об определенных затратах на создание блага, товара, услуги; субъективный учет цен на товар у других продавцов; возможность купить, продать, обменять тот или иной товар в рамках определенных ценовых границ. В. Радаев в этой связи отмечает, что «справедливая цена является относительно независимым центром, вокруг которого происходят ценовые колебания. Этот центр принципиально отличен от стоимостной основы цен независимо от того, измеряется последняя затратами производителя или сравнительной ценностью для покупателя»⁸.

Распределение включает в себя серьезные социологические проблемы справедливости заработной платы. Поэтому всякие распределительные практики должны рассматриваться в ракурсе анализа справедливости заработной платы в сравнении с прошлым уровнем оплаты; с оплатой труда в различных хозяйственных организациях страны; с оплатой труда в разных регионах; в соотношении изменения заработной платы с динамикой цен; с изменением уровня духовных и материальных потребностей граждан. Отправным моментом всякого совершенствования мотивации трудовой деятельности является система распределение на макро- и микроуровнях, а также увеличение взаимосвязи уровня получаемого вознаграждения акторов и реальных результатов труда. В России традиционно формируются несправедливые системы оплаты труда. Работники умственного труда получают зарплату, как правило, ниже тружеников физического труда. Образовательная, здравоохранительная, информационные системы имеют заниженные механизмы формирования заработной платы. В то же время современному обществу необходимо не только устранение дисбаланса оплаты труда, но и внедрение справедливой системы «ее осуществления через раскрепощение условий труда, характера затрачиваемых усилий для реализации выполнения заданий и достижения необходимых целей»⁹. Современные диспропорции в распределении, несправедливости в оплате труда работников социальной сферы предстоит устранять в рамках последующих социально-экономических реформ России.

Таким образом, общественное распределение – это процессы и отношения, спецификой которых является установление пропорций (доли) экономических субъектов в реализации и использовании совокупного общественного продукта. В рамках систем распределения формируются (или не формируются) принципы социальной справедливости по поводу цены на материальные и духовные товары, общественные и частные услуги, социально значимые механизмы распределения заработной платы, пенсий, пособий, социальных выплат. В рамках социологического подхода процессы распределения характеризуют справедливость, а также эффективность установления пропорций получаемой доли экономических субъектов от созданных в обществе материальных и духовных благ. Именно распределение определяет основные трансформации в системе факторов общественной мотивации труда.

Рассмотрим третью фазу общественного воспроизводства – общественный обмен, представляющий собой не только связующий невидимый общественный механизм, обеспечивающий передачу тех или иных произведенных благ или услуг в систему потребления общества, но и систему социально-экономических отношений обмена деятельностью между людьми в непосредственной форме или опосредованной – в форме обмена продуктами труда. В товарном хозяйстве обмен осуществляется с помощью денег.

Обмен опосредует производство и распределение созданных материальных и духовных ценностей и поэтому представляет собой момент производства, ибо без обмена производство благ становится бессмысленным. Обмен в данном контексте так же производителен, как и производство, потому что он способствует социально значимым перемещениям благ в пространстве. Данные перемещения создают реальные условия более полного удовлетворения человеческих потребностей. Последнее увеличивает материальное и духовное богатство общества. Поэтому можно констатировать, что торговцы как субъекты социального воспроизводства являются классом, формирующим производительные ценности общества. Социальное и одновременно экономическое действие можно представить как обмен деятельностью, обеспечивающей условия создания в обществе как материального, так и духовного богатства. Обмен осуществляется на началах возмездности и эквивалентности в целях повышения выгоды как в экономической (рост прибыли торговца), так и в социальной (повышение статуса и властных позиций торговца) формах.

Необходимо отметить, что взаимный обмен всегда выполнял и сегодня выполняет как социальные, так и экономические функции, важнейшие из которых связаны с реализацией социальной взаимосвязи между фазами производства и

потребления, взаимного хозяйственного страхования, поддержки реализации социально-экономического планирования, мобилизации экономических, социальных и культурных факторов и ресурсов. При этом механизм реализации обмена лежит как в пределах непосредственной экономики, так и за пределами хозяйственных связей в рамках социокультурного пространства общества.

Поэтому обмен может традиционно рассматриваться в узкой системе торговых экономических отношений (Т-Д-Т). Здесь мы применяем чисто экономический контекст рассмотрения и выявляем тенденции роста и накопления денежной массы торговца. Одновременно обмен имеет и чисто социологическое проявление, как механизм формирования социальных связей, социального капитала, социального потенциала. Он в отдельных случаях должен рассматриваться без выяснения экономической полезности преподносимого блага для определенного субъекта. При данном рассмотрении обмен «в своей основе есть акт социального взаимодействия, в процессе которого люди извлекают не только экономическую, но и символическую пользу. Нерыночный обмен – это обмен социальными ценностями, демонстрация отношения сторон друг к другу (лояльности, доверия, уважения и др.)»¹⁰.

Акцент может делаться не на гарантии эквивалентного экономического возмещения затрат, а на формировании социальной сущности обмена: укреплении связей, зависимостей, проявлении социального признания, обновлении социального капитала. Агент в определенных случаях отказывается торговаться с подозрительным неизвестным экономическим актором, теряет прибыль, но поддерживает социальную дистанцию с определенными группами лиц (с которыми не имеет отношений доверия и понимания). Социальный капитал (социальные связи) имеет как экономический, так и социальный смысл в системе отношений обмена. Торговый субъект экономического действия часто проявляет особое отношение, предлагает особые цены постоянным клиентам, друзьям, родственникам, приятелям, землякам, единоверцам.

Здесь социальная связь проявляется как социальный капитал, определяющий социальную, а не экономическую выгоду субъекту экономического действия. Хотя при этом предполагается, что сегодняшний получатель блага в будущем должен ответить дарением аналогичного блага. В то же время может не преследоваться даже такая примитивная выгода обмена. Ведь инициатор дарения предположительно представляет иному лицу некоторое благо безвозмездно. Одновременно на практике складываются ситуации, когда аналога дарения вообще не существует или невозможно найти и предоставить в ответ. В данном случае речь идет о попытке лица, дарящего благо, укрепить свое социальное положение

ние в подсистеме социального пространства. В рассмотренном контексте обмен направлен не на рост имущества (или его накопление), а на получение социальной выгоды: укрепление социальных связей, накопление социального капитала, повышение престижа дарителя.

Таким образом, общественный обмен – это не только процессы и отношения, спецификой которых является движение материальных и духовных благ (как обменное проявление процесса распределения), но еще и социальный процесс формирования и укрепления социальных связей, обменного роста престижа, изменение социального положения в социальном пространстве общества, становление социального капитала (определяющего социальную, а не экономическую выгоду субъекту экономического действия). Необходимо подчеркнуть, что всякий процесс чисто рыночного обмена (продажа товара, перечисление денежных сумм) является также и социальным процессом. Ведь подавляющая часть цен тоже устанавливается в результате социальных переговоров, неформального торга, специфической системы взаимных уступок. Всякий торг в современном обществе необходимо рассматривать как социальный механизм коммуникаций и общения, установления новых социальных связей, обновления социальных контактов. Здесь экономические действия обмена, расчета сочетаются с социальными действиями с целью реализации торговой социальной игры, с социальной конкурентной борьбой, направленной на укрепление социального капитала акторов.

Рассмотрим четвертую фазу общественного воспроизводства – общественное потребление (завершающая фаза общественного воспроизводства), представляющее собой не только процесс социального уничтожения ранее созданных благ и услуг, но и систему отношений по поводу использования (расходования) продукта в процессе удовлетворения социально-экономических потребностей населения. Потребление порождает функцию роста не только потребительской силы человека, но и его способностей к труду. «Развитие потребительской силы субъекта труда связано с развитием его социально-экономических потребностей. Поэтому для общества важны не сами по себе условия жизни его членов, номинальный и реальный уровень их заработной платы, а важна оценка потребительских возможностей, а значит, и способностей его членов»¹¹.

В контексте вышеизложенного общественное потребление условно можно представить как своеобразное отрицательное производство, ведь в процессе общественного потребления происходит уменьшение или уничтожение полезности произведенного материального и духовного продукта. Общественное потребление условно можно разделить на два основных типа.

Первый тип – социальное групповое (личное) потребление. Осуществляется за предела-

ми общественного производства. Сюда относятся, прежде всего, жилье, еда, питье, чтение, образование. Данный тип в условиях рыночной системы хозяйствования является, как правило, индивидуализированным или групповым процессом. Исключение представляет ряд подсистем общественного потребления: потребление услуг театров, индустрии кинофильмов, спортивные мероприятия, информационные технологии.

Второй тип – производительное (хозяйственное, экономическое) потребление. Осуществляется в рамках системы общественного производства. Здесь используются косвенные общественные блага: средства, предметы труда, человеческий капитал. В рамках производительного потребления создаются новые материальные и духовные потребительские блага. Процесс производства внешне проявляется как социально-экономический процесс производительного (хозяйственного, экономического) потребления.

В современных условиях является несостоятельным тезис экономистов о том, что люди формируют свою потребительскую стратегию исходя из стремления оптимального использования ограниченных ресурсов. В настоящее время население склонно к демонстрации престижного потребления как комплекса стратегий «нерационального» использования средств домашних хозяйств. Человек склонен к приобретению более дорогих и «ненужных» продуктов и услуг вместо «нужных» и более доступных (дешевых). «При этом, однако, подобное поддержание престижа – не прихоть, а довольно жесткая социальная норма для определенной группы населения, нередко весьма обременительная экономически, по крайней мере для ее менее обеспеченной части. “Оставаться голодным, но прилично одетым” – подобный выбор можно считать рациональным, но его связь с мерками индивидуальной или общественной полезности окажется не столь очевидной»¹². Современные потребительские практики сложны и непредсказуемы. Потребительские стратегии в разных странах выстраиваются по-разному и не всегда отражают уровень дохода населения. В странах Восточной Европы через потребительские практики можно узнать профессиональную принадлежность человека по стилю носимой одежды. В то же время в США профессиональную принадлежность человека по стилю одежды определить практически невозможно¹³. Объяснить данное несоответствие можно на основе принципов теории П. Бурдьё. Последний доказывает, что потребительским действиям предшествует совокупность вкусов (tastes). Вкусы, в свою очередь, базируются на «хабитусе» (habitus) – совокупности диспозиций группового мышления, восприятия и оценивания. Оценивание зависимо и определяется социальным происхождением, культурными традициями, образованием.

Таким образом, общественное потребление – это не только процессы и отношения, спецификой которых является использование продукта для удовлетворения социально-экономических потребностей населения. Общественное потребление в современных условиях представляет собой социальный процесс формирования стиля соучастных потребительских практик. Индивиды, реализуя потребительские стратегии, ориентируются на практики окружающей среды, они пытаются соучаствовать в едином социальном процессе коллективного и общественного потребительного взаимодействия. Потребительский выбор индивидов зависим и преимущественно ориентирован на потребительные приоритеты и выбор других окружающих социальных групп. Потребительский выбор отдельного актора объективно согласуется с окружающим социумом и в конечном итоге становится стратегией социальной самоидентификации, поведенческих и деятельных практик. Реклама в современном обществе все более теряет экономическое содержание. Она в новых условиях представляет собой не только и не столько экономическую технологию продвижения товаров на рынке и получение инструментов конкурентного преимущества, сколько социальный механизм распространения информации о прогрессивном социально необходимом и реализуемом потребительном выборе определенных социальных групп общества. По сути, реклама сегодня представляет собой средство формирования стратегий социальной самоидентификации. Она направлена на трансформа-

цию потребительного стиля поведения граждан, определяет процессы присоединения индивидов к определенным сообществам потребления.

Примечания

- 1 Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., 1996. С. 208.
- 2 Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. М., 1992. С. 190.
- 3 Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. Экономическая социология : учеб. пособие. Саратов : СГСЭУ, 2012. С. 54.
- 4 См.: Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. Трансформации управленческих процессов в условиях становления обучающейся хозяйственной организации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 22–26.
- 5 См.: Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.
- 6 Радаев В. Экономическая социология. М., 2000. С. 90.
- 7 Баландина Т. М. Формирование организационной культуры инновационного типа. Саратов, 2004. С. 80–81.
- 8 Радаев В. Указ. соч. С. 90.
- 9 Баландина Т. М. Социология управления. Саратов, 2005. С. 132.
- 10 Басов С. А. Гражданское общество и гражданские отношения : поиск смысла // Социс. 2012. № 2. С. 76.
- 11 Быченко Ю. Г., Рудченко Т. Л. Управление социальным развитием современного предприятия. Саратов, 2013. С. 9.
- 12 Радаев В. Указ. соч. С. 90.
- 13 См.: Bourdieu P. Distinction : A Social Critique of the Judgement of Taste. L., 1984. P. 171.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.33

ОБЩАЯ И КОНКРЕТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

А. В. Кузьмин

Саратовский военный институт внутренних войск МВД России
E-mail: kuzmin1@front.ru

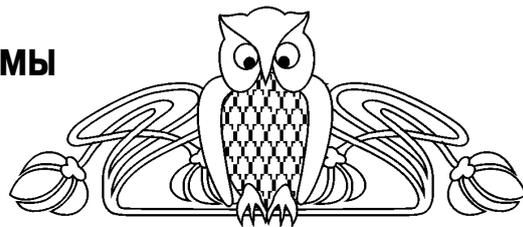
В статье раскрывается сущность общей и конкретизированной системы социального контроля хозяйственной организации, уточняются пути взаимодействия и интеграции систем контроля организации в условиях современного этапа реформ российского общества.

Ключевые слова: социальный контроль, формы контроля, общий контроль, конкретизированный контроль.

General and Specified Systems of Economical Organization Social Control

A. V. Kuzmin

The article essence of general and specified systems of economical organization social control is revealed. The ways of organization

control systems interaction and integration in modern Russian society reforming is defined.

Key words: social control, forms of control, general control, specified control.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-52-55

Исследование процессов развития социального контроля предполагает уточнение системных компонентов данного явления, ранжирования различных подсистем контроля в плане их функциональной значимости. Поэтому важно подробно рассмотреть относительно независимые системные компоненты контроля хозяйственной организации, уточнить взаимосвязь

данных структур, показать их роль и место в общем процессе реализации социального контроля.

Традиционно социологи выделяют несколько системных видов контроля в контексте функциональных свойств современной хозяйственной организации. Это, прежде всего, общий (централизованный) и конкретизированный (децентрализованный) контроль. Отдельно рассматривается система самоконтроля как относительно независимый комплекс. При этом основные системы социального контроля хозяйственной организации и комплекс самоконтроля, как правило, не рассматриваются как взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты.

В данном контексте социальный контроль хозяйственной организации выступает как набор системных взаимосвязанных отношений на уровне общества, организации, отдельных личностей. П. Бергер в этой связи верно доказывает, что человек и его организационные структуры находятся в центре расходящихся и постоянно трансформирующихся кругов, представляющих разные системы процессов социального контроля¹. Каждый круг условно можно рассматривать как отдельную систему процессов социального контроля хозяйственной организации. Последнее позволяет выделить основные системные субъекты социального контроля хозяйственной организации. В данном контексте отношения социального контроля организации можно дифференцировать условно на три базовые системы.

Первую систему социального контроля осуществляют государственные структуры, муниципальные и общественные организации, регулирующие и координирующие общественное взаимодействие отдельных хозяйственных организаций. Данную систему контроля можно назвать общей (централизованной) системой контроля хозяйственной организации. Ведь контролю подвергаются, прежде всего, общие параметры функционирования работников организации, а также параметры соблюдения законодательных принципов сохранения прав работников, социальной безопасности функционирования организации. Общая форма социального контроля представляет собой централизованную систему преимущественно внешнего социального контроля за деятельностью организаций. В рамках данного конструкта проявляется централизованный потенциал социального контроля. Здесь осуществляется реализация деятельности «совокупности институтов и механизмов, гарантирующих соблюдение общепринятых норм поведения и законов»².

Общая централизованная система социального контроля социологами представляется как социальный механизм адаптации функционирования организации к требованиям внешней социальной среды, а также достижения социальной стабильности, разрешения общих соци-

альных конфликтов (в том числе и трудовых). В целом общая система контроля призвана сглаживать «дисбалансирующее влияние внешних источников и оказывает дополнительное влияние на производственный процесс»³.

Данная система социального контроля хозяйственной организации отражает комплекс высшего централизованного уровня социального контроля в организации (общая система контроля). В рамках этого уровня реализуются как внешние (государственные, муниципальные или общественные), так и внутренние (внутриорганизационные) функции контроля общих аспектов деятельности хозяйственной организации. Субъектами такого контроля выступают государственные и муниципальные институты, общественные организации внешней среды, топменеджмент (высший состав управления), менеджмент (средний и низший состав управления). Различные социальные государственные институты поддерживают порядок хозяйственной и социальной деятельности, разрабатывают и контролируют функционирование через систему общественных норм организационного поведения, а также санкций. Социальные группы и организации четко реагируют на те или иные воздействия государства. Они стремятся избежать штрафов и наказаний (кар) и получать награды (поощрения и положительные формальные и неформальные оценки). На организационном уровне общий (высший централизованный) уровень контроля осуществляется через реализацию власти (полномочий административных работников высшего, среднего и низшего звена). Здесь не только происходит организация, регулирование и координация взаимодействия работников, но и разрабатываются проекты развития организационной культуры в целом, внедряются новые организационные ценности, нормы, принципы общего поведения и функционирования.

Вторая система – конкретизированный контроль функционирования хозяйственной организации. Вторую систему социального контроля осуществляют исключительно внутренние организационные структуры, регулирующие и координирующие трудовую деятельность работников (реализуется контроль над конкретными трудовыми действиями и процессом в целом).

Данный контроль осуществляется на стратегическом (формальный и неформальный контроль в контексте отношений между собственниками, топ-менеджментом, работниками и профсоюзами), операционном (формальный и неформальный контроль в контексте отношений между менеджментом среднего уровня, а также непосредственными работниками) и местном трудовом (формальный и неформальный контроль в контексте отношений между менеджментом первичного, базового уровня, а также непосредственными работниками) уровнях. В целом внутренние контролирующие функции осуществ-

вляются «через внутриорганизационные системы формального и неформального социального контроля отношений взаимодействия профсоюзов, работодателей, менеджмента, рядовых работников организации»⁴.

Конкретизированный контроль в хозяйственной организации условно делится на стратегический, операционный, местный и реализуется как комплексный механизм, регулирующий общую социальную, экономическую, культурную деятельность организации как системы. Он предусматривает конкретизацию общих (внутренних) норм и принципов деятельности организационной системы, установления общих границ трудового поведения коллектива. Здесь реализуется деятельность целого комплекса институтов социального контроля: совещания топ-управляющих, постоянные взаимодействия организации с внешними социальными институтами, собрания трудового коллектива.

Конкретизированный контроль предусматривает активное включение в процесс контроля не только управляющих на стратегическом (корпоративном) уровне, но и управленцев среднего и низшего звена, а также работников, осуществляющих операционную деятельность, реализующих непосредственные трудовые операции.

Стратегический (корпоративный) социальный контроль является относительно самостоятельным механизмом в структуре отношений организации. Данная система социального контроля в новых условиях рассматривается как система, механизм и одновременно социальный процесс, определяющий регулирование трудовых отношений. При этом стратегический контроль – это опосредующий механизм, осуществляющий связь хозяйственной деятельности с потребительским рынком готовой продукции, а также обеспечивающий материальные и человеческие ресурсы, необходимые для эффективной последующей деятельности организации⁵.

На конкретизированном операционном (организационном) уровне контроль реализуется как механизм, трансформирующий стратегии и внутриорганизационные целевые разработки в контекст конкретного трудового взаимодействия. Данный механизм активизируется в комплексе деятельности преимущественно управляющих среднего уровня или так называемого поддерживающего персонала. Контроль регулируется и направляется на операционном (организационном) уровне средними управляющими в процессе реализации их формальных полномочий. Их деятельность осуществляется во взаимодействии с непосредственными работниками, составом формальных консультантов, техническим и инженерным персоналом организации. На операционном уровне система социального контроля призвана обеспечить четкие и эффективные связи между выработанными и реализуемыми стратегиями организации, определяющимися

на уровне топ-менеджмента, а также непосредственным трудовым поведением работников организации.

Дополняется стратегический (корпоративный) и операционный (организационный) контроль системой местного контроля на рабочем месте. Местный социальный контроль – это контроль конкретной деятельности работников в процессе труда, их трудового поведения в тех или иных конкретных технологических условиях. Контроль на рабочем месте связан с рассмотрением и анализом эффективного выполнения основных операционных процессов, определяющих решение конкретных трудовых задач, проявляется на уровне отдельных рабочих мест как механизм осуществления связей между трудовой деятельностью, результатами труда и потребителями услуг или товарной продукции. Контроль регулируется и направляется на рабочем месте низшим управленческим персоналом в процессе реализации их формальных полномочий.

Можно констатировать, что социальный контроль на организационном (стратегическом, операционном, местном) уровне, прежде всего, ориентирован не только на контроль конкретных операционных действий сотрудников, но и на устранение отклонений и нарушений всех трудовых действий от спланированных и запрограммированных результатов и целей. Субъектами данного контроля являются все сотрудники организации. Конкретизированный социальный контроль является самостоятельным формальным и неформальным механизмом в структуре организационных отношений и обеспечивается через достижение определенного стиля трудовых действий работников, подражание определенным «образцам» трудового взаимодействия работников, соблюдение определенных ограничений в процессе хозяйственной деятельности и трудового взаимодействия.

Третья система социального контроля проявляется в форме самоконтроля акторов трудового взаимодействия организации. Самоконтроль – это личностный социальный контроль. Его осуществляют сами работники. В рамках системы самоконтроля актор «самостоятельно регулирует свое поведение, согласовывая его с общепринятыми нормами. В процессе социализации нормы усваиваются настолько глубоко, что люди, нарушая их, испытывают чувство неловкости или вины»⁶. На данном уровне активизируются практики индивидуального и группового экспериментализма. В процессе экспериментов реализуются попытки трансформировать системы самоконтроля на рабочем месте. Здесь же корректируются и оптимизируются процессы, стратегические и среднесрочные плановые проявления управленческого взаимодействия, обновляется соотношение процессов организационного контроля и самоконтроля на рабочем месте.

Развитие самоконтроля осуществляется в результате целевого роста культурного капитала работников хозяйственной организации. Культурный капитал в современных условиях представляет собой не только культурные компетенции работника в виде знаний, умений, навыков, ценностей, но и компетенции в виде внутренних убеждений человека труда, его социальных норм, поведенческих приоритетов и принципов, морально-нравственных характеристик. Последние определяют стиль социально-трудового взаимодействия, «формальные и неформальные отношения работников при выполнении профессиональной деятельности, разрешении проблем адаптации к изменениям внешней социальной среды и внутренней интеграции»⁷. По сути, культурный человеческий капитал представляет собой широкий комплекс базовых субъективных ценностей, норм, представлений, морально-нравственных характеристик трудовых акторов. Данные характеристики определяют относительно стабильную систему мотивов, внутренних потребностей к самоконтролю в рамках реализации всякого хозяйственного действия. Культурный человеческий капитал актора проявляется на нескольких уровнях: «...уровень трудовых потребностей, провозглашаемые ценности и идеалы трудового поведения индивида (нормы и правила, лежащие в основе обыденных инструментальных принципов, которыми руководствуется индивид); базовые ценности, принципы и представления, лежащие в основе конкретных действий индивида, субъективные правила, нормы, предпочтения его трудового поведения»⁸. Именно данные параметры культурного капитала создают условия формирования мотивационных основ самоконтролирующей деятельности акторов в процессе трудового поведения.

Развитие культурного потенциала, накопление его в форме культурного капитала – это процесс обогащения труда, легализации социального статуса работника, роста самосознания, возрастание потенциала самостоятельного поведенческого регулирования и самоконтроля. Рост культурного капитала осуществляется прежде всего «в форме совершенствования институализированного культурного капитала (прогрессивное обновление норм, представлений, принципов поведения социальных групп)»⁹.

Таким образом, третья, относительно самостоятельная, система социального контроля – самоконтроль (личностный контроль) акторов трудового взаимодействия организации. Данная система является завершающим децентрализованным звеном социального контроля организации. Она предусматривает самостоятельное осуществление контроля работником собствен-

ных трудовых действий, а также деятельности других тружеников. Самоконтроль предполагает, что актор соотносит свои действия с официально принятыми нормами организационного поведения. Самоконтроль является результатом развития и накопления культурного капитала работников организации. В результате накопления культурного капитала организационные нормы (как рациональные предписания) фиксируются и укореняются в сознании человека труда, что позволяет понижать импульсивность трудового поведения, формировать умение владеть собственной волей, властвовать над социально негативными желаниями и привычками труженика.

Современный социальный контроль хозяйственной организации представляет собой, с одной стороны, ряд системных форм на макро- (общий контроль), микро- (конкретизированный контроль) и индивидуальном (личностный самоконтроль) уровнях. С другой стороны, социальный контроль проявляется в ряде системных механизмов фиксации социальных норм, принципов, санкций, самоконтролирующих функций. Помимо этого, социальный контроль определяет возможности социального взаимодействия организации с внешней социальной средой, внутренние социальные взаимодействия работников, отдельных трудовых коллективов и конкретных тружеников.

Примечания

- 1 См.: Бергер П. Л. Приглашение в социологию : Гуманистическая перспектива. СПб. : Питер, 2000. С. 73–76.
- 2 Добреньков В. И., Кравченко А. И. Социальный контроль // Социология : в 3 т. Т. 3. Социальные институты и процессы. М. : ИНФРА-М, 2000. С. 189.
- 3 Thompson J. D. Organization in Action. N. Y. : McGraw-Hill, 1967. P. 12.
- 4 Мангушева Т. С. Социальный контроль организации в условиях становления гражданского общества // Вестн. Сарат. госагроун-та. 2006. № 3, вып. 2. С. 89.
- 5 См.: Thompson J. D. Op. cit. P. 12.
- 6 Добреньков В. И., Кравченко А. И. Указ. соч. С. 183.
- 7 Баландина Т., Быченко Ю. Совершенствование организационной культуры на российских предприятиях // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 10. С. 80.
- 8 Быченко Ю. Г. Механизм инновационного развития человеческого потенциала в условиях модернизации социально-экономической системы России. Саратов : СГАУ, 2009. С. 41.
- 9 Самарина И. С. Особенности формирования культурного капитала студенческой молодежи // Вестн. Поволж. акад. гос. службы им. П. А. Столыпина. 2009. № 2 (19). С. 149.

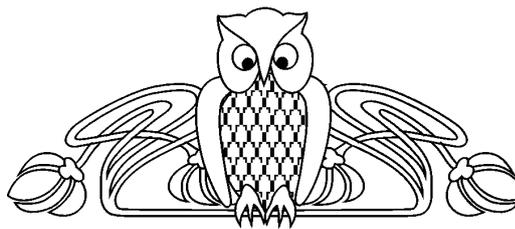

УДК 316.485.26

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

И. В. Воронин

Саратовский государственный университет
E-mail: voroninigor@gmail.com

Статья посвящена изучению в отечественной социологии характерных особенностей социальной базы терроризма в России. Внимание уделяется интерпретации понятия «социальная база терроризма», исследуются его различные элементы. В статье изучается влияние незавершенной модернизации и системных кризисов на появление террористической активности в обществе. Рассмотрен корыстный мотив как фактор террористической деятельности. Также внимание уделено научному анализу вовлечения в террористическую деятельность членов различных социальных групп.

Ключевые слова: терроризм, социальная база, социальная страта, несправедливость, модернизация, системный кризис, корыстный мотив, социальные связи.

Features of the Social Base of Terrorism in Russia

I. V. Voronin

Article is devoted to studying in domestic sociology of characteristics of a social base of terrorism in Russia. The attention is paid to interpretation of concept of a social base of terrorism; various elements of this category are investigated. In article, influence of incomplete modernization and system crises on emergence of terrorist activity in society is studied. The mercenary motive as a factor of terrorist activity is considered. Also the attention is paid to the scientific analysis of involvement in terrorist activity of members of various social groups.

Key words: terrorism, social base, social level, injustice, modernization, system crisis, mercenary motive, social communications.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-56-58

В последние годы для отечественной социологической науки особый интерес представляет изучение современного терроризма и его особенностей, что обусловлено фактическим увеличением террористической угрозы в разных регионах мира и в России. Важным предметом исследования является социальная база терроризма, познание которой открывает причины появления и распространения современного терроризма, а также вовлечения индивидов в террористическую деятельность.

Перед началом рассмотрения социальной базы терроризма необходимо дать определение данной категории, выяснить то, что мы будем изучать.

Во-первых, данное понятие включает в себя географическую составляющую, т. е. разные мировые регионы, отдельные государства и регионы внутри государств с наиболее террогенной ситуацией, наличием повышенной террористической угрозы. Соответственно, здесь нас будут интересовать регионы России.

Во-вторых, под социальной базой мы подразумеваем специфические общественные отношения, складывающиеся в силу определенных причин и предпосылок, создающие в обществе практику реализации политического насилия как способа воздействия на общество через официальную власть или различного рода организации (к примеру международные или общественно-политические).

В-третьих, под социальной базой терроризма мы подразумеваем состав членов отдельных социальных страт с определенным набором социальных качеств. Здесь нас будут интересовать последние два аспекта социальной базы.

Рассмотрим основные социально-экономические причины терроризма. Одним из важнейших факторов появления терроризма является бедность. В условиях нищеты и безысходности, фрустрации, отсутствия перспектив, депривации и отчаяния некоторые члены общества выбирают криминальный способ решения своих жизненных проблем и террористический способ как его крайнюю меру. Помимо бедности одним из основных факторов можно выделить социальное неравенство. В условиях социальной дифференциации в России, где децильный коэффициент составляет 15,8¹, в то время как в Дании, Финляндии и Швеции – только 3–4 (как известно, чем выше такой коэффициент, тем серьезнее «фундамент» для радикальных настроений в обществе), в обществе создается почва для выражения своего недовольства, в том числе в формах проявлений крайнего экстремизма. В основе своей террористические настроения порождены не только, вернее, не столько социальной дифференциацией, неравенством как таковым, сколько социальной несправедливостью. Отсюда вытекает следующее звено в причинно-следственной взаимосвязи условий возникновения и существования терроризма – недовольство такой несправедливостью. Наименее привилегированные социальные группы недовольны способом распределения социальных благ в обществе между наиболее обеспеченными и наименее обеспеченными социальными слоями. Возникающее ощущение грубо выраженной, возмутительной несправедливости часто порождает недовольство и желание изменить сложившуюся ситуацию, однако при отсутствии возможности на практике повлиять на сложившийся порядок законными средствами зачастую приводит к

стремлению применить незаконное насилие как способ воздействия на власть и общество.

Следующий аспект изучения терроризма в отечественной науке – влияние государственных реформ и модернизации на появление террористической активности в обществе. Многими учеными отмечена историко-социологическая взаимосвязь между проводимыми в государстве преобразованиями социально-политического и экономического характера. В истории Российского государства наглядно появление террористической угрозы в период политической нестабильности, незавершенных процессов, при наличии нерешенных проблем социального и международного характера, а также ослабления государственно-политической системы управления². Подобная тенденция была описана в 90-х гг. XX в. Н. Д. Литвиновым, отметившим, что деятельность подготовленного организационного ядра революционно-террористического движения дореволюционной России активизировалась тогда, когда российская государственная власть пыталась проводить экономические реформы³. В свою очередь, государственная власть, как отмечает в своем исследовании О. В. Будницкий, пыталась пойти на сближение с обществом именно тогда, когда деятельность радикалов усиливалась. Во время ослабления натиска попытки довести реформы до конца были менее всего выражены⁴.

Одной из главных предпосылок появления терроризма является системный кризис в обществе⁵ (для рассмотрения можно взять, к примеру, СССР). В периоды незавершенных реформ, модернизаций, индустриализаций, урбанизаций, смены этнодемографической структуры общества, национально-государственного строительства в условиях борьбы центрального правительственного аппарата с национальным сепаратизмом практически всегда проявляется кризис идентичности как следствие проблемы социальной и культурной самоидентификации личности. Вместе с тем подобные этапы в развитии государства создают предпосылки к активации традиционализма в обществе, вызванного повышенной заинтересованностью людей, которые на себе испытывают депрессии и фрустрации по отношению к историческим традициям. Завершенный традиционализм – базовая предпосылка, приводящая к фундаментализму, являющемуся его логическим следствием.

Указанные процессы, как известно, – лишь предпосылки для терроризма, тогда как становление его как метода политического воздействия является намеренным действием определенных социальных групп и их отдельных представителей⁶. Однако существует интересный исследовательский факт в истории отечественной научной мысли, свидетельствующий, в свою очередь, о субъективном характере появления террористической угрозы в предреволюционной России. О. В. Будницкий пишет о том, что в целях борьбы с терроризмом Российское государство прекратило

некоторые программы государственного развития (военные, образовательные и законодательные), тем самым вставая на пути собственного прогресса и на пути саморазрушения, внося собственный вклад в деятельность революционеров⁷.

Достоинством внимания то, что, по мнению Будницкого, терроризм не всегда влиял негативно на проведение подобных преобразований: «Так, реформы 1905 года были даны, по точному выражению Р. Пайпса, под дулом пистолета. Ранее “диктатура сердца” и конституционные поспешения начались после взрыва, осуществленного народолюбцами в Зимнем дворце»⁸.

В отечественной социологии недостаточно изученным предметом исследования является корыстный мотив как фактор террористической деятельности. Однако даже при нескольких поверхах рассмотрении данной темы становится понятно, что стремление человека обогатиться, получить материальное вознаграждение за совершение преступления террористического характера является далеко не последним, а зачастую и определяющим. Для анализа приведем здесь данные из известных источников российских ученых. В своей подробной работе Н. Д. Литвинов пишет, что, анализируя информацию о формировании революционных партий по свержению самодержавия и террористических организаций на Северном Кавказе, можно сделать логический вывод о том, что криминально-эгоистический мотив (автор называет его «собственный интерес»), связанный с получением денег или другого материального вознаграждения, является для многих преимущественным, едва ли не самым распространенным для вступления в террор⁹.

К примеру, во время Чеченской кампании каждому новоявленному ваххабиту выплачивали по три тысячи рублей, а далее, при наличии высокой исполнительской дисциплины, могли бесплатно выделить легковую машину. В свою очередь, в Кабардино-Балкарской Республике тем муллам, которые приняли ваххабизм, выдавали единовременное пособие, которое составляло 1000–1500 долл., а затем выплачивали ежемесячное жалование в размере 100–150 долл., вербовщики же получали от 50 до 100 долл.

Как было сказано выше, «денежный фактор» использовался и в революционно-террористических движениях XIX–XX вв. Н. В. Клеточников был завербован народолюбцем А. Д. Михайловым, в частности, за обещание денежной платы.

По указанной теме пишет, в свою очередь, О. В. Будницкий, ссылаясь на труды М. И. Леонова, И. М. Пушкаревой, воспоминания Б. Савинкова и А. В. Герасимова, упоминая о том, что российские революционеры получали как моральную, так и довольно значительную материальную поддержку. В середине первого десятилетия XX в. в кассу центрального комитета социалистов-революционеров со всех сторон деньги притекали в огромных размерах¹⁰.

В ситуации постсоветской России для последних десятилетий характерно то, что существует большое количество лиц, способствующих или соучаствующих так или иначе в террористической деятельности. Однако многие из них по своей идеологии с террором не связаны¹¹. Материальный мотив является в таком случае преобладающим для соучастия в терроризме, а соучастие в терактах считается способом заработка и социальной адаптации. По мнению И. К. Джерелиевской, это дает нам понимание того, что, помимо факта бедности, стоит обратить внимание и на то, что наличие легитимных способов преодоления бедности крайне ограничено.

Также одним из важных аспектов социальной базы терроризма является, как сказано выше, научный анализ вовлечения в террористическую деятельность членов различных социальных групп, которым свойственны определенные наборы социальных качеств. Указанные индивиды представляют кадровый потенциал, источник пополнения террористических организаций новыми участниками.

Изучение данного вопроса, надо учесть, является делом достаточно сложным и трудоемким. Рассмотрим, почему сложилась подобная ситуация.

Результатом множества исследований отечественных и зарубежных ученых является получение достоверного заключения о том, что предписание особого свойства террористического мышления и действия не может быть закреплено за узко определяемыми социальными стратами. Важно то, что, признавая членов отдельных социальных групп единственно определяемыми в роли потенциального источника террористической угрозы в обществе, мы попадаем в своего рода методологическую ловушку. Как стало известно, во многих странах и регионах мира методом воздействия на власть и общество террор в разной степени выбирают и бедные, и представители среднего класса, и богатые. В истории Российского государства в террористической деятельности участвовали люди с низким уровнем образования, но также и высокообразованные представители общества, интеллигенция.

Существенным является не абсолютный показатель материального благосостояния того или иного индивида, его социальное положение, а наличие сформировавшихся четких социальных связей, которые способствуют сглаживанию жестких протестных настроений, выливающих в конечном счете в террористическое насилие. Человек, которому «нечего терять», более подвержен вовлечению в различного рода девиантные действия, в том числе террористические.

Если мы говорим о том, что явно выраженной зависимости между бедностью и участием в террористической деятельности нет, то надо учесть и то, что исполнители терактов рекрутируются в основном из социальных групп, кото-

рые напрямую были подвержены влиянию голода и нищеты¹².

Осмелимся здесь предположить, что сущность состоит лишь в том, как влияет социальное положение на последующие функции, которые будет выполнять член той или иной социальной группы, исполнение каких ролей будет на него возложено при вовлечении в террористическую организацию. Исследованию этой сущности и необходимо посвятить дальнейшее изучение объекта нашего исследования.

Таким образом, некоторыми из рассмотренных нами особенностей социальной базы терроризма являются увеличивающаяся социальная дифференциация, а также сопутствующее ей ощущение индивидами острой социальной несправедливости, вызывающей крайнее недовольство, разрешение которого ущемляемые члены общества видят в применении террористического насилия как способа изменения сложившейся ситуации. Нами была отмечена историко-социологическая взаимосвязь между системными кризисами в обществе, наличием незавершенных социальных преобразований государственного уровня, модернизаций и появлением терроризма. Была сделана попытка исследования корыстного, криминально-эгоистического мотива в системе социальных причин терроризма, а также уделено внимание гипотезе о наличии связи принадлежности индивида к определенной социальной группе с его последующим вовлечением в террористическую деятельность.

Примечания

- 1 См.: Чудина Т. О средней зарплате и децильном коэффициенте // Практический маркетинг. 2013. № 12 (202). URL: http://www.bci-marketing.ru/pm13_12/pm13_12_32.pdf (дата обращения: 29.03.2014).
- 2 См.: Феофанов К. А. Цивилизационные истоки международного терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 5. С. 53.
- 3 См.: Литвинов Н. Д. Террористические организации : формирование и деятельность (политико-правовой анализ). М. ; Воронеж : ВИ МВД России, 2011. С. 5.
- 4 См.: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2000. С. 24.
- 5 См.: Паин Э. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 115.
- 6 Там же. С. 116.
- 7 См.: Будницкий О. В. Указ. соч. С. 23–24.
- 8 Там же.
- 9 См.: Литвинов Н. Д. Указ. соч. С. 74.
- 10 См.: Будницкий О. В. Указ. соч. С. 349–350.
- 11 См.: Джерелиевская И. К. Социокультурная политика в зеркале борьбы с терроризмом // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 6. С. 111.
- 12 См.: Требин М. П. Терроризм в XXI веке. Минск : Харвест, 2003. С. 79.

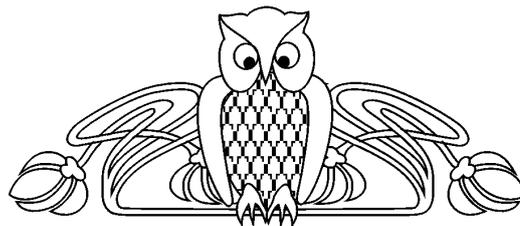

УДК 316+929

СОЦИОСТРУКТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА

А. А. Завгородный

Саратовский государственный университет
E-mail: zav88@mail.ru

В статье осуществляется теоретический анализ генезиса социального идеала. Автор доказывает, что социальный идеал обуславливается типом социальности и выступает в двух модифицированных формах: социальный идеал общинного типа и общественный идеал. Общественный идеал как особая форма представлений о совершенном устройстве общества появляется только в условиях современности и связан с актуализацией основного социального противоречия «личность и общество». В идеологическом дискурсе мы наблюдаем два пути разрешения этого противоречия: либеральное и социалистическое.

Ключевые слова: социальный идеал, тип социальности, община, общество, либерализм, социализм.

Social Ideal's Social-structural Determinations

A. A. Zavgorodnyi

In article the theoretical analysis of genesis of a social ideal is carried out. The author proves that the social ideal is caused by type of a sociality and acts in two modified forms: social ideal of communal type and public ideal. The public ideal as a special form of ideas of a perfect society organization appears only in the conditions of modern society and is connected with actualization of the main social contradiction «personality and society». In an ideological discourse we observe two ways of permission of this contradiction: liberal and socialist.

Key words: social ideal, sociality type, community, society, liberalism, socialism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-59-61

Хотя по мнению М. И. Туган-Барановского, история общественной мысли начинается с социализма и... заканчивается социализмом¹, достаточно часто в последнее время высказываются возражения против не только обсуждения проблематики социалистических общественных идеалов, но даже и теоретической разработки общественного идеала вообще. Считается, что время отвлеченных мечтаний об идеальном устройстве общества ушло в прошлое. Сегодня следует жить не столько идеалами, сколько интересами. Это положение предлагает отказаться от перспективного видения и сосредоточиться на повседневном.

Появление подобного рода суждений вряд ли случайно. Современное общество, завершающее проект Модерна, который выступал именно как проект, ориентированный на перспективу, в качестве идеала выдвигало автономного индивида. Но автономность индивида так и не

дала «на выходе» совершенства общественного устройства. В этой ситуации возможны два выхода: или отказ от поиска и определения общественного идеала и переключение общественной активности на прагматику и утилитарность, или продолжение и развитие теории общественного идеала. История показывает, что в основном востребован второй вариант. Люди не могут жить без ценностного целеполагания, всегда стремятся к большему совершенству. В условиях сложившейся устойчивой мировой нестабильности, конкуренции государств и цивилизаций стало ясно, что представление о ненужности государственной идеологии и общественных идеалов оказалось неверным. Наоборот, они крайне нужны, ибо являются способом самозащиты общества от разрушающих и противодействующих ему сил. Для России поиск новой системы идеалов витально важен, так как речь идет о ее выживании, о формах и способах сохранения себя как самостоятельной культуры².

Общественный идеал – это особый тип представлений, которые возникают в ситуации скрытого или открытого недовольства существующим положением вещей в наличествующем обществе. Это означает, что только недовольство, относящееся к обществу в целом, продуцирует общественный идеал. Недовольство, относящееся к другим уровням – индивидуальному, групповому, общинному, не продуцирует, соответственно, общественный идеал. Но индивиды, группы, общины вполне могут быть носителями общественного идеала. В то же время представления о совершенном общественном устройстве могут оставаться лишь феноменами сознания, но не быть общественным идеалом. Чтобы стать общественным идеалом, представления о совершенном должны перестать быть только представлениями и приобрести форму цели, которая интерпретируется на конкретном социальном уровне как абсолютная, жизнеопределяющая, смысловая ценность. Следовательно, идеал выступает как долженствование, в основе которого предполагается некое сущее.

Социологическая традиция, типологизируя исторические формы социальности, оперирует понятиями архаического, традиционного и современного общества. Современная социология вводит в этот операционный ряд концепт постмодернистского общества в различных редакци-

ях. Типологическая характеристика общества, основание которой составляют параметры главных сфер общественной жизни, не может не учитывать духовной компоненты. Специфики духовности проецируются на ценностную систему, ядром которой и выступает общественный идеал. В исторической конкретике можно говорить об идеалах архаики, традиционного социума, современного общества и постсовременного. Но предварительно необходимо сделать уточнение. Социологический фокус рассмотрения проблемы общественного идеала предполагает решение как минимум ряда вопросов. Остановимся на одном, но фундаментальном – какой тип социальности востребует и продуцирует общественный идеал как особую форму?

Начиная с Э. Дюркгейма и Ф. Тённиса, с их идеями органической и механической солидарности общинный и общественный тип социальности приобретает свое качественное содержание³. Можно высказать предположение, что общинные и общественные формы социальности по своей природе обладают различной потенциальной способностью к продуцированию идеальных представлений социального устройства. Сам тип социальности определяет предел духовности и предел идеальных форм, в том или ином случае она детерминирована общинностью или обществом. Общинный тип социальности в своей конкретике несет общинное сущее, которое в общинном идеале выступает как должное. Но это общинное должное. Только в социальной реальности, организованной в общество, гипотетически возможно появление общественных идеалов. Расширенная интерпретация понятия «общество», определяющая все исторические формы социальности посредством категории общества, в данном случае не приемлема. Общество как социоструктурная целостность, как тип социальности представлено современностью. До современности социоструктурная целостность социальности определяется через общинность. По существу, это означает, что разговор об общественном идеале может идти лишь применительно к современности. Социальной силой, обеспечившей переход к современности, как известно, выступило третье сословие, но не все, а его буржуазная часть. Парадоксально, но буржуазное сословие, будучи сословием, должно в рамках формальной логики форматировать сословный социальный идеал, общинный по своей природе и характеру, но в действительности эта часть третьего сословия, разрушая общинность, предъявляет социуму уже принципиально иной общественный идеал. Европейский общественный идеал Модерна это революционно преобразованный сословный буржуазный идеал. В рамках гегелевской триады выступавшие в качестве тезы сословные идеалы первого и второго сословий столкнулись с антитезой сословного идеала третьего сословия, а революция обе-

спечила их синтез. Каков же реальный продукт этого синтеза? Буржуазный идеал, берущий свое начало и основание еще с идей Возрождения и Просвещения, – это идеал индивидуализма, хотя и хорошо декорированный ценностями абстрактного христианского гуманизма и гармонично развитой личности. Предложение своего сословного идеала в качестве общественного и приобретение последним этого качества может происходить лишь при условии, что предложенный идеал отвечает интересам всех или основных социальных групп и принимается ими в качестве цели. Идеал третьего сословия и события Великой французской революции это наглядно продемонстрировали.

Учитывая, что сословно организованный социум не способен продуцировать идеал в его общественном формате, рождение общественного идеала необходимо связывать с общественно организованной социальностью. Общинность сословной социальности связана с неспособностью индивидов автономно противостоять внешней среде. Соответственно, в условиях общинной социальности противоречия индивида и целого не актуализированы. Общество – это и есть социальная форма, в основании которой лежит актуализированное противоречие между индивидом и целым. Таким образом, само общество может быть рассмотрено как состояние, процесс развития и разрешение исторически актуализированного противоречия, которое прежде, в условиях общинности, не было актуализированным и только в новых условиях приобретает форму «общества».

Обществоведческая рефлексия на протяжении веков, намечая путь разрешения общественного противоречия, породила две центральные идеи: либерализм и социализм, абсолютизируя тот или иной приоритет в режиме «или – или». Отмечая эту ситуацию, Н. Бердяев писал: «Вся Россия, все человечество делятся на два непримиримых мира, два царства – царство зла, тьмы, дьявола – буржуазное царство и царство божеское, добра, света – царство социалистическое»⁴. Уже с древнейших времен прослеживаются идеи социализма, однако теоретическое обоснование и идеологическое оформление они получили значительно позже. Первые попытки очертить идеал этого общественного устройства предпринимались еще Платоном, мыслителями Нового времени Т. Мором и Т. Кампанеллой, а в конце XVIII – начале XIX в. – так называемыми утопическими социалистами Сен-Симоном, Фурье и Оуэном. В середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс дали теоретическое обоснование социализма, связав его осуществление с процессом исторического становления более отдаленного общества «всеобщего изобилия» – коммунизма. Социалистический идеал как проблема общегуманитарной рефлексии, таким образом, имеет свою традицию. Продолжающиеся поиски его

содержательного определения и наполнения не прекращаются и сегодня.

Либеральная традиция не менее глубоко погружена в прошлое. Либерализм ассоциируется с такими привычными для современного общественно-политического лексикона понятиями и категориями, как: идея самоценности отдельно взятой личности и ее ответственности за свои действия; идея частной собственности как необходимого условия индивидуальной свободы; принципы свободного рынка, свободной конкуренции и свободного предпринимательства; принцип равенства возможностей; система разделения властей, сдержек и противовесов; идея правого государства с принципами равенства всех граждан перед законом; гарантия основных прав и свобод личности (свободы совести, слова, собраний, создания ассоциаций и партий); всеобщее избирательное право и т. д.⁵ При всей своей многовариантности либерализм имеет общие истоки и определенный комплекс концепций, идей, принципов и идеалов, в совокупности делающих его особым типом общественно-политической мысли. Своими корнями либеральное мировоззрение восходит к Ренессансу, Реформации, ньютоновской научной революции. У его истоков стояли такие личности, как Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, И. Кант, А. Смит, В. Гумбольдт, Т. Джефферсон, Дж. Медисон, Б. Констан, А. де Токвиль и др.⁶

Тенденция рассмотрения исторического будущего как области, где разрешатся все пробле-

мы человечества и будет осуществлен социальный идеал, зародилась в глубокой древности и во все времена в разных вариантах играла значительную роль в мировосприятии различных обществ. Но это рассмотрение более продуктивно с учетом того типа социальности, которое исторически и культурно представлено. Исследование истории данного феномена и его теоретическое осмысление могут помочь по-новому взглянуть на процессы, происходящие в современном российском общественном сознании и обществе в целом.

Примечания

- ¹ См.: *Туган-Барановский М. И.* К лучшему будущему. М.: РОССПЭН, 1996.
- ² См.: *Амелина Е. М.* Гуманизм и проблема общественного идеала в русской философии XX века. URL: <http://eccosman.hse.ru/data/759/725/1217/008Amelina.pdf> (дата обращения: 20.08.2015).
- ³ См.: *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 348; *Тённис Ф.* Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002.
- ⁴ *Бердяев Н.* О буржуазности и социализме. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn030.htm> (дата обращения: 20.08.2015).
- ⁵ См.: *Гаджиев К. С.* Либерализм: История и современность // Новая и новейшая история 1995. № 6. С. 15–31.
- ⁶ Там же.

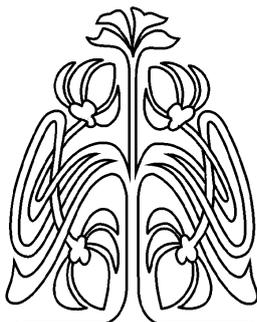
ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.019.51+ 355.01

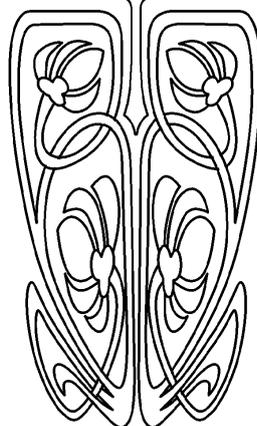
КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И ЕЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В статье рассмотрены основные направления либеральной критики исторической памяти о Великой Отечественной войне в современной России, ее официальной трактовки и использования в политических целях. Представленный в статье материал позволил констатировать, что альтернативное понимание изучения истории Великой Отечественной войны, ориентированное преимущественно на выявление ее негативных сторон, объективно нацелено на дискредитацию советского наследия, разрыв преемственности поколений и делегитимацию действующей политической системы современной России. Сделан вывод о том, что историческая память о Великой Отечественной войне – это действительно память скорби о жертвах и запредельных тяготах войны, но при этом она не должна заслонять памяти о Великой Победе как торжестве спасения российских народов от самой страшной угрозы в истории нашей страны и всего человечества.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, либеральная критика официальной трактовки Великой Отечественной войны, политические последствия негативной трактовки Великой Отечественной войны.

Critique of the Great Patriotic War Historical Memory and Its Potential Political Consequences

A. A. Vilkov

The main branches of the liberal critique of the Great Patriotic War historical memory in contemporary Russia, its official interpretation and usage for political purposes are considered in this article. The material presented in the paper allows concluding that alternative comprehension of the Great Patriotic War history, which is oriented primarily to revelation of its negative sides, objectively aims at discretization of the Soviet heritage, severance of intergenerational continuity, and delegitimizing of the current political system of modern Russia. The author draws a conclusion that the Great Patriotic War historical memory is indeed the memory of sorrow over the war victims and egregious severities. But, at the same time, it should not shut out the memory of the Great Victory as a triumph of Russian peoples' salvation from the most evil threat in the history of our country and the whole world.

Key words: historical memory, Great Patriotic War, liberal critique of the Great Patriotic War official interpretation, political consequences of the Great Patriotic War negative interpretation.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-62-68

Проблема исторической памяти о тех или иных событиях в жизни разных народов постоянно является предметом острой борьбы различных политических сил внутри стран, а также со стороны их конкурентов на международной арене. Не случайно, что в годы перестройки на русском языке был издан труд французского историка Люсьена Февра, который так и назывался – «Бои за историю»¹. Главный смысл критического подхода автора состоял в том, чтобы обосновать необходимость отхода от поверхностного и политизированного изучения сложного, противоречивого и многомерного процесса развития конкретных стран в конкретные исторические периоды. Но особенно усиливается борьба по поводу знаковых исторических событий в

периоды международных кризисов и обострения отношений между странами, тесно связанными в своем историческом развитии. Особую опасность ей придает стремление политиков апеллировать к одним и тем же важнейшим событиям мировой истории на основе их собственной интерпретации.

История Великой Отечественной войны в советский период была предметом законной гордости большинства народов СССР, с честью выдержавших и переживших это тяжелейшее испытание. Право гордиться решающим вкладом СССР в дело освобождения человечества от самой страшной «коричневой чумы» XX столетия было завоевано невероятными усилиями, потом и кровью, гибелью и покалеченными судьбами десятков миллионов советских граждан, разрушенными городами и селами, которые пришлось восстанавливать в послевоенный период. Память об этой войне на несколько поколений стала определяющим фактором формирования патриотизма и гордости за свою страну и свою историю.

Однако уже в период перестройки и гласности события Великой Отечественной войны стали одним из тех направлений, по которым началось раскрытие «белых пятен» истории страны. Они включали как работы профессиональных историков, так и работы публицистов, воодушевленных массовым интересом к данным проблемам. Часть из них действительно содержали новые архивные документы и материалы, позволяющие более всесторонне и глубоко понять и осмыслить различные события войны, но значительная часть носила откровенно политизированный характер. Именно в это время появились первые публикации о «бессмысленности» многомиллионных жертв в ходе «бездарных» военных операций, а также публикации с «разоблачениями мифов» о Зое Космодемьянской, Александре Матросове, героях-панфиловцах и т. д.

Впоследствии были публикации перебежчика В. Суворова-Резуна, которые перекладывали ответственность за развязывание Великой Отечественной войны на СССР, работы, оправдывающие предательство генерала Власова и его армии, и многие другие. В результате в годы пустых прилавков появились первые признаки искажения и «коррозии» коллективной исторической памяти, когда в ход пошли кощунственные анекдоты о том, что «если бы проиграли войну – сейчас пили бы баварское пиво»². О том, что по плану Ост от славянских народов должна была остаться только четверть населения, а остальные подлежали физическому уничтожению, в период перестройки напоминать было не модно, поскольку это расценивалось как официальная трактовка. Вместе с другими направлениями «гласности» публикации с «разоблачением» истории войны стали одним из важнейших факторов делегитимации советского строя и всей его

истории, что оказалось немаловажным фактором разрушения СССР и сопутствующих кровавым конфликтам на постсоветском пространстве.

В постсоветский период дискуссии по различным вопросам истории Великой Отечественной войны и функциональность исторической памяти особенно актуализировались в период юбилейных дат. Не случайно, что к 60-летию Великой Победы пролиберальный журнал «Неприкосновенный запас» выпустил номер, почти полностью посвященный данной проблематике. В нем были опубликованы статьи многих известных западноевропейских историков, социологов и политологов (Т. Адорно, М. Феретти, М. Хальбвакса, И. Хёслера, А. Лангенюля и др.), а также представителей отечественной науки и специалистов постсоветского пространства. В них изложен интересный взгляд на соотношения коллективной и исторической памяти, на тенденции интернационализации памяти о Второй мировой войне, воспоминания об оккупации и Холокосте и т. д.

Среди публикаций отечественных исследователей в журнале знаковой стала статья известного социолога Л. Д. Гудкова. Он констатировал, что российское общество «миновало период критической переоценки своего прошлого, в том числе – и военного, оставив в стороне дискуссии о “цене” победы, оценку предвоенной и послевоенной политики. <...> Воспоминания о войне нужны в первую очередь для легитимации централизованного и репрессивного социального порядка, они встраиваются в общий порядок посттоталитарной традиционализации культуры в обществе, не справившемся с вызовами вестернизации и модернизации, общества, не выдержавшего напряжения начавшихся социальных изменений»³. Однако автор, констатируя свое разочарование провалом либерального критического переосмысления исторического прошлого страны, оставляет без оценки тот факт, что именно оно стало одним из важнейших факторов социальной аномии в 1990-е гг. Приведенный самим Л. Гудковым результат соцопроса 1996 г. свидетельствует, что на вопрос: «Что у вас лично вызывает наибольшую гордость в нашей истории?» победу в Великой Отечественной войне выбрали только 44% опрошенных, причем это была самая большая группа ответов. В 2003 г. таких было уже 87%. «Больше сегодня гордиться нечем – распад СССР и неудача реформ в постсоветское время, заметное ослабление массовых надежд и исчезновение перестроечных иллюзий стали содержанием травматического опыта национальной несостоятельности»⁴. Эта жесткая оценка не сопровождается ни сочувствием, ни сопереживанием, ни попыткой разобраться в ответственности за данную травму, нанесенную целому народу. Обвинительный акцент в отношении российского народа прослеживается красной строкой на протяжении

всей статьи. Например, автор обозначает болевые точки российского массового сознания как «остаточные радикалы закрытого, параноидального мобилизационного милитаристского общества, в котором власть поддерживает ненависть своих граждан к внутренним и внешним врагам, культивирует образ врага и страх перед ним, делающие необходимой саму власть»⁵. Подтекстом выступает разочарование – «народ российским либералам достался плохой» – уж как они стараются лишить россиян последней гордости для коллективного национального самоутверждения, а те никак не поддаются. К 70-летнему юбилею Великой Победы позиция автора ничуть не изменилась. Более того, одна из претензий автора к действующей власти и российскому обществу, высказанная в интервью агентству «Лента.ру», состоит в том, что «война и победа становятся предметом патриотического воспитания»⁶.

Можно было бы разделить весь пафос и негодование Л. Д. Гудкова и других подобных ему критиков недостаточного внимания российских историков и общественности к потерям, к трудностям военного быта, к просчетам государственного, партийного и военного руководства, если бы за данной критикой не просматривался очень четко ее делегитимационный смысл. Критика действующего политического режима за его внимание к патриотическому воспитанию предполагает своей целью полный разрыв в массовом сознании с советским, заодно и дореволюционным имперским прошлым, и соответствующую полную социальную и национальную аномию. Вопрос о том, к какому краху это может привести, с учетом исторического опыта февраля 1917 г., опыта перестройки, того, что либеральная модель в том виде, в котором она была реализована в России в 1990-е гг., была дискредитирована в массовом сознании, российские либералы даже не ставят. Их критика напоминает старый анекдот о двух обезьянах, разбирающих атомную бомбу: «рванет или не рванет? – ничего у меня в запасе еще одна есть». Нет сегодня у российских либералов ничего в запасе, свой исторический лимит доверия они исчерпали. Никакой стабильной демократической альтернативы развития России на основе разрушения легитимационной и идентификационной функциональности исторической памяти о Великой Отечественной войне не существует. Акцент на репрессиях, выселениях, жертвах, на ошибках руководства эту позитивную функциональность заменить не сможет. Он способен привести лишь к раздраю и смятению в обществе и к идентификационному вакууму. Но общество, как и природа, не терпит пустоты. Лишение народов исторического смысла своего существования и национальной гордости, социально-психологическая ущербность в восприятии своего государства и его истории закономерно заменяются этнической идентичностью, которая в полиэтничной и поликонфес-

сиональной России неизбежно приведет к росту национализма и этнонационализма, к обострению взаимных претензий и соответствующих конфликтов.

Не случайно, что после разрушения СССР на постсоветском пространстве память о совместной победе в Великой Отечественной войне достаточно длительное время по инерции была тем стержнем, который продолжал духовно скреплять народы бывших советских республик. Много оставалось живых свидетелей, велика была гордость за вклад в общую победу. Но во многих новообразованных государствах легитимацию своего суверенитета национальные политические элиты начали в том числе с ревизии характеристик и результатов Великой Отечественной войны.

Прибалтийские государства реабилитировали своих национальных союзников фашистской Германии, возвели ветеранов – пособников Гитлера – в ранг героев как участников сопротивления «советской оккупации». Например, ежегодно в марте проводится шествие бывших латышских легионеров и их сторонников-радикалов к памятнику Свободы, организованное обществом ветеранов латышского легиона Waffen SS «Даугавские ястребы в Латвии». Украина в период правления В. Ющенко реабилитировала и героизировала фашистского соратника С. Бандеру и возглавляемое им движение ОУН-УПА. Ему возводятся памятники, в его честь переименовывают улицы и площади Киева и других городов Украины.

Не отставали от них и российские «разоблачители». Квинтэссенцию разоблачений «мифов» о Великой Отечественной войне сконцентрировал В. Батшев, начав с 28 панфиловцев и других «в том же роде: повешенная немцами психически больная школьница Зоя Космодемьянская, которую трусливые мужчины из чекистской банды Судоплатова послали совершить поджог в оккупированном селе; “бросившийся на амбразуру” боец штрафного батальона, уголовник Александр Матросов, юношеская организация “Молодая гвардия” в Краснодаре, свирепо разгромленная немцами за ... хищения, воровство и прочую уголовщину»⁷.

Дело даже не в отсутствии серьезных доказательств по поводу так называемых «разоблачений», а в той политизированной установке, которой автор руководствуется в своей интерпретации событий Великой Отечественной войны. По его логике, разоблачения мифов свидетельствуют о главном: «Странный у нас получается клубок. Не правда ли, читатели? Сплошной узел, карательной машины советской страны, психически неполноценных людей (не забудем, что и Сталин, по утверждению академика Бехтерева, страдал паранойей), писатель, школьница...»⁸

Как представляется, в этом и состоит принципиальная разница между теми профессио-

нальными историками и ответственными публицистами, которые руководствуются стремлением восстановить историческую справедливость в отношении тех или иных забытых событиях Великой Отечественной войны или незаслуженно обойденных ее героев и теми, кто использует неточности, недостаток информации о тех или иных событиях для дискредитации не только политической системы СССР, но и для ослабления позитивного потенциала исторической памяти населения современной России. Этот потенциал продолжает иметь большое значение для выполнения важнейших социальных задач по формированию единой политической идентичности россиян, по воспитанию патриотизма подрастающего поколения, по обеспечению неразрывности исторических традиций, по обоснованию связи между поколениями, по обоснованию преемственности политического развития России.

Речь идет не просто об ослаблении потенциала исторической памяти за счет забвения героических событий Великой Отечественной войны, но и о прямых фальсификациях. В некоторых случаях к ним прибегают официальные лица для подкрепления своих антироссийских политических позиций. Так, премьер-министр Украины А. Яценюк, находясь с официальным визитом в Германии, заявил в вечерней программе немецкого канала ARD: «Мы все хорошо помним вторжение советских войск на территорию Украины и Германии. Этого необходимо избежать. Никто не вправе переписывать итоги Второй мировой войны, что старается сделать российский президент господин Путин»⁹. Как представляется, делать подобные заявления могут только те страны, которые официально признают кровавую деятельность бандеровцев в качестве пособников фашистских оккупантов как национально-освободительную борьбу. При этом не просто игнорируется память о миллионах украинцев, самоотверженно сражавшихся вместе с другими народами СССР в рядах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны и сложивших свои головы в борьбе с «коричневой чумой» XX столетия, но и совершается предательство в их отношении. Фактически на современной Украине поставлена под запрет советская символика победителей над фашистской Германией, а активисты «Правого сектора» презрительно именуют носителей георгиевской ленточки «колорадами» и «ватниками» и жестоко преследуют саму возможность почтить память о Великой Победе.

Польский министр иностранных дел Г. Схетына, публично отвечая на критику в связи с тем, что на 70-ю годовщину освобождения концлагеря не был приглашен Президент РФ В. Путин, заявил в январе 2015 г., что концентрационный лагерь Освенцим-Биркенау освобождали прежде всего украинцы: «Может, лучше сказать, что это первый украинский фронт и украинцы освобождали? Потому что именно украинцы в те

январские дни открывали ворота и освобождали лагерь»¹⁰. Тот факт, что названия фронтов определялись в тот период географией боевых действий, а не этническим составом подразделений Красной Армии, политика не интересует. Для него главное – найти хоть какой-то аргумент в пользу преуменьшения вклада России как правопреемницы СССР, в дело разгрома фашистской Германии. Поэтому поляки вели активную работу в Евросоюзе по противопоставлению празднования 70-летия победы в Москве инициативам о проведении подобных международных мероприятий на территории Польши.

В самой России данная проблематика также продолжает постоянно быть предметом бурных политизированных дискуссий. Например, депутаты Петербургского ЗакСа от партии «Яблоко» выступили против деятельности общественной организации «Родительское всероссийское сопротивление» (РВС), возглавляемой супругой прокремлевского политолога С. Кургиняна. Протест вызвала реализация данной организацией проекта (получившего грантовую поддержку) «Шаги истории» в виде распространяемой в школах стенгазеты, в которой, по мнению депутата А. Кобринского, «на выходе получился человеконенавистнический, глубоко политизированный текст, который фактически оправдывает репрессии времён сталинизма, глумится над памятью миллионов жертв и представляет Советский Союз как некий рай, в который хорошо бы всем нам вернуться»¹¹. Депутаты потребовали «изъять все экземпляры “Шагов истории” из школы, провести проверку по факту её распространения, привлечь виновных к ответственности и принять меры по недопущению подобной политической пропаганды в школах Санкт-Петербурга»¹². Данный протест получил поддержку в либеральных СМИ, возмущенных тем, что «как минимум 200 школ Петербурга учат детей любить Советский Союз. Детям рассказывают о кулаках и колхозах, экстремистах, разваливших страну, об Америке, не додумавшейся до прямых выборов»¹³.

В качестве контраргумента сторонники РВС обратили внимание на то, что «небезызвестное Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”, получающее финансирование из-за рубежа и признанное судом иностранным агентом, с 1999 г. проводило (и продолжает проводить) среди школьников конкурсы “Человек в истории. Россия – XX век”, а среди педагогов – “учительские семинары и конференции”, на которых разъясняется, как и чему именно следует учить наших детей...»¹⁴ В апреле 2015 г. были подведены итоги очередного XVI конкурса, среди направлений которого была заявлена в том числе тема «Цена победы» (так в тексте. – А. В.). В методических советах для участников конкурса его организаторы высказали надежду, что

исследователи данной темы «обратят свое внимание на тех, кому победа принесла не только радость освобождения, но и новые страдания. Мы хотим, чтобы участники конкурса занялись темами, которые до сих пор остаются “белыми пятнами”, – то есть историями, связанными с партизанским движением, с немецкой оккупацией. Словом, чтобы наши конкурсанты задумались над тем, какую невероятную цену пришлось заплатить за победу в Отечественной войне»¹⁵.

Анализ данных материалов показывает, что, несмотря на призывы к изучению «истории повседневности», конкретных семейных событий в их соотношении с историей страны, организаторы конкурса делают акцент, прежде всего, на проблематике массовых репрессий со стороны советского режима и его негативных проявлений на всех этапах истории. Данную методологическую установку в отношении истории Великой Отечественной войны координатор этого школьного конкурса И. Л. Щербакова подробно раскрыла еще в своей статье 2005 г., исходя из того, что «наши дети – жертвы этой выхолощенной и лишенной всякого человеческого содержания казенной “памяти”»¹⁶. Вся «казенная» история войны представлена в статье как история мифов, требующая, по мнению автора, разоблачения на основе рассказов депортированных, репрессированных, свидетелей трусости и предательства. Она высказала надежду, что для носителей памяти «наступил наконец “момент истины”, когда они готовы поделиться устными рассказами и записями, которыми прежде ни с кем не делились. Возможно, что им легче рассказывать тем, кто свободен от предвзятого отношения к событиям Отечественной войны, – то есть внукам и правнукам. Рассказывать о войне, увиденной глазами рядового, об отношении к пленным и о мародерстве, о заградотрядах и дезертирстве, то есть обо всем том, о чем не принято, да и просто страшно было публично вспоминать»¹⁷.

В этой связи совершенно не случайно, что на мероприятии, посвященном награждению победителей конкурса, с приветственным словом выступила также Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Польша в Российской Федерации Катажина Пелчиньская-Наленч. В своем выступлении она сделала акцент на «событиях, которые могли бы быть составляющими так называемой постнациональной памяти, что предполагает память о событиях, которые должны вызывать чувство покаяния, но отнюдь не национальной гордости»¹⁸. Как представляется, в этом заключена квинтэссенция политического смысла данного конкурса и ему подобных мероприятий – вытравить из душ подрастающего поколения чувство гордости за Великую Победу над фашизмом и заменить ее на чувство раскаяния и горечи за свою историю.

При этом сторонники «Мемориала», обосновывая необходимость обращения к «белым пят-

нам» Великой Отечественной войны, фактически игнорируют тот огромный пласт советской литературы и киноискусства, в которых история Великой Отечественной войны представлена во всей своей сложности, трагичности и противоречивости, где соседствуют героизм и предательство, пафос и обыденность, жертвенность и корысть, высокие и низменные чувства. Но в большинстве из них правильно расставлены акценты, позволяющие оценить масштаб той опасности, которая угрожала стране и, соответственно, масштаб и величие того подвига, который совершил советский народ благодаря неимоверным усилиям и героизму на фронте и в тылу. Участником этого подвига в той или иной степени стал каждый советский человек, внося свою лепту в дело Великой Победы. У каждого из них есть своя собственная правда истории Великой Отечественной войны, сквозь призму личного ее восприятия. Для большинства это действительно не официозные и пафосные мотивы героизма, а обыденные кровь и пот, страх смерти и его преодоление, сверхнапряженные усилия, голод и страдания по поводу гибели своих родных и близких людей. Это не только повседневные опасности, переживаемые участниками боевых действий, но и постоянное недоедание тружеников тыла, работающих по полторы-две смены; это переживания матерей, видящих голодные глаза детей; это дети и подростки, вынужденные сменить школьные парты на заводские станки и работу в поле; это хрупкие женщины, заменившие мужчин на самых тяжелых работах, – все эти и многие другие тяготы войны и составили основу того массового героизма, который определяет истинный масштаб и социальную цену Победы.

Организаторы конкурса, признавая наличие лишь «казенной» мифологизированной истории войны, фактически позиционируют себя в рамках конкурса первооткрывателями ее подлинной истории, ориентирующими школьников на изучение живых свидетельств, на факты «семейной истории». Реально эта благая цель в качестве стратегического вектора ориентирована на задачу концентрации познавательного и исследовательского интереса школьников на раскрытие, прежде всего, масштаба репрессий и депортаций, предательства и дезертирства. Они действительно затронули огромные массы людей и нуждаются в объективном и всестороннем изучении. Но акцент на данных трагических сюжетах Великой Отечественной войны не позволит получить панорамное представление о степени напряженности и характере противостояния, об источниках победы СССР над фашизмом. В этом случае одни мифы легко заменяются на другие: «войну выиграли заградотряды», врага «завалили трупами», «сдача Ленинграда позволила бы избежать бессмысленных жертв» и т. д.

Как представляется, историческая память о Великой Отечественной войне действительно

но должна быть памятью скорби о жертвах и запредельных тяготах войны как трагический урок, который нужно усвоить всем поколениям. Но память об этом не должна заслонять памяти о торжестве Победы, о торжестве спасения российских народов от самой страшной угрозы в истории нашей страны и всего человечества, соответственно, помнить о необходимости иметь адекватный потенциал о предотвращении подобной угрозы в настоящем и будущем.

Российские либералы стремятся к тому, чтобы День Победы превратился в день покаяния и расставания с советским прошлым. На практике их акцент на жертвах и цене победы нацелен на постепенное выравнивание в массовом сознании ответственности Гитлера и Сталина за данную войну и на равное осуждение советского режима за «преступления против человечества». Здесь они действуют в унисон с перебежчиком В. Суворовым, который в интервью «Голосу Америки» после празднования 70-летия Великой Победы оценил его как «массовое помешательство народа», как взрыв «чудовищной пошлости»¹⁹.

История Второй мировой войны и Великой Отечественной войны как ее ключевой составляющей действительно имеет много «белых пятен», обусловленных в том числе политическими факторами. Кроме тех, на которые указывают отечественные либералы, подобные «неудобные» темы есть и в европейской историографии. Например, об ответственности Франции и Великобритании за то, что в 1930-е гг. переговорный процесс с СССР о заключении договора о взаимопомощи зашел в тупик; о том, как Польша активно противодействовала заключению этого договора; о том как европейские державы канализировали экспансионистские усилия фашистской Германии против СССР путем самых серьезных уступок; об активном участии многих европейских стран в фашистской агрессии против СССР; о роли коллаборационистских правительств в завоеванных Гитлером странах; об участии населения данных стран в работе на предприятиях, выпускающих военную продукцию для гитлеровской армии, и др. Все упреки российских либералов к официальной истории Великой Отечественной войны в недооценке вклада союзников могут в не меньшей степени быть обращены и к западноевропейским учебникам истории, где вклад СССР очевидно занижен. Разнообразные опросы в западноевропейских странах свидетельствуют о том, что не только современные школьники, но и их родители очень плохо знают историю Второй мировой войны, а о роли СССР и о той цене, которую он заплатил за Победу, не знают почти ничего²⁰.

Таким образом, искажение истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны является важнейшим инструментом борьбы в глобальных геополитических отношениях и служит для достижения стратегических и так-

тических антироссийских целей. Объектом искажения исторической памяти выступает, прежде всего, молодежь, для которой эти события воспринимаются как «плюсквамперфектум» (давно прошедшее время) и потому относительно легко поддаются манипулированию. Особую опасность данному процессу придает тот факт, что фальсификация истории нередко возводится в ранг государственной политики «нацистроительства», приводит к существенному расколу общества, которое, как показали события на Украине, может стать одной из причин гражданской войны и социальных потрясений. Поэтому позиция российских либералов, делающих акцент на негативной составляющей исторической памяти о Великой Отечественной войне, объективно работает на деморализацию и дестабилизацию общественных отношений, на ослабление ее интегрирующего потенциала для всех российских народов.

Примечания

- ¹ Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
- ² В 2013 г. в некоторых сочинениях украинских учеников высказывалось сожаление о том, что фашистская Германия потерпела поражение – «если бы фашисты захватили, например, Украину, то она сейчас была бы гораздо богаче и более благополучная» (Украинские школьники жалеют, что фашистская Германия потерпела поражение. URL: <http://vlasti.net/news/162778> (дата обращения: 28.07.2015)).
- ³ Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html> (дата обращения: 23.07.2015).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Гудков Л. Сдвиг в сторону гордости и парадности. URL: <http://www.levada.ru/20-04-2015/sdvig-v-storonu-gordosti-i-paradnosti> (дата обращения: 27.07.2015).
- ⁷ Батиев В. Мифы войны. URL: <http://lebed.com/2006/art4815.htm> (дата обращения: 06.03.2015).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Яценюк поведал миру о «вторжении СССР в Германию». URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2262213> (дата обращения: 09.01.2015).
- ¹⁰ Глава МИД Польши попытался объяснить свое заявление об освобождении Освенцима украинцами. URL: <http://news.rambler.ru/28817714/> (дата обращения: 09.03.2015).
- ¹¹ Депутаты ЗакСа Борис Вишневецкий и Александр Кобринский (фракция «ЯБЛОКО») требуют провести проверку по факту распространения в школе № 84 Петроградского района пропагандистской стенгазеты. URL: <http://spb.yabloko.ru/node/3386> (дата обращения: 14.04.2015).
- ¹² Там же.
- ¹³ Кургиняна заметили в школах. URL: <http://www.fontanka.ru/2015/04/09/098/> (дата обращения: 13.04.2015).

- ¹⁴ Сеньявская Е. Бои за историю : недетские игры на школьном дворе. URL: <http://www.regnum.ru/news/society/1921610.html> (дата обращения: 06.05.2015).
- ¹⁵ Всероссийский конкурс исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век». Материалы в помощь участнику конкурса. URL: <http://www.memo.ru/uploads/files/770.pdf> (дата обращения: 23.07.2015).
- ¹⁶ Щербакова И. Над картой памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/sh13.html> (дата обращения: 23.07.2015).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ XVI конкурс : награждение победителей. URL: <http://urokiistorii.ru/node/52626> (дата обращения: 23.07.2015).
- ¹⁹ Суворов В. Нацисты были побеждены вопреки Сталину. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/viktorsuvorov-nazi-overwar-against-stalin/2766469.html> (дата обращения: 17.05.2015).
- ²⁰ См., например: Вторая мировая глазами иностранцев. URL: <http://discussiya.com/2009/05/08/2nd-world-war/> (дата обращения: 28.07.2015).

УДК 32(470+571)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Д. В. Доленко

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева,
Саранск
E-mail: dvdolenko@yandex.ru

В статье анализируется проблема цивилизационного выбора России, его альтернативы в политическом развитии. Рассмотрены концепции этих альтернатив в отечественной политической науке, показана их реализация на основных этапах истории страны. Анализируется сочетание европейского выбора и российского пути в политике современной России.

Ключевые слова: Россия, Европа, Запад, цивилизационный выбор, европейский выбор, российский путь, демократия.

Civilizational Choice in a Political Evolution of Russia

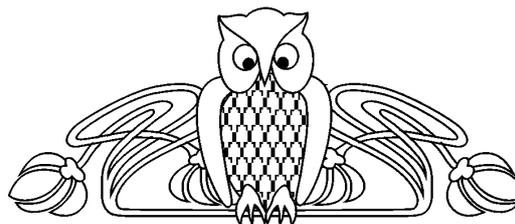
D. V. Dolenko

The article analyzes the problem of civilizational choice of Russia and its alternative in the political development. The author describes concepts of the alternatives in Russian political science and shows implementation of the alternatives on key stages of the history of the country. Author analyzes the combination of European and Russian ways in the politics of modern Russia.

Key words: Russia, Europe, West, civilizational choice, European choice, Russian way, democracy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-68-72

Проблема цивилизационной идентичности России и выбора соответствующего цивилизационного пути развития обсуждается в отечественной политической науке уже почти два столетия. Причем само появление соответствующего теоретического дискурса было обусловлено крупными геополитическими переменами и историческими событиями в Европе. Падение Византийской империи стало поводом создания концепции «Москва – третий Рим». Французская революция и последовавшая война с Францией дали новый мощный толчок для осмысления места России в мировой истории и политике.

Современный кризис в отношениях России со странами Запада вновь актуализировал выше-названную проблему цивилизационной идентичности России.

Сама эта проблема обсуждается в контексте отношений России с Европой, европейской (западной) цивилизацией, которая отождествляется в культурном плане с христианством, а в экономическом и политическом аспектах – с рыночной экономикой и демократией (выражаясь современным языком). Именно в Европе, в античной Греции и Риме зародились базовые экономические и политические феномены, на основе которых сформировались современные европейские политические и экономические системы: частная собственность, гражданская свобода, республиканская форма власти, право и т. д. Поэтому европейский выбор означал не что иное как выбор пути развития на основе именно этих ценностей – частной собственности, свободы предпринимательства, политической свободы. В зависимости от ответа на вопрос о принадлежности (или непринадлежности) России к Европе в отечественной науке оформилось несколько основных концептуальных подходов: 1) концепция европейского выбора, европейского пути; 2) концепция самобытного, особого цивилизационного пути; 3) концепция конвергенции, сближения России и Запада (межцивилизационной интеграции). Первые два концептуальных подхода (европейского выбора и самобытного, особого пути) были сформулированы еще в XIX в. западниками и славянофилами и с тех пор лишь развивались и дополнялись новыми аргументами. Подход западников к проблеме «Россия и Европа» фактически базировался на идее евро-

пейского выбора. Он означал признание отставания России от Западной Европы и ее стремление догнать ее. По выражению П. Я. Чаадаева, по видимому, первого теоретика-западника, «триста лет Россия стремится слиться с Западной Европой...»¹ Очевидно, что данная концепция была концепцией «догоняющего развития» России по отношению к Западу (хотя сама концепция «догоняющего развития» вообще и применительно к России в частности появится лишь в XX в.² И основной смысл этого «догоняющего развития», стремления «слиться с Западной Европой» в политическом аспекте выражался в развитии по пути либерализма: экономической и политической свободы и соответствующих институтов – парламентаризма, конституционализма, плюрализма и т. д. Именно такой трактовки европейского выбора придерживались российские западники-либералы начала XX в. Помимо либералов западнической версии, т. е. концепции европейского пути развития, придерживались и русские марксисты, считавшие что Россия, как и страны Запада, развивается по пути капитализма и так же, как и они, неизбежно придет к социализму. При этом одни из них (Г. В. Плеханов) были, говоря современным языком, сторонниками догоняющего, другие (В. И. Ленин) – обгоняющего развития. То есть первые считали, что России необходим длительный период развития капитализма и буржуазной демократии (вслед за Западом), вторые считали, что Россия может обогнать страны Запада, совершив первой социалистическую революцию и построив социалистическое общество.

Концепция России как особого культурного мира, отличного от европейского, и особого (неевропейского) пути развития так же, как и европейская, западническая, оформилась в XIX в. Истоки ее можно обнаружить в известной формуле «Православие. Самодержавие. Народность», положенной в основу государственной идеологии в Николаевскую эпоху и представлявшей фактически альтернативу европейским ценностям свободы, равенства и братства. Именно эта формула стала идеологическим кредо славянофильской теории России как особого культурного мира. Наиболее доктринально она была сформулирована Н. Я. Данилевским в знаменитой книге «Россия и Европа» (1869), в которой он утверждал, что Россия не принадлежит к Европе в культурно-историческом смысле. Европа является германо-романской цивилизацией, а задача России – образовать особый славянский культурно-исторический тип и создать Всеславянский союз³. В XX в. новую версию этой концепции сформулировали евразийцы, рассматривавшие Россию как Евразию, а ее путь – «строительство особого мира России – Евразии»⁴. При этом цивилизационное, культурное своеобразие России связывалось, прежде всего, с религиозной и политической самобытностью по сравнению с За-

падом. Религиозная самобытность связывалась с различиями между католическо-протестантским Западом и православной Россией. (Ф. И. Тютчев придавал этому еще более фундаментальный характер: Россия – это «христианская держава», а высшим выражением цивилизации Запада он считал Революцию – «врага христианства»⁵.) Что касается политической самобытности России, то она связывалась с органичностью для нее особой (неевропейской) формы политической системы. Как писал один из идеологов евразийцев П. Н. Савицкий, «европейский демократический строй... решительно неприменим к условиям России»⁶. В этом утверждении, видимо, выражена сущность концепции особого (неевропейского) цивилизационного выбора и пути развития – отрицание европейской демократии и развитие в условиях авторитарной государственности в той или иной ее форме. В постсоветский период, когда Россия выбрала демократию и рыночную экономику, выдающийся философ А. Зиновьев, вновь обратил внимание на цивилизационную уникальность Запада и невозможность для России стать его частью. Результатом же ее так называемой западнизации может быть лишь «колониальная демократия»⁷.

Наряду с двумя взаимоисключающими альтернативами цивилизационного выбора и пути политического развития, сформулированными в XIX в. в прошлом столетии был сформулирован еще один концептуальный подход, в основе которого было не противопоставление общественных систем и цивилизаций, а их сближение. Это, прежде всего, концепция конвергенции капиталистической и социалистической систем, активным сторонником и пропагандистом которой был А. Д. Сахаров. Она предполагала встречное сближение этих систем, их взаимообогащение своими достижениями⁸. В новых исторических условиях применительно к постсоветской России схожую идею межцивилизационного синтеза высказал А. С. Панарин. Он отвергал путь вестернизации России и был сторонником ее «евразийской идентичности», однако при этом считал «призванием» России осуществить цивилизационную интеграцию евразийского пространства⁹. Таким образом, можно сказать, что главная идея А. С. Панарина – это идея органического синтеза ценностей различных культур, их взаимообогащение и интеграция в условиях Российского государства.

Таким образом, как уже было отмечено выше, на теоретическом уровне можно выделить следующие основные альтернативы цивилизационного выбора для России: концепция европейского выбора (либеральная и марксистская версии); концепция особого, самобытного пути (славянского, евразийского и др); концепция конвергенции, межцивилизационной интеграции.

Анализ политического развития России с точки зрения цивилизационного выбора дает

основания выделить на протяжении периода XVIII–XXI столетий три основных исторических этапа, в рамках которых нашли свое проявление все вышеописанные теоретические альтернативы.

Первый, имперский, этап охватывает период с XVIII в. до 1917 г. Начало ему было положено Петровскими реформами, направленными на европеизацию государства на основе использования опыта европейских стран, заимствования их социально-экономических и политических институтов. В дальнейшем на протяжении всего этого исторического этапа наблюдается тенденция усиления европейского вектора развития: логика экономических и политических реформ этого периода выражалась тенденцией либерально-демократического развития, упразднения архаичных, по европейским меркам, институтов (крепостного права) и создания современных институтов европейского образца (суда присяжных, парламента и т. д.). Однако при этом налицо было и стремление к сохранению своей религиозной и политической самобытности. Другими словами, имели место стремление к сочетанию, балансу европеизации и самобытности, европейского и «особого» пути развития. Февральская революция 1917 г. также была результатом стремления определенной части политической элиты страны к развитию по европейски ориентированному, либерально-демократическому пути.

Октябрьская революция 1917 г., положившая начало второму, советскому, этапу развития, в сущности, тоже была результатом европейского выбора в его марксистской версии: она стала результатом реализации концепции социалистической революции, разработанной К. Марксом на основе изучения опыта развитых капиталистических стран Европы и предназначенной именно для них, а не для России и стран Востока. Она была результатом веры российских марксистов в то, что Россия развивается по тому же пути, что и капиталистические страны Запада. Однако после этой революции пути развития стран Запада и России кардинально разошлись. Страны Запада (Европы, Северной Америки, Австралии, а за ними все более растущее число государств Азии, Африки и Латинской Америки) развивались по либерально-демократическому пути, или пути капитализма.

СССР встал на путь строительства альтернативного капитализму общества – социалистического, а затем коммунистического. С точки зрения политического развития он также предполагал другой (отличный от либерально-демократического) путь «социалистической демократии». По отношению к европейскому, западному, т. е. либерально-демократическому, рыночному (капиталистическому) пути этот путь был другим, альтернативным, «особым». Однако с позиции официальной советской идеологии он рассматривался как универсальный, всеобщий путь,

по которому рано или поздно должны пойти все страны и народы, включая страны Запада. На практике не удалось достичь намеченных целей: обогнать развитые страны Запада по социально-экономическим показателям и к началу 1980-х гг. в основном построить коммунистическое общество. Более того, в 1980-е гг. налицо были кризисные явления в социально-экономической и политической сферах, что потребовало корректировки стратегии развития страны. Это нашло свое выражение в курсе перестройки – реформ, целью которых стала демократизация общества.

Этот курс развития, по существу, представлял собой попытку конвергенции – соединения институтов социалистического и либерально-демократического, рыночного типа (многопартийности, конкурентных выборов, разделения властей и др.). Все это, несомненно, означало политическое развитие по европейскому пути, причем этот европейский, демократический и рыночный, вектор усиливался в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Радикальные рыночные реформы в условиях нового независимого Российского государства положили начало современному этапу политического развития, для которого определяющим стал европейский выбор – выбор демократии и рыночной экономики. Важнейшим, знаковым событием на этом пути стало принятие Конституции Российской Федерации в 1993 г. Конституция, по существу, зафиксировала отказ или окончание прежнего пути развития «социалистического» государства и «социалистической» демократии и начало в России другого пути – демократического или европейского (поскольку, как уже было отмечено, начало ему было положено именно в Европе). Даже важнейшие характеристики современного Российского государства (демократическое, правовое, федеративное, социальное)¹⁰ впервые были закреплены в конституциях европейских государств: Германии, Франции и др. То же самое относится и к базовым политическим и экономическим институтам вышеназванного государства: многопартийности, идеологическому многообразию и разделению властей, частной собственности и др. Все они уже давно стали не только конституционно-правовыми нормами, но и неотъемлемой частью общественной жизни в европейских странах.

Таким образом, закрепление демократических норм и институтов в российской Конституции означало выбор демократического пути развития, который, несомненно, в конце XX в. все больше становился магистральным, универсальным, но по своим историческим истокам является европейским. Этот путь развития закреплён и в других официальных документах, в частности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., где в качестве одного из национальных интересов России названо развитие демократии и гражданского

общества¹¹. Однако, констатируя европейский, демократический выбор современной России, можно отметить наряду с ним и особый, самобытный или даже уникальный российский путь в отдельных сферах политического развития. Эта уникальность касается, прежде всего, политико-территориального устройства страны и ее внутренней региональной политики. Россия остается страной с самой большой территорией в мире, с колоссальными региональными различиями в условиях жизни, с многоэтничным поликонфессиональным населением. В качестве советского наследия она получила национально-государственное устройство, находившееся в начале 1990-х гг. в состоянии кризиса – дезинтеграции и так называемого «парада суверенитетов». В этих условиях в качестве пути создания оптимальной, эффективной формы государственного устройства была выбрана уникальная национально-территориальная федерация с двумя типами субъектов (национальными и территориальными), обладающих различным политико-правовым статусом. Такое федеративное устройство было закреплено сначала в Федеративном договоре 1992 г., а затем в Конституции Российской Федерации.

Однако децентрализованная и асимметричная федерация не позволяла эффективно решать задачи региональной политики в условиях проводимых в стране реформ. И поэтому следующим шагом на уникальном пути развития федерации стала ее централизация: создание федеральных округов, приведение республиканских конституций в соответствие с федеральной, расширение полномочий федеральной власти по отношению к региональным органам власти и др. В результате всех вышеназванных преобразований сформировалась уникальная по форме и оптимальная для российских условий политико-территориальная организация с разнотипными и разнотипными регионами и сильной федеральной властью, обладающей достаточными полномочиями для решения уникальных проблем в области региональной политики, обеспечения единства и территориальной целостности страны.

Еще более уникальный выбор и самобытный путь характерен для геополитического развития России, т. е. ее статуса и роли в мировой политике на различных геополитических (пространственных) уровнях.

Прежде всего, уникальна сама трансформация страны (от СССР к Российской Федерации) как участника международной политики, в результате которой изменились политический строй и идеология, но сохранилось правопреемство по отношению СССР. Это правопреемство позволило России сохранить атрибуты мировой державы: военную мощь, территорию, статус постоянного члена Совета Безопасности ООН. Кроме того, если для других постсоциалистических государств смена пути развития, европей-

ский цивилизационный выбор предопределяли и соответствующий геополитический выбор (интеграция в европейские и евроатлантические структуры), то для России требовался иной путь обеспечения национальных интересов. Россия географически является евразийской страной с самой большой территорией в мире. Национальные интересы и национальную безопасность такой страны невозможно обеспечить только на европейском и евроатлантическом уровнях. России в силу ее географического положения необходимо взаимодействовать и обеспечивать свою безопасность во всех географических измерениях, во взаимоотношениях не только с демократическими государствами, но и со странами с иными политическим строем и идеологией. Ее интересам соответствует более широкая система безопасности, чем та, что сложилась на Западе. И тем более ее никак не устраивает расширение такой военно-политической организации, как НАТО, на восток, приближение к границам России ее инфраструктуры.

Кроме того, геополитически Россия – наследник Советского Союза, ведущее государство на постсоветском пространстве, сохранившее более тесные, исторически сложившиеся связи с другими государствами этого пространства, на территории которых остались к тому же миллионы соотечественников. Все это объективно предопределило то, что именно Содружество Независимых Государств является регионом, с которым в первую очередь связаны национальные интересы и национальная безопасность России, а интеграционные процессы в нем – важнейший региональный приоритет ее внешней политики¹². На глобальном уровне целью России является многополярный мир, исключающий доминирование стран Запада. В этом мире Россия должна быть одной из ведущих мировых держав, самостоятельным и равноправным участником мировой политики. Другими словами, Россия, являясь государством, базирующимся на европейских по происхождению демократических ценностях, играет самостоятельную роль в международной политике, развивается по своему самобытному, российскому геополитическому пути.

В целом анализ показывает, что проблема цивилизационного выбора являлась постоянно действующим фактором политического развития России. В рамках имперского этапа для государственной политики было характерно стремление к сочетанию европеизации страны с сохранением ее политической и идеологической самобытности. Причем европейский, либерально-демократический путь становился в конце этого этапа определяющим. Советский этап представлял собой попытку реализации европейского выбора и европейского пути в его марксистской версии: как перехода от капитализма к социализму. Современный этап, важнейшим рубежом в рамках

которого стало принятие Конституции Российской Федерации, характеризуется радикальным европейским выбором: возвращением на путь демократического и рыночного развития. Однако при этом имеет место и уникальный российский путь в сфере политико-территориальной организации страны и ее геополитического развития.

Примечания

- 1 Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989. С. 141.
- 2 См.: Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире : очерки экономической истории. М., 2005. С. 273–278.
- 3 См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
- 4 Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 102.

УДК 323.2

«ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ» РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

А. В. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье речь идет об основных направлениях усиления роли государства в различных сферах общественной жизни современной России, которые были заложены в 1990-е гг. в результате действий либеральных реформаторов по укреплению своих позиций в российском обществе. Представлен вывод, что стремление сделать процесс либерального преобразования российского общества необратимым во многом обусловило высочайшую социальную цену реформ и глубокий раскол общества, особенности существующего политического режима, все противоречия и недостатки компрадорско-олигархической модели капитализма, возникшей в России в результате выбранной либералами грабительской модели приватизации.

Ключевые слова: «огосударствление» общественной жизни, либерализм в России, либеральные преобразования в России, усиление роли государства в России.

«Governmentalization» of the Russian Liberalism

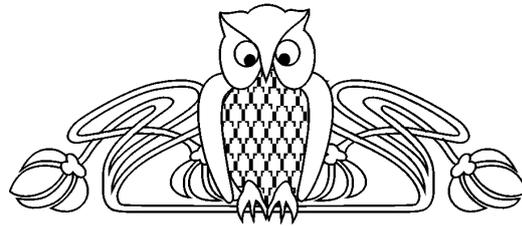
A. V. Golovchenko

The article refers to the principal directions of strengthening of the government role in the different areas of the social life in modern Russia, which were formed in 1990-s as a result of the actions of liberal reformers in order to strengthen their positions in the Russian society. The following conclusion has been drawn: the ambition to make irreversible the process of liberal transformation of Russian society considerably defined the highest social cost of reforms and great split of the society, features of existing political regime, all the contradictions and drawbacks of comprador and oligarchical model of capitalism that resulted from predatory model of privatization selected by liberals.

Key words: «governmentalization» of social life, liberalism in Russia, liberal transformations in Russia, strengthening of the government role in Russia.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-72-75

- 5 См.: Тютчев Ф. И. Россия и Запад. М., 2007. С. 53–79.
- 6 Савицкий П. Н. Указ. соч. С. 108.
- 7 См.: Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма. М., 1995.
- 8 См.: Сахаров А. Д. Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии // Новое время. 1989. № 52. С. 26–28.
- 9 См.: Панарин А. С. Реванш истории : российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 246.
- 10 См.: Конституция Российской Федерации. М., 1993.
- 11 См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: www.Kremline.ru (дата обращения: 20.06.2015).
- 12 См.: Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: www.Kremline.ru (дата обращения: 20.06.2015).

Общим местом в оценке политического места либеральных партий в современной России стала констатация их маргинализации. Обусловлена она совокупностью разных причин, которые многократно представлены в различных исследованиях. Гораздо меньше исследован вклад либерализма как идеологии, концентрирующей базовые ценности и принципы, в политическое развитие постсоветской России¹. Акцент обычно делается либо на том, что и в силу каких причин не реализовали либералы в 1990-е гг., когда они могли оказывать решающее воздействие на стратегию общественно-политического и социально-экономического развития страны, либо на тех негативных последствиях, к которым привела либеральная модель развития России в данный период.

На практике ситуация с внедрением либеральных идей в российскую действительность сложилась намного более сложная, чем предусматривает любая доктрина. Речь идет, прежде всего, о том, что большая часть либеральных ценностей закреплена в Конституции РФ. Не случайно, что многие оппозиционные движения в современной России в своих протестных акциях апеллируют к конституционным статьям, как, например, гражданское движение «Стратегия-31» в защиту свободы собраний. Но главный вклад, как представляется, состоит в том, что сложившаяся экономическая система в нашей стране продолжает основываться на либеральных принципах. Можно спорить о функциональности и эффективности регулирующей роли государства, о роли госкорпораций, о роли судебной системы

в экономике современной России, но аксиомой является то, что за прошедшие два с половиной десятилетия российская экономика далеко ушла от плановой и административно управляемой.

На наш взгляд, ситуацию можно условно обозначить как постепенное «огосударствление» российского либерализма в постсоветской России. Суть его состоит в том, что либеральные ценности, изначально ориентированные на то, чтобы поставить государство под контроль общества, в российском варианте стали постепенно использоваться государством для управления обществом, т. е. были поставлены под контроль государства.

Осуществлялось это по ряду основных направлений. Первым стало «огосударствление» выборов как наиболее важного института формирования государственных органов. Нужно отметить, что начало использованию административного манипулирования процедурой выборов и нарушению принципов честной политической конкуренции положили сами российские либералы, которые оправдывали его опасностью «красного реванша» и угрозой демократическим преобразованиям со стороны КПРФ. Элементы чрезвычайщины и форс-мажора в политике оправдывались «эсхатологическим» пониманием противостояния с оппонентами. Им объяснялась поддержка либералами расстрела Белого дома в октябре 1993 г., последующее голосование на референдуме по принятию Конституции РФ, невиданное по масштабам манипулирование массовым сознанием на президентских выборах 1996 г., с помощью которого удалось обеспечить победу тяжело больному Б. Ельцину. Эти явные отступления от декларируемых принципов объяснялись как временные, во имя строительства «светлого либерально-демократического будущего». Впоследствии методы и формы использования административного ресурса на выборах, заложенные российскими либералами, были обращены действующей властью против них самих для ограничения их политических ресурсов.

Еще одним направлением стало «огосударствление» российской многопартийности. И здесь первый опыт целенаправленного конструирования и реформирования проправительственных и пропрезидентских политических партий также принадлежит отечественным либералам. Именно Е. Гайдаром в октябре 1993 г. было учреждено избирательное объединение «Выбор России». С. Шахрай, будучи министром по делам федерации и национальностей Правительства РФ, возглавил Партию российского единства и согласия (ПРЕС). В либеральной прессе начала 1990-х гг. открыто обсуждались варианты создания в постсоветской России с помощью партийного инжиниринга двухпартийной системы, по модели США, в которой каждая из конкурирующих партий в своей основе будет базироваться на демократических ценностях, различаясь

лишь в большей или меньшей приверженности либеральным или консервативным традициям. В рамках данной тенденции партстроительства сверху в 1995 г. президент Б. Ельцин «поручил» главе правительства В. Черномырдину и спикеру Госдумы И. Рыбкину создать «центристские блоки правой и левой руки», которыми и стали «Наш дом Россия» и Блок И. Рыбкина². Несмотря на провал последнего, опыт партстроительства «сверху» был продолжен и получил свое логическое завершение в виде «Единой России» и «Справедливой России». Более того, в «Единой России» по сей день функционирует «Либеральная платформа», которая призвана компенсировать отсутствие либеральных партий в представительных органах современной России.

Либеральные сторонники целенаправленного конструирования такой системы обосновали ее целесообразность потребностью внесения в стихийные и непредсказуемые процессы формирования российской многопартийности рационального управляемого начала, которое позволило бы концентрировать усилия и ресурсы сторонников демократического развития России и нейтрализовать опасность «красного реванша», прихода к власти националистов и других антидемократических сил. На практике данная тенденция «рационализации» политического развития России постепенно привела к резкому снижению реальной конкуренции, управляемому переформатированию партийной системы, превращению ее в подконтрольный институт с доминирующей позицией «Единой России» как пропрезидентской партии. Оппозиционные либеральные партии фактически были лишены возможности оказывать существенное воздействие на политическое и социально-экономическое развитие страны, а оппозиционная функциональность оставшихся парламентских партий в большей или меньшей степени стала носить имитационный характер.

Важнейшей задачей, которую декларировали российские либералы, была замена неэффективной модели плановой экономики на динамичную рыночную модель, способную эффективно конкурировать на мировом рынке. Для ее внедрения первоочередной целью либерального варианта приватизации стало формирование в кратчайшие сроки класса российских собственников. Именно его реализация заложила фундамент того олигархического компрадорского капитализма в России, который в своей базовой основе функционирует до сих пор, хотя и критикуется современными либералами как детище В. Путина. Но В. Путин лишь минимизировал наиболее очевидные проявления этой олигархической системы, поставив ее под определенный контроль государства. Это породило новые проблемы в лице коррупции и бюрократической надстройки над бизнесом, но начало сращивания политики и экономики было положено в постсо-

ветской России именно при либералах. Кроме того, «огосударствление» российской экономики сопровождалось также включением в ее систему многих сторонников либерализма. В различные государственные структуры были включены такие лидеры российского либерального движения, как А. Чубайс, А. Кудрин, Г. Греф, Н. Белых, С. Кириенко и др. Их технократический либерализм оказался востребованным и успешным в практической управленческой деятельности на протяжении длительного периода.

Еще одним направлением «огосударствления» стала информационно-коммуникационная сфера. Это направление особенно остро подвергается сегодня критике со стороны отечественных либералов и их западноевропейских союзников как наиболее явное отступление от результатов демократических реформ постсоветской России. Гласность и свобода слова, как главное достижение либеральных преобразований 1990-х гг., действительно имели место. Именно в это время возникло огромное количество неподконтрольных государству российских СМИ. Но к этому же времени относится создание медиаимперий Б. Березовского, В. Гусинского, А. Лебедева, А. Усманова и других российских олигархов. О том, насколько они были вовлечены в политику и экономику, наглядно всему миру показала судебная тяжба в Британском суде Б. Березовского и Р. Абрамовича³. Процесс не просто вывернул наизнанку все «грязное белье» российских олигархов, но и показал оборотную сторону либеральных достижений в сфере свободы слова – реальную подоплеку и масштаб политических и экономических махинаций по разделу и переделу бывшей общенародной собственности. Важнейшую роль в них играли подконтрольные магнатам отечественные СМИ, которые активно использовались для манипулирования общественным мнением в достижении конкретных политических и экономических целей. Кроме того, процесс формирования и развития независимых от государства СМИ в 1990-е гг. осуществлялся на основе коммерциализации их деятельности. Это сопровождалось ориентацией на самые низменные вкусы и потребности населения и резким снижением положительного воспитательного потенциала отечественных СМИ. Неизбежным результатом стало падение морально-нравственных характеристик российских граждан, что не могло не вызвать отрицательной общественной реакции. В совокупности данные негативные последствия либерализации сферы массовых коммуникаций в российском обществе привели к тому, что большинством населения достаточно позитивно был воспринят процесс ее «огосударствления» на основе усиления государственного контроля за отечественными СМИ. Более того, по мнению некоторых исследователей, отношение либералов к политическому режиму «путинской России» в

период 2000–2003 гг. было глубоко противоречивым: «...большая часть либералов испытывала двойственные чувства – целый ряд мероприятий власти воспринимался ими сугубо положительно как продолжение реализации реформаторской повестки дня 90-х годов. Другие действия Кремля (такие как установление фактического госконтроля над федеральным телевидением) на этом фоне воспринимались как негативные, но, в принципе, “терпимые” явления»⁴. Ситуация изменилась лишь после 2003 г., когда либералы явно утратили свои политические позиции в Государственной думе и политической системе в целом. Только после этого они стали позиционировать себя как радикальную оппозицию, критикуя, прежде всего, ущемления в области свободы слова.

Одним из самых противоречивых направлений «огосударствления» стало гражданское общество в постсоветской России. Кроме обозначенных выше политических партий, выступающих своего рода «мостом» между политической сферой и обществом, гражданское общество включает большое количество институтов, ориентированных на удовлетворение разнообразных потребностей различных социальных групп. Классическая либеральная концепция гражданского общества предполагает, что его институты не просто действуют независимо от государства, но противостоят ему в стремлении поставить под контроль разные сферы общественной жизни. Однако в период проведения либеральных преобразований обнаружилось несколько тенденций в развитии гражданского общества в постсоветской России.

Первая была связана с тем, что многие общественные организации, уходящие корнями в советскую систему, имея определенные институциональные, социальные и материальные ресурсы, получив автономию, не смогли успешно развиваться без поддержки государства в рыночных условиях (например, творческие союзы, которые вынуждены были выживать в новых условиях).

Вторая тенденция была связана с тем, что социальный импульс развития гражданского общества, проявившийся на рубеже 1980–1990-х гг., достаточно быстро ослабел в силу разных причин. Главная из них, на наш взгляд, заключается в том, что надежды, которые породили в российском обществе либеральные идеологи начала 1990-х гг. своими обещаниями быстрой отдачи от проведенных политических и социально-экономических реформ, потерпели крах в результате очень высокой социальной цены реальных преобразований. Оценивая деятельность российских либералов в данный период, Ю. Нурмеев справедливо констатирует, что «парадоксальным образом силы, которые претендовали на осуществление модернизационных мер – в первую очередь представители младореформаторского сообщества и их сторонники –

явились, напротив, реаниматорами архаики, отсталых и неэффективных форм хозяйствования и социальной самоорганизации. Тотальная дезориентация всех слоев населения, утеря каких-либо внятных ориентиров в развитии не могли способствовать консолидации подлинно модернизирующего политического проекта. Это в полной мере проявилось в работе новых структур власти – и исполнительные, и законодательные учреждения быстро превратились в проводников своих собственных корыстных интересов и интересов влиятельных финансово-промышленных групп»⁵.

Наконец, третья тенденция, которая проявилась в данный период, была связана с тем, что многие общественные организации в постсоветской России оказались прямо или косвенно втянуты в политическую борьбу. И не последнюю роль в этом сыграли либеральные политические силы. Например, на выборах Президента РФ 1996 г. в борьбу против Г. Зюганова были вовлечены самые разные институты гражданского общества, от творческих и спортивных союзов до неформальных объединений различных фанатов. Именно данная тенденция и получила свое дальнейшее развитие в период укрепления «вертикали власти», когда Администрация президента смогла не только привлечь на свою сторону значительную часть российских общественных организаций (с помощью государственной поддержки и иных преференций), но и выступить инициатором появления новых институтов гражданского общества. Классический пример – создание Общероссийского народного фронта, который стал одним из важнейших акторов, определяющих характер и результаты выборов различного уровня в современной России.

Таким образом, можно заключить, что основные направления усиления роли государства в различных сферах общественной жизни, были заложены еще в 1990-е гг. представителями либеральных политических сил постсоветской России. Несмотря на то что данный партийно-идеологический сектор изначально был чрезвычайно фрагментирован и имел высокий уровень внутренней конкуренции, по ряду принципиальных вопросов большинство российских либералов имели консолидированную, хотя и не всегда публично заявляемую позицию.

Первая состояла в эсхатологическом понимании политики в условиях перехода от советской к демократической системе. Приход к власти оппонентов рассматривался как гибель демократии и возврат к тоталитаризму. Поэтому сохранение реформаторов у власти обосновывалось как задача, которую нужно решить «любой ценой». Но, как показал анализ, такой макиавел-

левский подход означал дискредитацию базовых либеральных принципов и ценностей, к которым они публично апеллировали в своих программах и заявлениях.

Вторая позиция состояла в том, что, понимая непрочность своих позиций и отсутствие широкой социальной поддержки, либеральные реформаторы стремились провести наиболее радикальный вариант реформ и осуществить его в максимально короткие по историческим меркам сроки. Данное стремление сделать процесс либерального преобразования российского общества необратимым, во многом обусловило: высочайшую социальную цену реформ и глубокий раскол общества; характер существующего политического режима, дизайн которого был закреплен в Конституции РФ благодаря российским либералам; все противоречия и недостатки компрадорско-олигархической модели капитализма, возникшей в России в результате выбранной либералами грабительской модели приватизации. Поэтому даже справедливая критика со стороны либеральной оппозиции различных недостатков режима В. Путина воспринимается обществом как отсутствие социальной ответственности за тот вклад, который они сами внесли в формирование базовых причин пороков существующей сегодня в России политической и социально-экономической системы.

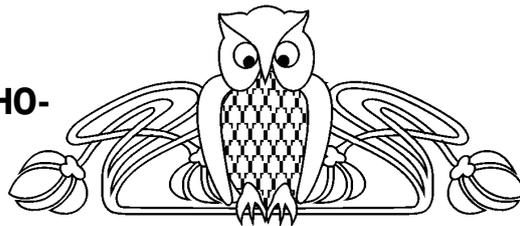
Примечания

- ¹ См.: *Вилков А. А.* Либеральные ценности в массовом сознании россиян в постсоветский период // «Новая Россия»: Власть, общество, управление в контексте либеральных ценностей: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 22 марта 2004 г. М., 2004. С. 157–165.
- ² См.: *Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е.* Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М.: Фонд ИНДЕМ, 1996. URL: http://www.partinform.ru/ros_mn/rm_7.htm (дата обращения: 29.07.2015).
- ³ См.: Б. Березовский против Р. Абрамовича: нескучный суд. URL: <http://top.rbc.ru/story/625476.shtml> (дата обращения: 20.02.2012); Р. Абрамович рассказал, почему «тихонечко занимается бизнесом». URL: <http://top.rbc.ru/society/10/11/2011/624485.shtml> (дата обращения: 20.02.2012); Лондонский суд дослушал Романа Абрамовича и Бориса Березовского. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1854532> (дата обращения: 20.02.2012).
- ⁴ *Макаренко Б., Макаркин А.* Либералы в современной России. URL: <http://www.politcom.ru/2721.html> (дата обращения: 30.07.2015).
- ⁵ *Нурмеев Ю. П.* Потенциал либерализма в современном российском политическом процессе: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2009. С. 131.

УДК 329.12

ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И. В. Андропова, А. И. Камалетдинова¹

Поволжский государственный университет телекоммуникаций
и информатики, Самара

¹ Самарский государственный университет
E-mail: m838om@mail.ru, alsoy08@mail.ru

В статье рассмотрены особенности позиционирования либеральных партий в информационно-коммуникативном пространстве современной России в условиях обострения международных отношений. На основе анализа предвыборных материалов, заявлений лидеров данного партийного сегмента, других документов сделан вывод о том, что консолидации российских либеральных партий мешают традиционные межличностные противоречия их руководителей, серьезный антирейтинг данных партий в связи с позицией по Крыму, отсутствие разветвленной сети региональных партийных отделений, которые бы позволяли осуществлять активную работу с населением и давали бы возможность постоянно присутствовать в региональном и общероссийском информационном пространстве.

Ключевые слова: либеральные партии современной России, электоральные процессы, информационно-коммуникативное пространство, позиционирование либеральных партий, предвыборные технологии.

Liberal Parties Special Features of Positioning in Info-communication Environment of Modern Russia

I. V. Andronova, A. I. Kamaletdinova

The given article deals with the specific features of liberal parties positioning in info-communication environment of modern Russia under conditions of strained international relations. On the basis of pre-election material, statements of the given parties segment leaders and other documents we concluded that traditional interpersonal conflicts of leaders hinder consolidation of Russian liberal parties. Besides, there exist considerable anti-rating of the given parties position in respect of Crimea, lack of branching network in the country regions, which could help to implement an active work with the public and give the opportunity of constant presence in regional and all-Russia space.

Key words: liberal parties of modern Russia, electoral processes, info-communication environment, liberal parties positioning, pre-election technologies.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-76-81

Попытки организации массовых протестов в Москве и ряде других российских городов в 2011–2012 гг. на основе объединения всех оппозиционных сил во главе с либералами постепенно сошли на нет. Проблема позиционирования российских политических партий была вновь актуализирована и поставлена в повестку дня в ус-

ловиях обострения международных отношений в связи с украинским кризисом и санкционной войной западноевропейских стран против России. Данная ситуация потребовала четкого и недвусмысленного политического определения от всех представителей оппозиционных сил в России, особенно на либеральном фланге. Суть ее, по мнению исследователей, состоит в том, что «антипатриотическая и антинациональная точка зрения российских либералов не только противопоставила их позиции абсолютного большинства российского населения, но и еще больше дискредитировала саму либеральную модель демократии»¹. Данная проблема особенно актуализировалась в связи с текущими выборами 2015 г., предстоящими в 2016 г. выборами депутатов Государственной думы Российской Федерации и последующими выборами Президента РФ.

Подготовка к ним осуществляется в условиях, когда обозначились новые факторы, оказывающие воздействие на ситуацию с участием либеральных партий в выборах в современной России. В качестве положительной тенденции для деятельности оппозиции можно отметить наметившееся понимание со стороны Администрации президента того, что дальнейшее использование ресурсов административных технологий чревато непредсказуемыми последствиями. В этой связи знаковой видится позиция, которую публично озвучил один из российских политических тяжеловесов, активно участвовавший в проведении кампаний различного уровня в предшествующие электоральные циклы, первый заместитель главы Администрации президента В. В. Володин. Во время чтения лекции в июле 2015 г. перед главами подмосковных муниципальных образований, депутатами, членами Общественной палаты региона, министрами областного правительства он сделал важное политическое заявление. В. В. Володин подчеркнул, что нужно сделать все, чтобы во время выборов депутатов Государственной думы в 2016 г. и в региональные законодательные собрания «не было тех претензий, которые возникли в 2011 г., чтобы формирование власти проходило открыто, легитимно и конкурентно»². Ответственность за решение данной задачи заместитель главы АП возложил на местные органы власти. Важно отметить, что В. В. Володин актуализировал ее уже для электоральных кампаний 2015 г., подчерк-

нужно, что проблемы с использованием административного ресурса приведут «к дискредитации («десакрализации», по выражению чиновника) выборов. Результаты голосования не должны быть предопределенными: «Главное, что мы должны делать, – не пытаться голыми политтехнологиями добиваться предопределенности результата»³. В качестве негативного примера представитель президентской администрации привел ситуацию в Самарской области во время проведения праймериз в «Единой России», когда имена 14 победителей первоначального отбора были вычеркнуты из списков кандидатов. Более того, высокие показатели на выборах губернатора Самарской области Н. Меркушкина (90%) были названы «запредельными». То есть фактически официально и публично акцент сделан на формуле американского политолога А. Пшеворского о том, что демократия – это «определенность процедур при неопределенности результатов»⁴. Понятно, что между заявлениями и реальным следованием такой модели дистанция может быть очень существенной⁵, но, тем не менее, данная публичная установка нацеливает региональные власти на определенные границы административного вмешательства в предвыборный процесс и позволяет надеяться на повышение уровня его конкуренции.

Другим важным фактором, обуславливающим определенные положительные возможности для активных действий оппозиционных либеральных партий, является возвращение к смешанной избирательной системе на выборах в Государственную думу. Она дает возможность концентрировать организационные и информационные ресурсы небольших партий для продвижения своих кандидатов по отдельным мажоритарным округам. Это значительно повышает их шансы для хотя бы минимального представительства в Государственной думе.

К негативным факторам относится усиление фрагментированности либерального партийного сектора. По данным Фонда Института социально-экономических и политических исследований, на первый квартал 2015 г. в либеральном секторе действовали «социальные евролибералы», «евролибералы-рыночники», «либерал-патриоты»⁶.

Лучший рейтинг имеет партия «Яблоко», относящаяся к «социальным евролибералам», которая занимает 5-ю позицию после ведущих парламентских партий. «Яблоко» имеет преимущество перед остальными либеральными партиями в наличии права выдвижения кандидатов в Государственную думу без сбора подписей и в эпизодическом участии в муниципальных выборах в отдельных российских регионах. Исходя из этих обстоятельств, а также из того, что партия является одной из старейших и известных в постсоветской России, ее лидеры претендуют на то, чтобы выступить центром консолидации всех либеральных сил. Не случайно, что Г. А. Яв-

линский одним из первых заявил о намерениях выдвинуть свою кандидатуру на выборах Президента РФ 2018 г. По этому поводу сразу разгорелась дискуссия, в которой приняли участие известные представители либерального движения.

Один из старейших российских правозащитников С. А. Ковалев в своем открытом письме заявил о том, что Г. А. Явлинский поспешил со своим заявлением, что «это выдвижение не сопровождалось заявлением о необходимости единого кандидата принципиальной оппозиции и о готовности поддерживать того, кто оказался бы им в результате честной и прозрачной конкуренции»⁷. С. А. Ковалеву в мягкой форме возразил еще один «патриарх» либерального российского движения – Т. В. Шейнис. По его мнению, последняя инициатива «Яблока» содержит две главные составляющие. «Во-первых, четко артикулированный перечень неотложных мер – программу-минимум демократического кандидата на президентских выборах. Она включает политические и правовые реформы, направленные на переход от авторитарной системы власти к конституционным принципам народовластия, разделения властей и правового государства; <...> отказ от милитаризации страны и резкое увеличение расходов на образование, здравоохранение, культуру; <...> возвращение во внешней и внутренней политике к европейскому вектору развития; преодоление украинского кризиса на основе недвусмысленного признания суверенитета соседнего государства в международно признанных границах и отказ от вмешательства в его внутренние дела и т. д.»⁸ Вторая составляющая объясняет, почему своим кандидатом на президентских выборах «Яблоко» заявило Григория Явлинского, основателя и неформального лидера партии. По мнению В. Шейниса, «многолетним участием в политической, научной и культурной жизни Явлинский доказал свой профессионализм, высокую компетентность в подходе к актуальным проблемам современной экономики, политики, истории»⁹. Не менее важными он считает его личностные качества общественного деятеля, претендующего на высокий государственный пост: «Известны разнообразные упреки его недругов. Но нравственная его репутация безупречна: никто не смел обвинить его в нечестности, рвачестве, коррупции, карьеризме, предательстве»¹⁰. Поэтому, зная о неоднозначном отношении к Явлинскому в российских демократических кругах, В. Шейнис заявил, что «для роли единого кандидата демократических сил Явлинский сейчас наиболее адекватная фигура»¹¹. Главное, в чем он согласился с С. А. Ковалевым, – это необходимость обсуждения данного вопроса среди демократических лидеров для выдвижения единого кандидата на будущих президентских выборах.

Вопрос этот – традиционный для постсоветской России и столь же традиционно не решаемый

мый. Председатель Партии народной свободы (ранее – РПР-ПАРНАС) М. Касьянов на съезде 4–5 июля 2015 г. также не исключил возможности баллотироваться в Президенты РФ в 2018 г., подчеркнув, что у него нет президентских амбиций, но если оппозиционная коалиция решит, то он «готов исполнить эту функцию»¹². По данным Фонда ИСЭПИ, РПР-ПАРНАС находится на 9-м месте в рейтинге российских партий, занимая «евролиберальную» нишу¹³. Этот достаточно высокий результат достигнут во многом за счет трагического внешнего обстоятельства, связанного с убийством одного из лидеров партии Б. Немцова. Это событие сфокусировало внимание отечественных и зарубежных СМИ к деятельности данной партии и стало важнейшим информационным поводом в виде постоянных заявлений о препятствиях в ходе расследования, об отсутствии заинтересованности официальной власти в поиске ответственных за убийство, о страхе режима перед разоблачениями, которые содержались в докладе Б. Немцова, подготовленном им незадолго до гибели, и т. д. Особенно активно данная проблематика обсуждается в зарубежных СМИ. Например, в Европарламенте началось формирование большинства по вопросу вручения Борису Немцову премии А. Сахарова посмертно. Размер премии составляет 50 тысяч евро, которые в случае присуждения пойдут в Фонд Бориса Немцова, созданный его дочерью Жанной. Целью фонда является поддержка гражданского общества России в борьбе за мирное и демократическое государство¹⁴. Однако самой партии не удалось безболезненно разрешить внутренние проблемы. Ее претензии на то, чтобы стать организационной платформой для консолидации потенциальной либеральной оппозиции осложняются тем, что на протяжении всей недолгой истории партию постоянно сопровождают скандалы. В течение 2012–2013 гг. не прекращался конфликт в Петербургском региональном отделении РПР-ПАРНАС по поводу несогласованного приема в партию центральным руководством без учета мнения регионального руководства¹⁵.

Наиболее знаковым стал тлеющий организационный конфликт, который закончился выходом из партии в феврале 2014 г. умеренного В. Рыжкова и его сторонников¹⁶. Суть конфликта состояла в том, что именно РПР (Республиканская Партия России) с Рыжковым во главе, как зарегистрированная на тот момент партия, стала организационной основой создания РПР-ПАРНАС, но уже с тремя председателями во главе. Фактически постепенно В. Рыжков был отодвинут от руководства объединенной партией. Не случайно после ухода из РПР-ПАРНАС он публично обвинил М. Касьянова в рейдерском захвате партии: «...я считаю, что была захвачена наша партия, и захвачена не вполне честными методами, даже мошенническими»¹⁷. На партий-

ном съезде 4–5 июля 2015 г. было принято решение о сокращении названия партии до ПАРНАС и о том, что М. Касьянов остается единственным руководителем партии, позиционирующей себя в качестве основы демократической коалиции¹⁸.

Другие партии («евролибералов» – «Гражданская инициатива», «Демократический выбор» – не смогли попасть в десятку лидеров. Тем не менее, лидер «Гражданской инициативы» А. Нечаев также заявил в апреле 2015 г. о том, что целый ряд известных оппозиционных деятелей готовы объединить усилия на базе данной партии в 2015 г. для проведения предвыборной кампании¹⁹. Впоследствии А. Нечаев объяснил, что партия не выступает конкурентом демократической коалиции на базе РПР-ПАРНАС, но считает «более рациональным в том числе для подстраховки на 2016 год, чтобы в 2015 году коалиция шла под флагами двух партий в конкретных регионах, соответственно, одна или другая»²⁰. Фактически это не что иное, как отсутствие единой демократической коалиции, когда конкуренция либеральных партий осуществляется на «договорной» основе, т. е. без прямого противостояния в одних и тех же регионах. Реально сохраняется основа для конфликтов. Примером такого конфликтного выдвижения партийного списка стала Калужская область, в которой у партии «Гражданская инициатива» имеются определенные организационные и политические преимущества перед другими либеральными партиями.

Анализ программных документов, заявлений политических лидеров различных либеральных партий позволяет констатировать, что стратегия информационного позиционирования большинства из них построена, прежде всего, на критике существующего политического режима РФ как не способного решить задачи социально-экономического и политического развития. Особый акцент делается на критике внешней политики России и ее негативных последствий в последние годы. Присоединение Крыма оценивается как аннексия со стороны России, на которую возлагается в том числе ответственность за войну на Востоке Украины.

Стержнем этой оппозиционной стратегии является критика В. Путина как лично ответственного за укрепление авторитарного режима в России, узурпацию власти, обострение отношений с западным миром, Украиной и т. д. Например, один из известных праволиберальных российских политиков Л. Гозман в интервью Радио Свобода четко констатировал, что все беды России связаны с президентом В. Путиным: «Мы не выйдем из кризиса, мы будем все больше вязнуть в этой ужасной войне, мы будем находиться в изоляции, против нас будут санкции и так далее. С ним дальше, по-моему, не получится, хорошо не будет»²¹. Разговор на эту тему был вызван опубликованной чуть ранее статьей

Л. Гозмана в газете «Ведомости», в которой политик привел ряд обоснований необходимости ухода Путина.

Примечательно, что одним из аргументов против Путина политик выдвинул тот факт, что «наши самолеты все чаще летают в опасной близости от границ НАТО. Рано или поздно дежурный офицер натовских противовоздушных сил нажмет на кнопку. В общем, угроза войны, та самая, которой пугали детей, а они не боялись, становится вполне реальной»²². Американские эсминцы в акватории Черного моря, несущие сотни крылатых ракет, способных достигать важнейшие промышленные центры России, размещение системы ПРО вдоль границ России, нарушающее прежние договора между нашими странами, политика не пугают, в миролюбивости натовских генералов он уверен.

Подобная логика характерна и для его «внутренних» аргументов в обосновании необходимости борьбы именно против Путина: «Если с ним безнадежно, надо пробовать без него. Необходимость смены первого лица надо разъяснять людям, причем не на наших площадках, на которых слушателям и читателям и так все ясно, а на чужих, враждебных. <...> И не стоит переоценивать уровень его поддержки – и на митинги, несмотря на пресловутые 89%, власть вынуждена рекрутировать бюджетников, и те же 89% прекрасно все понимают и про коррупцию, и про отеческую заботу власти»²³. Особенно примечателен аргумент Л. Гозмана о том, что для того, чтобы процесс смены власти в России прошел в виде мирной трансформации, нужно разработать международные гарантии «безопасности самому президенту, его ближайшим сотрудникам и семье. Вне зависимости от того, виновен или не виновен он в приписываемых ему правонарушениях...»²⁴ При этом сам приводит исторические примеры подобных «гарантий» для Пиночета и Ярузельского, которые «не вдохновляют». Но гораздо нагляднее ненадежность западноевропейских лидеров в предоставлении «гарантий», на наш взгляд, демонстрирует недавний пример с подписанием соглашения в феврале 2014 г. о досрочных президентских выборах на Украине и предпосылках «мирного» ухода из политики В. Януковича, которое было перечеркнуто и предано забвению фактически сразу после насильственного захвата государственной власти сторонниками «майдана».

Все другие аргументы Л. Гозмана представляют собой его апелляцию к интеллигенции о необходимости готовиться «к жизни после Путина», разрабатывать программы «трансформации экономики, социальной сферы, политической системы, аналогичных по степени детализации тем, которые были в начале 90-х у команды Гайдара», и главное – «нужны тысячи и тысячи смелых, умных, образованных людей. Их надо готовить». Официальные вузы для этого не годятся,

значит, «надо развивать и поддерживать все то, что формирует запрос на демократию. Гражданские институты, в рамках которых формируются иные, неавторитарные паттерны взаимоотношений между людьми». Наконец, «необходимо моральное сопротивление лжи и лицемерию, которые уже, кажется, превысили советский уровень»²⁵.

В целом проведенный анализ показал, что фактически в этих вопросах серьезных различий между «яблочниками», «парнасовцами» и другими сторонниками либеральных партий не существует. В сжатом виде Л. Гозман представил ту стратегию, которая лежит в основе деятельности всех рассмотренных выше партий. Тем не менее, так необходимого с организационной и политической точки зрения объединения всех либеральных сил не происходит, и с высокой долей вероятности можно спрогнозировать, что в ближайшей перспективе и не произойдет.

Причина заключается не только в традиционных личных амбициях либеральных лидеров, которые не позволяют им договориться друг с другом, но и в том, что в программах, деятельности и ресурсах данных партий есть нюансы и оттенки, которые также не способствуют объединению.

Например, Г. Явлинский первым заявил о своем участии в будущей избирательной кампании президента, понимая, что у других потенциальных кандидатов от праволиберального сектора накопилось много фактов прямого сотрудничества с международными фондами, которые могут быть использованы против них в период регистрации на основе законодательства об «иностранных агентах». Кроме того, несмотря на единство в критических оценках присоединения Крыма и внешней политики В. Путина, М. Касьянов своим выступлением в Госдепе США и публичным призывом к ужесточению санкций против России, в том числе против российских журналистов, создает себе такой антирейтинг, что консолидация с ним и с его партией неизбежно бумерангом ударит и по «Яблоку». В расстановке акцентов своего позиционирования по отношению к действующей власти лидеры «Яблока» упор делают на необходимости возвращения к проевропейскому вектору развития и апеллируют, прежде всего, к внутренним ресурсам российского общества. Лидеры ПАРНАС в своей апелляции к поддержке мирового демократического сообщества, как представляется, перешли ту грань, за которой партия уже не может добиться своего восприятия хотя бы значительной частью российского электората как суверенного субъекта российской политики.

В свою очередь, лидеры различных либеральных партий осознают те слабые места, которые «Яблоку» и его лидеры традиционно проявляли на протяжении всей истории своего

существования (узкая социальная база, отсутствие практического опыта государственного управления, устоявшийся антирейтинг «слабой партии»). Фактически одним из слабых мест большинства зарегистрированных партий этого сектора является то, что каждая из них хорошо видит антирейтинг конкурентов в своем секторе и при этом недооценивает свой собственный, либо надеется на изменение ситуации в лучшую сторону в новом электоральном цикле.

В то же время продолжает проявляться определенная тенденция консолидации и блокирования либеральных сил снизу, на уровне регионов. Она обусловлена тем, что многие региональные лидеры имеют свою собственную мотивацию вхождения в коалиции (без учета межличностных отношений своих партийных руководителей). С одной стороны, это создает предпосылки для концентрации усилий региональных либеральных сил на муниципальных выборах. С другой, является одной из причин постоянных конфликтов на уровне межпартийных официальных отношений в процессе формирования коалиций и в процессе их функционирования. Тем не менее, накопленный либералами опыт сотрудничества на региональном уровне позволяет сделать прогноз, что в рамках смешанной избирательной системы на выборах депутатов Государственной думы он создает определенные предпосылки и возможность победы либералов по отдельным одномандатным округам. Еще одним аргументом в пользу такого прогноза выступает тактика праволиберальных партий на текущих муниципальных выборах 2015 г., когда они стремятся включать в свои списки не только партийных кандидатов, но и беспартийных граждан, известных в регионе своими достижениями в различных сферах жизни, так называемых лидеров общественного мнения. Кроме того, для нивелирования антирейтинга либеральных партий как «пятой колонны» и их антипатриотической позиции на региональном уровне акцент делается на конкретной критике деятельности региональных властей – борьбе с бюрократией, с конкретными злоупотреблениями, с плохими дорогами и т. д., и на обосновании соответствующих конкретных предложений для исправления ситуации. Однако какого-либо серьезного прорыва на региональных и федеральных выборах от праволиберальных партий в ближайшие годы ожидать не приходится, так как, кроме сложившегося для большинства российского населения негативного бренда данных партий, никуда не делось их главное слабое место – отсутствие разветвленной сети региональных партийных отделений, которые бы позволяли осуществлять активную работу с населением, а партиям – постоянно присутствовать в региональном и общероссийском информационном пространстве.

Примечания

- 1 Вилков А. А. Демократия и либеральные партии в современной России : к проблеме совместимости // Конституционные проблемы народовластия в современном мире : материалы VI Междунар. конституц. форума, посвященного 105-летию СГУ им. Н. Г. Чернышевского (Саратов, 12 декабря 2014 г.). Вып. 6, ч. 1. Саратов : Саратовский источник, 2015. С. 47.
- 2 Кремль попросил избавить выборы от predeterminedности. URL: <http://top.sarbc.ru/main/2015/07/17/171933.html> (дата обращения: 18.07.2015).
- 3 Там же.
- 4 Определенность процедур при неопределенности результатов. URL: <http://www.vz.ru/politics/2015/7/20/757032.html> (дата обращения: 20.07.2015).
- 5 Последние события в Новосибирске, связанные с недопущением списка ПАРНАС к региональным выборам, подтверждают продолжение практики фильтрации оппозиционных сил.
- 6 См.: РЕЙТИНГ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ по итогам 1 квартала 2015 года. Апрель, 2015 г. Фонд ИСЭПИ. URL: <http://www.politanalitika.ru/upload/iblock/127/127a98275b66599917043c044b07d3f0.pdf> (дата обращения: 19.07.2015).
- 7 Открытое письмо Сергея Ковалева. URL: http://www.yabloko.ru/publikatsii/2015/06/29_0 дата обращения: 17.07.2015).
- 8 Виктор Шейнис : Выбор ЯБЛОКА. URL: http://www.yabloko.ru/publikatsii/2015/07/01_1 (дата обращения: 17.07.2015).
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же.
- 12 Касьянов допустил свое участие в президентских выборах. URL: <http://www.newsru.com/russia/06jul2015/kasyanov.html> (дата обращения: 06.07.2015).
- 13 См.: РЕЙТИНГ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ...
- 14 См.: В Европарламенте началось формирование большинства по вопросу вручения Борису Немцову премии А. Сахарова посмертно. URL: <https://parnasparty.ru/news/55> (дата обращения: 17.07.2015).
- 15 См.: РПР-ПАРНАС в СПб : На пути к разрешению конфликта. URL: <http://parnasmsk.ru/?p=4346> (дата обращения: 18.07.2015) ; Конфликтом в питерском отделении РПР-ПАРНАС займутся руководители партии. URL: <http://parnasmsk.ru/?p=3901> (дата обращения: 18.07.2015).
- 16 См.: Спустился с ПАРНАСа. URL: <http://vz.ru/politics/2014/2/8/671668.html> (дата обращения: 18.07.2015).
- 17 Рыжков рассекретил мошенничество, диктатуру и рейдерство ПАРНАС. URL: <http://maxpark.com/community/13/content/3579856> (дата обращения: 18.07.2015).
- 18 См.: Платформа Демократической Коалиции ПАРНАС. Москва, Съезд партии, 05.07.2015. URL: <https://parnasparty.ru/news/42> (дата обращения: 17.07.2015).
- 19 См.: Об объединении ряда демократических политиков вокруг партии «Гражданская инициатива». URL: <http://>

www.grazhdan-in.ru/pages/o_vhojdenii_partii_grajdanskaya_initiativa_v_shirokuyu_predvibornuyu_demokraticeskuyu_koalitsiyu/ (дата обращения: 18.07.2015).

- ²⁰ Андрей Нечаев в эфире «Коммерсантъ-радио»: «Мы совершенно не конкуренты демократической коалиции». URL: http://www.grazhdan-in.ru/pages/mi_overshenno_ne_konkurenti_demokraticeskoi_koalitsii/ (дата обращения: 18.07.2015).

- ²¹ Уход Путина как дорога к миру? URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27128294.html> (дата обращения: 18.07.2015).

- ²² Гозман Л. Сказав «А», нужно говорить «Б» // Ведомости. 2015. 13 июля. № 3871.

- ²³ Там же.

- ²⁴ Там же.

- ²⁵ Там же.

УДК 32.019.51

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ АНАЛИЗА ТЕКСТОВ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. А. Казаков

Саратовский государственный университет
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

В статье рассматриваются основные методологические проблемы, с которыми сталкивается исследователь медиа-текстов, и предлагаются варианты их решения. В качестве таковых автор считает возможным использовать мнение кодировщиков, предварительно оговаривать отдельные спорные ситуации и учитывать сложившиеся принципы функционирования изданий.

Ключевые слова: массмедиа, анализ текстов, методологические ограничения, субъективизм, неоднозначность, тон, цитаты, фреймы.

Methodological Limitations of Mass Media Texts' Analysis

A. A. Kazakov

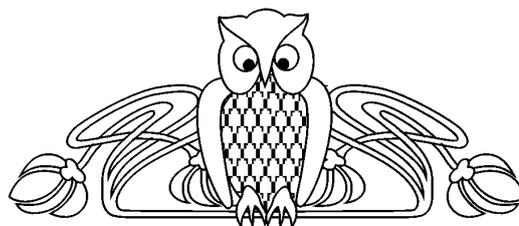
The main methodological problems a mass media researcher usually faces are considered in this article. The author deems it possible to overcome them by using coders, preliminary articulating controversial issues, and taking into consideration existing principles of media outlets' functioning.

Key words: mass media, texts' analysis, methodological limitations, subjectivity, ambiguity, tone, citations, frames.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-81-85

В современной науке материалы средств массовой коммуникации изучаются достаточно активно. Ученых интересуют самые различные аспекты медиа-текстов: особенности их содержания, арсенал используемых журналистами средств и методов воздействия на аудиторию, контекст и подтекст конкретных публикаций, их жанровое своеобразие и т. д. При этом медийные сообщения анализируются в контексте сразу нескольких социальных и гуманитарных наук: политологии, филологии, социологии, истории, психологии, философии, лингвистики.

В этой связи целью настоящей статьи является характеристика основных трудностей и ограничений, с которыми может столкнуться

ученый, анализирующий именно политическую составляющую текстов средств массовой коммуникации (СМК). Полагаем, что, изучая прессу (в данном случае речь преимущественно будет идти о печатных медиа-материалах), любой исследователь так или иначе вынужден решать целый ряд проблем технического свойства. Проблем, устранение которых способно повысить степень объективности проводимого анализа и, возможно, обратить внимание ученого на нюансы, ранее казавшиеся ему несущественными.

Разбирая те или иные ограничения, мы будем стремиться иллюстрировать их конкретными примерами из нашего собственного опыта анализа материалов печатных изданий. В данном контексте свою основную задачу мы видим не только в том, чтобы выявить и обосновать значимость конкретной «проблемы», но и по возможности предложить вариант ее решения. При этом мы ни в коем случае не претендуем на то, что предлагаемые способы устранения ограничений (как, собственно, и сами ограничения) – единственно возможные и универсальные. Отнюдь. Скорее, это наш сугубо субъективный взгляд на конкретный аспект исследования публикаций массмедиа. Будем только рады, если вокруг этого зародится научная дискуссия.

Во многом всю совокупность методологических ограничений нам представляется возможным разделить условно на три группы. Первую из них составляют трудности, возникающие из-за наличия весьма высокой степени субъективизма в толковании тех или иных компонентов текста.

Очень часто, например, коммуникативисты берутся оценивать тональность конкретной публикации, чтобы впоследствии суммировать эти оценки и на этой основе сделать вывод, скажем, о политической ориентации всего издания. Самый популярный при этом подход подразумевает отнесение статьи к одному из трех видов тона – позитивному, негативному или ней-

тральному. Казалось бы, все просто и очевидно. Однако наш исследовательский опыт говорит о том, что здесь могут скрываться, по меньшей мере, два подвоха.

Первый связан с тем, что не всегда понятно, по отношению к чему нужно оценивать степень позитивности / негативности / нейтральности тона отдельного медийного сообщения. Допустим, мы анализируем специфику освещения событий на юго-востоке Украины «Новой газетой». Читаем статью А. Минеева «Санкции не отменяют»¹. В публикации речь идет о встрече глав министерств иностранных дел стран-членов ЕС в Брюсселе. Из названия заметки видно, какой вывод делает автор из итогов прошедшего обсуждения. Каков тон данной статьи? Негативный? Но это – если исходить из позиций тех, кто считает санкции вредными для российской экономики. Однако есть ведь и те, кто считает, что санкции идут во благо, так как стимулируют развитие отечественного производства. А еще есть противники действующей в России власти (среди которых, кстати, «Новая газета» пользуется, наверное, даже большей популярностью, чем у лояльно или нейтрально настроенных к Кремлю граждан) – часть из них, видимо, будет только рада тому, что санкции останутся в силе, ибо, по их мнению, это будет способствовать падению популярности В. Путина. Для таких людей тон данной публикации будет позитивным или же нейтральным.

Представляется, что для устранения подобной проблемы необходимо в самом начале исследования четко определить, какими критериями нужно руководствоваться, оценивая тон публикаций. В данном случае это вполне могли бы быть, скажем, интересы действующей власти или, напротив, предпочтения оппозиции. Словом, обязательно наличие своеобразной системы координат («что такое хорошо и что такое плохо?») и точки отсчета в ней.

Второй связанный с определением тональности проблемный момент предполагает возможность различной трактовки тона даже при наличии изначально разработанной системы оценивания. Предположим, мы решили исходить из позиции и интересов действующей власти. Анализируем редакционную статью «Новой» «Военторг закрыт»². Каков ее тон? С одной стороны, позитивный, так как очевидно, что на какое-то время, по мнению газеты, прекращена незаконная поставка оружия из России в конфликтный регион. С другой стороны, учитывая признание того, что, несмотря на публичные заявления российских лидеров, военторг все-таки работал, тон может быть расценен и как негативный. Какой из двух аргументов в данном случае перевесит?

Разумеется, столь неоднозначные для оценки тексты встречаются не так часто. Обычно тональность публикации более или менее очевидна. Однако в любом случае важно предусмо-

треть механизм, который позволял бы сводить элементы субъективизма к минимуму. Для этого мы предлагаем использовать хорошо зарекомендовавший себя в зарубежной коммуникативистике метод кодировщиков. Его суть заключается в том, что одни и те же тексты читают несколько человек, каждый из которых самостоятельно определяет тональность конкретной публикации и фиксирует ее в отдельном кодировальном бланке. «Побеждает» в итоге тот тон, который выбрало большее количество кодировщиков. При этом отдельно подсчитываются специальные коэффициенты, характеризующие степень совпадения или расхождения мнений кодировщиков³.

Несмотря на то что данный метод действительно позволяет снизить субъективизм оценок, к сожалению, он не лишен недостатков. Прежде всего, далеко не у каждого исследователя есть возможность обеспечить работу нескольких кодировщиков. Кроме того, даже при условии предварительного обучения «оценщиков» все равно есть вероятность того, что в отдельных случаях тон будет оцениваться неверно большинством из них.

Еще один аспект публикаций, анализу которого также порой препятствует субъективизм, – это определение тематики медиа-текста. Иногда бывает чрезвычайно полезно более подробно рассмотреть то, чему конкретно – каким сюжетным линиям того или иного процесса – уделяется большее или меньшее внимание. Особенно показательным это может быть тогда, когда между собой сравниваются атрибутивные повестки дня различных изданий. Такие наблюдения позволяют сделать вывод не только об особенностях редакционной политики конкретного массмедиа, но и о степени его политической ангажированности⁴.

Вместе с тем здесь также возможны определенные трудности. Самая распространенная проблема – когда одна и та же статья по своему содержанию легко может вписаться сразу в несколько тематических блоков. В качестве примера обратимся к медийному освещению все того же конфликта на юго-востоке Украины. Вся совокупность посвященных этому материалов, опубликованных отдельными российскими изданиями в начале 2015 г., по содержанию может быть разделена на несколько условных групп: боевые действия, дипломатия, Крым, история и т. д. Подавляющее большинство текстов на эту тему будет четко вписываться в один из выделенных блоков. Однако при этом непременно попадутся и статьи, которые с равным успехом могли бы оказаться сразу в нескольких группах.

Такова, например, опубликованная в «Российской газете» статья П. Лихоманова «Порошенко на пороховой бочке», речь в которой одновременно идет и о дипломатических переговорах по поводу возможности поставок летального вооружения на Украину, и о результатах

социологических опросов крымчан⁵. Казалось бы, не так уж и важно, в какую группу попадет тот или иной текст. Однако на самом деле подобная «произвольность» в определении тематики, особенно когда речь идет об анализе большого количества эмпирического материала, может серьезно исказить итоговые расклады.

Каким образом можно этого не допустить? Думается, что оптимальным решением в таких «пограничных» ситуациях могло бы быть количественное сравнение отрезков текста (по числу знаков), посвященных различным темам. Так, если окажется, например, что о международной дискуссии вокруг поставок оружия речь идет на большем протяжении материала, а о настроениях жителей Крыма – на меньшем, значит, публикация должна быть отнесена в группу «дипломатия», а не «Крым».

Анализируя распределение текстов по тематическим группам, важно также понимать, что в случае наглядного представления полученных результатов (в виде диаграмм, гистограмм, графиков и т. д.) целесообразнее использовать не абсолютные цифры (количество статей на ту или иную тему), а процентные отношения. Ввиду того, что периодичность выхода в свет отдельных изданий бывает различной, сильно различаться может и общее количество интересующих исследователя публикаций. Поэтому куда более показательным и объективным представляется сравнение удельных долей материалов на ту или иную тему в общем массиве отобранных текстов.

Изрядная доля субъективизма сопровождает обычно и вычленение содержащихся в статьях фреймов. Вслед за В. Гэмсоном и А. Модильяни под фреймом мы склонны понимать стержневую идею текста, раскрывающую суть и содержание основного сюжета информационного сообщения⁶. На наш взгляд, сравнение транслируемых разными изданиями фреймов также может быть весьма продуктивным в контексте именно политологического анализа. Ведь зачастую различные СМК одни и те же события и процессы преподносят диаметрально противоположно. В этом смысле фрейм является той аналитической единицей, которая эту «противоположность» как раз и позволяет артикулировать⁷.

Очевидно, что сформулировать заложенный в публикацию фрейм или фреймы непросто. Еще сложнее добиться того, чтобы более или менее одинаково воспринимали фреймы кодировщики (если ученый все-таки прибегает к их помощи): один человек основной идеей текста может считать одно, другой – другое. Возможным выходом из этой ситуации нам представляется совместное обсуждение «спорных» фреймов группой кодировщиков с целью формулирования компромиссных вариантов – тех, с которыми согласился бы каждый из них.

Вторая из условно выделенных нами групп методологических ограничений также отчасти

связана с присутствием субъективизма в трактовках тех или иных элементов текста. Однако есть здесь и то, что позволяет говорить о них отдельно. Прежде всего, это изначально присущие им неоднозначность и возможность двойной интерпретации.

Возьмем, к примеру, механизмы отбора текстов для анализа. Чаще всего корпус статей формируется либо путем сплошного просмотра интересующих ученого изданий, либо через автоматизированный поиск посредством ключевых слов. Однако оба варианта селекции материалов могут выдать в том числе и такие статьи, которые не совсем однозначно будут подходить под заданную проблематику.

Предположим, нас снова интересует медийное освещение конфликта на Донбассе. В американской «Нью-Йорк Таймс» встречаем некролог о смерти В. Распутина. Казалось бы, при чем тут Украина? Однако после прочтения текста, где среди прочего говорится о том, что писатель «способствовал легитимации последней версии российского авторитаризма»⁸, возникает вопрос: не является ли данная публикация частью общей редакционной линии по созданию образа России как агрессора в отношении соседнего государства? Иначе зачем было вплетать в некролог столь смелые и спорные политические сюжеты?

Как поступать в таких случаях исследователю: включать подобный текст в корпус материалов для анализа или нет? Представляется, что в данном случае возможен компромиссный вариант – статью анализировать, но при этом относить ее в специальный тематический блок с условным названием «косвенно» или «по касательной». Практика показывает, что порой изучение таких, на первый взгляд «непрофильных», публикаций может вывести ученого на новые, изначально совершенно не предполагавшиеся умозаключения. В данном случае – например, о том, что американские журналисты зачастую стремятся транслировать собственные политические фреймы в отношении России даже тогда, когда речь в общем-то идет совсем не о политике.

Аналогичным образом можно поступать и применительно к статьям, в которых интересующая нас проблема затрагивается напрямую, но лишь на ограниченном отрезке текста. Такие варианты нередко встречаются в интервью известных личностей. Пример – запись разговора корреспондента «Российской газеты» А. Ярошенко с актрисой С. Крючковой⁹. В интервью были затронуты самые разные темы, в том числе события в соседней стране. Легко догадаться, что отношение С. Крючковой к происходившим там процессам в целом было созвучно общей редакционной политике правительственного издания. Подобные вещи – вплетение актуальных политических сюжетов в неполитические с виду тексты – на наш взгляд, следует рассматривать в качестве одного из методов воздействия на читателя.

Весьма неоднозначно можно интерпретировать также упоминания и цитаты конкретных лиц. Анализ данного аспекта медиа-текстов тоже представляется нам потенциально плодотворным. Ведь по тому, о ком чаще всего пишут и на чье мнение ссылаются, вполне логично судить и об общей информационной повестке дня конкретного издания, и о персонах, пользующихся особым вниманием редакции. Вместе с тем здесь также есть свои ограничения.

Чаще всего простой подсчет количества упоминаний определенного человека не очень информативен. Важно учитывать контекст, в котором звучит его имя. Но как это сделать? Самый очевидный способ (как и в случае с тональностью всего текста) – фиксировать тон конкретного упоминания: позитивный, негативный или нейтральный (для самого человека). Возможных проблем здесь как минимум две. Первая – субъективизм в определении тона. Решить ее можно при помощи кодировщиков. Вторая сложность – как разграничить упоминание, с одной стороны, и ссылку на слова конкретной персоны, но без использования прямой речи, – с другой? Опыт показывает, что зачастую, особенно у кодировщиков, с этим возникает изрядная путаница.

Преодоление обозначенной трудности видится нам в четкой фиксации того, что считать цитатой. В узком смысле цитата – это слова человека, приведенные дословно, в кавычках. В широком – в контексте именно политологического, а не филолого-лингвистического исследования, на наш взгляд, под цитатой можно понимать также и косвенную речь субъекта (например, фразы по типу «по словам...», «по мнению...», «... заявил о...» и т. п.). При таком – расширенном – толковании цитат, как нам представляется, упрощается разграничение между упоминанием и «цитатами» той или иной персоны.

Сам по себе механический подсчет числа цитат (здесь и далее цитаты понимаются в широком смысле) тоже дает не очень много пищи для размышлений. Думается, что гораздо более важен контекст, в котором приводятся чьи-либо слова. К примеру, автор отдельно взятой статьи «Нью-Йорк Таймс» может сослаться на слова российских чиновников в общей сложности пять раз, однако при этом трижды приведенные цитаты будут иметь негативную для России коннотацию¹⁰. При этом определение тональности цитаты, разумеется, снова потребует использования труда кодировщиков.

Чисто техническая сложность, которая обычно возникает в таких случаях, – это вопрос о том, учитывать ли каким-то образом размер цитат и как поступать с интервью. Действительно, цитата цитате рознь: где-то это может быть одна фраза, а где-то – целый абзац. Представляется, что трактовать этот вопрос нужно, исходя из задач конкретного исследования. Если анализ ци-

тат имеет для ученого первостепенное значение, целесообразно подходить к их размеру более скрупулезно: скажем, считать цитатой каждое из предложений со словами определенного человека. Примерно так же можно относиться и к интервью: либо «дробить» его на цитаты и подсчитывать их количество, либо же выносить интервью в отдельную группу и считать отдельным жанром.

Наконец, завершая разговор о цитатах, хотелось бы отдельно сказать несколько слов об использовании так называемых анонимов («по мнению высокопоставленного чиновника, пожелавшего остаться неназванным...», «из заслуживающих доверия источников...», «по имеющейся у нас инсайдерской информации...» и т. д.). Полагаем, что подобные вещи – одни из самых интересных для научного анализа. Причины для использования таких цитат могут быть разными: когда-то человек действительно не хочет раскрывать свое имя, а когда-то журналист использует «анонимов» намеренно, приписывая им то, что на самом деле он сам как автор хочет сказать (пользуясь тем, что проверить достоверность этого невозможно). Поэтому относиться к подобного рода цитатам, скорее всего, нужно предельно осторожно.

Третья группа ограничений подразумевает необходимость учета специфики функционирования различных массмедиа. Особенно актуальным это становится тогда, когда между собой сравниваются издания разных государств. Вместе с тем существенные расхождения могут быть и у газет одной страны.

Примером подобных «социокультурных» различий вполне могут быть присущие изданиям традиции формулирования заголовков. Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что, скажем, в «Российской газете» и «Новой газете» соотношение назывных и глагольных заголовков примерно одинаковое¹¹. В «Нью-Йорк Таймс» же ощутимо преобладают вторые. Поэтому, если исследователь отдельно анализирует данный аспект, необходимо учитывать уже существующие традиции и стили оформления материалов.

Как, впрочем, и при сравнении того, на каких полосах чаще всего выходят статьи на интересующую ученого тему. Естественно, чем ближе материал расположен к первой полосе, тем более важным, с точки зрения редакции, он считается. Между тем во многих изданиях отдельные полосы закреплены за соответствующими рубриками. Скажем, в «Российской газете» на восьмой странице традиционно размещаются публикации по внешнеполитической проблематике. Поэтому, анализируя значимость тех или иных текстов по критерию их места в номере, исследователь должен предварительно учесть уже существующие в конкретном издании традиции и правила.

Еще одна «ловушка» подстерегает ученого, желающего сравнить динамику количества статей по определенной теме в нескольких СМК. В таких случаях есть соблазн подсчитать общее число текстов, вышедших в каждом из изданий, сравнить эти показатели и на этой основе сделать вывод о степени важности той или иной темы для разных газет. Однако обязательно нужно учитывать периодичность выхода номеров: где-то это будет 7 дней в неделю, а где-то – только 3. Очевидно, что в первом случае интересующих ученого публикаций, скорее всего, окажется больше. Но это вовсе не будет означать, что первое издание считает тему более важной, чем второе, так как у второго просто физически меньше возможностей обращаться к этому сюжету столь же часто. В таких случаях, возможно, имеет смысл сравнить отношения средних размеров (в знаках) статей по определенной теме к среднему объему публикаций этих изданий в целом. Там, где частное будет больше, вероятнее всего, и можно будет говорить о большем внимании, уделяемом определенной проблематике.

Наглядно подобные расклады лучше представлять в виде графиков (по оси абсцисс – даты выхода номеров; по оси ординат – количество статей) с линиями трендов для каждого из анализируемых массмедиа. Направленность этих прямых позволит сделать выводы о характере изменения объема внимания, уделяемого конкретной теме.

Таковы основные методологические ограничения, с которыми может столкнуться исследователь медиа-текстов. Приведенный в данной статье перечень проблем и способов их решений, безусловно, не является исчерпывающим и не претендует на универсальность. Скорее, это те вещи, с которыми нам самим пришлось когда-то иметь дело. Другие ученые-коммуникативисты, наверняка, назовут еще целый ряд подстерегающих уже их трудностей и путей их преодоления. Однако, скорее всего, эти методологические проблемы тоже так или иначе будут связаны с необходимостью минимизации субъективизма в трактовках отдельных элементов текста.

По большому счету, мы предложили три основных способа преодоления отмеченных ограничений: использование кодировщиков, четкое предварительное определение «спорных ситуаций» и учет уже существующих в изданиях принципов и стандартов. Каждый из них, разумеется, не является панацеей от всех проблем, однако, на наш взгляд, в целом способен повысить степень объективности и верифицируемости получаемых результатов.

Примечания

- 1 *Минеев А.* Санкции не отменяют // Нов. газ. 2015. 21 янв. С. 5.
- 2 Военторг закрыт (ред.) // Нов. газ. 2015. 12 янв. С. 5.
- 3 Подробнее об этом см.: *Шестов Б.* Количественные методы исследования медийной повестки дня в зарубежной науке // Конституционные проблемы народообразования в современном мире : материалы VI Международ. конституц. форума, посвященного 105-летию СГУ им. Н. Г. Чернышевского (Саратов, 12 декабря 2014 г.). Саратов, 2015. С. 322–326.
- 4 В качестве примера подобного исследования см.: *Казаков А.* Атрибутивные повестки дня и фреймы «Российской газеты» и «Новой газеты» в контексте методов воздействия на аудиторию (на примере освещения конфликта на юго-востоке Украины) // Медиаскоп. 2015. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1706> (дата обращения: 20.07.2015).
- 5 См.: *Лихоманов П.* Порошенко на пороховой бочке // Рос. газ. 2015. 9 февр. С. 2.
- 6 См.: *Gamson W., Modigliani A.* Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power : A Constructionist Approach // *American Journal of Sociology.* 1989. Vol. 95, № 1. P. 3.
- 7 Подробнее о фреймах и фрейминг-анализе см.: *Казаков А.* Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию : обзор распространенных трактовок // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 85–90; *Шестов Б.* Теория фрейминга : основные направления изучения в современной политической науке // Актуальные проблемы политической, правового и социального развития России : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей (Саратов, 17 апреля 2015 г.). Саратов, 2015. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. С. 588–591; *Van Gorp B.* The Constructionist Approach to Framing : Bringing Culture Back In // *Journal of Communication.* 2007. Vol. 57, № 1. P. 60–78; *Weaver D. H.* Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // *Journal of Communication.* 2007. Vol. 57, № 2. P. 142–147.
- 8 *Kishkovsky S.* Valentin Rasputin, Russian Writer Who Led 'Village Prose' Movement, Dies at 77 // *The New York Times.* 2015. March 19. P. A25.
- 9 См.: *Ярошенко А.* Синдром хронической сердечности // Рос. газ. 2015. 16 янв. С. 13.
- 10 См., например: *MacFarquhar N.* Russia Shuts TV Channel for Tatars in Crimea // *The New York Times.* 2015. April 2. P. A4.
- 11 Подробнее о видах заголовков см.: *Вилков А., Казаков А.* Политические технологии формирования имиджей России и США в процессе информационно-коммуникационного взаимодействия (на материалах «Российской газеты» и «Вашингтон Пост». 2007–2008 гг.) / под ред. Ю. П. Суслова. Саратов, 2010. С. 126–130.

УДК 329.1/6

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕКРУТИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. И. Шестов, А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru, vil57@yandex.ru

В статье обоснована теоретическая позиция, согласно которой идеологические ценности в процессах рекрутирования политических элит в современных условиях выполняют вспомогательную, инструментальную роль. Это обусловлено тем, что классические метаидеологии (либерализм, консерватизм, социал-демократия) утратили четкость границ своего социального позиционирования в результате взаимного ценностного заимствования и формирования своего рода консенсусного ценностного ядра. Но отсутствие реальной конкуренции стратегических идеологических альтернатив, как представляется, есть не что иное, как обозначенное в свое время К. Леонтьевым начало упадка социально-политической системы в результате перехода ко «вторичному смешительному упрощению». Не случайно, что либеральная модель демократического «общества потребления», навязываемая всему миру в процессе глобализации как универсальная, вызывает сопротивление во многих странах мира и приводит к конфликтам различного рода.

Ключевые слова: политические элиты, виды политических элит, рекрутирование политических элит, ценностные основания рекрутирования элит, политические идеологии, процессы глобализации.

Value Bases of Contemporary Elites' Recruitment: Problems and Perspectives

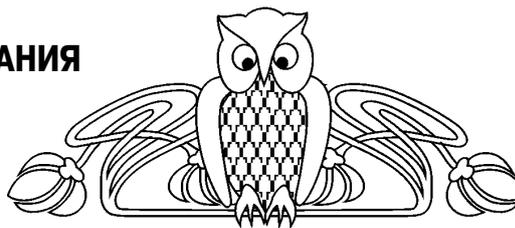
N. I. Shestov, A. A. Vilkov

The idea that today ideological values play accidental and instrumental role in the process of political elites' recruitment is postulated in this article. The reason is that classic meta-ideologies (i.e. liberalism, conservatism, and social democracy) have lost preciseness of the borders of their positioning because of mutual value borrowing and formation of a so-called consensus value core. However, the absence of the real competence of strategic alternatives is arguably nothing else but the beginning of social and political system decline in the wake of transition to «repeated mixing simplification», as it was stated by K. Leontiev. It comes as no surprise, that liberal model of democratic «society of consumption», which is imposed in the process of globalization as universal, causes obstinacy in many countries and leads to different conflicts.

Key words: political elites, types of political elites, political elites' recruitment, value bases of elites' recruitment, political ideologies, processes of globalization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-86-91

В XIX в. известный консервативный русский мыслитель К. Н. Леонтьев обосновал закономерность трех фаз развития, выведенных им для любого социально-политического организма. По

его мнению, этому закону подчинены и государственные организмы, и целые культуры мира, у которых очень ясны три периода: «1) первичной простоты, 2) цветущей сложности и 3) вторичного смешительного упрощения»¹. «Цветущая сложность» – это, в его интерпретации, пиковая фаза, фаза максимального совершенства системы, после которой начинаются «упадок», «смешительное упрощение» и вероятно даже гибель «организма».

Данная теоретическая схема приведена не для того, чтобы пророчествовать нынешним политическим элитам, российским в том числе, более или менее отдаленное, но неизбежно плохое будущее. Современные либерально-демократические механизмы воспроизводства и ротации элит если и не гарантируют их от внезапных потрясений (как это показывает опыт теперь уже многочисленных «цветных революций» в разных частях света и развитие в последний год событий на Украине), то, по крайней мере, позволяют такие потрясения пережить и реанимироваться.

Просто данное понятие, как представляется, достаточно образно и емко характеризует важное качество общей картины современного бытия политических элит. Что предстает перед глазами рядового гражданина в демократическом государстве, когда он наблюдает за политическим процессом? Он видит участие в политике разных субъектов, претендующих на элитарный статус. Он видит, как они образуют в политическом процессе определенную «элитарную тусовку». Но он ничего не может точно сказать относительно обоснованности претензий данных субъектов на элитарность. Он не может с уверенностью знать того, действительно ли в данном случае перед ним реализуется именно политическая элитарность или же происходит нечто иное, суть чего понятие «политическая элита» только камуфлирует.

Это не вопрос неспособности рядового гражданина разобраться в сути происходящего перед его глазами, это не вопрос несовершенства гражданской политической культуры. Это вопрос легитимности политического участия тех людей, которые, собственно, сами себя считают политической элитой и претендуют на лидерство в политическом процессе. А сомнение рядовых граждан в легитимности претензий на политическое лидерство тех, кто сам себя определяет в качестве политического лидера, как раз и порождает в современной либерально-демокра-

тической политике многочисленные проблемы: с одной стороны, растущую электоральную и политическую пассивность значительной части населения, а с другой – «цветные революции», «майданы» и прочие подобные эксцессы.

Например, по данным социологического опроса Левада-центра на август 2014 г.² о желании российских граждан участвовать в политике, вариант ответа «Я принимаю активное участие в деятельности политической партии/группы или активно поддерживаю ее» выбрали только 2% опрошенных; 40% респондентов выбрали вариант «Я с интересом слежу за политическими событиями в России, но не принимаю участия в деятельности политических партий/групп»; 30% отметили вариант «Я довольно безразлично отношусь к политической жизни в России, она меня не слишком заботит»; почти четвертая часть респондентов (23%) выбрали ответ «Мне не нравится политика, и я не собираюсь беспокоиться по поводу нее»; 4% опрошенных затруднились с ответом. Данные материалы показывают, что к осознанному, целенаправленному активному участию в политической жизни готово лишь минимальное число российских граждан, а интерес к политике проявляет менее половины населения. Готовность граждан к участию в политической жизни на уровне своего города еще меньшая: «определенно да» – 3%; «скорее да» – 15%; «скорее нет» – 35%; «определенно нет» – 42%; «затрудняюсь ответить» – 5%³.

На наш взгляд, объяснить такую ситуацию можно, прежде всего, тем, что гражданин, даже с вполне развитым политическим сознанием, не вполне уверен, что те, кто претендуют на роль «политика», занимаются перед его глазами именно политикой, а не бизнесом, не администрированием, не коррупционной или криминальной деятельностью, в конце концов. Теоретически подкованный гражданин в любой современной стране знает, что политика есть процесс столкновения политических интересов. Но именно эти специфические интересы ему крайне трудно выделить из общей массы всего того, что сегодня людьми, претендующими на статус представителя политической элиты, предъявляется в качестве заявки на участие в политике. Просто потому, что рядовой гражданин вынужден судить об обоснованности такой претензии на основании признаков, которые прямого отношения к политической элитарности не имеют. По крайней мере, если ориентироваться на то, как представляет очертания политической элитарности классика либеральной политической мысли.

Как выглядят в этом смысле реальные возможности российского гражданина на практике? Чаще всего о политичности статуса представителя «элитарной тусовки» сегодня ему приходится судить, например, по факту включенности этого «политика» в какой-либо административный механизм, наделенности его «административным

ресурсом» и потенциалом конвертации этого ресурса в собственные политические интересы и возможности.

В отечественных политологических исследованиях и публицистике, особенно когда затрагивается региональная тематика, за последнее десятилетие как-то уже прижились термины «административно-политическое управление», «административно-политическая элита». Данное обстоятельство говорит о том, что это проблема не одного только массового сознания. В определенном смысле можно утверждать, что эта проблема затрагивает и методологию политической науки. В современном мире демократической политики то принципиальное различие между чиновником и политиком, на обязательности которого настаивал Макс Вебер в своей классической работе «Политика как призвание и профессия», оказалось в методологическом плане не так уж и востребовано. Даже если говорить о современной Европе, можно констатировать, что в рамках Евросоюза, как организации, координирующей и направляющей политические усилия большинства европейских государств, также можно видеть реакцию на эту «политико-элитарную тусовку» самих европейцев: термин «чиновники Евросоюза» вполне прижился среди них.

Российский гражданин вроде бы обладает возможностью судить о политическом статусе представителя элиты по факту вхождения данного представителя в один из институтов гражданского общества. Вроде бы очевидно, что человек, претендующий на партийное лидерство, например, по определению должен быть представителем именно политической элиты и никакой другой. Но, с другой стороны, рядовому избирателю неизвестен реальный смысл вхождения человека в ряды партийной элиты, а опыт многих электоральных кампаний заставляет гражданина сомневаться в публичной аргументации партийных и беспартийных кандидатов в мотивах своего участия в политике.

Возникает вопрос, как претендент на представительство народных интересов может и должен именно политическими средствами заявить о своей «лучшести» (элитарности)? В идеале он должен проявить способность вести массу рядовых граждан к понятной и привлекательной для них и для него самой цели – к новому качеству экономической, социальной, правовой, культурной и, естественно, самой политической жизни. Цели настолько значимой и новой, обеспечивающей прогресс социально-экономической и государственной систем, что она придает смысл всем столкновениям политических и неполитических интересов людей и социальных групп и, что особенно важно, обосновывает те расходования государственных и общественных ресурсов на реализацию интересов, из которых тоже складывается политическая жизнь.

Однако здесь возникает другая практическая и теоретическая проблема. Достаточно заглянуть в программы большинства современных зарубежных и отечественных политических партий (если только это не организации радикально-экстремистской направленности, ставящие перед гражданами цели разрушения одного порядка и насаждения принципиально нового политического порядка, или партии, проповедующие конкретную цель государственно-национального обособления), чтобы увидеть теоретически унылую картину. Все партии выступают за то, чтобы сегодня сделать жизнь граждан «лучше и веселее» в смысле прав и гарантий, но не предлагают ничего принципиально нового в плане целей развития современных социально-политических систем, кроме уже предложенных двести лет тому назад классиками либеральной теории⁴. Возникает резонный вопрос: является ли в этом случае партийный функционер, не выполняющий возложенной на него политической функции, представителем именно политической элиты, или же он просто обычный чиновник, только трудящийся и оказывающий гражданам возмездные услуги не по государственному, а по общественному ведомству?

Это, в сущности, вариация все той же веберовской дилеммы: бюрократ – политик. Но, несмотря на свою теоретическую очевидность, этот вопрос не становится проще для рядового гражданина. Он пытается понять: находятся ли вокруг него эти самые настоящие политики, представители политической элиты, под руководством которых и он сам может попробовать самореализоваться в качестве активного политического субъекта? Или это субъекты, симулирующие свою политичность и паразитирующие на общественно-политических ресурсах?

Не становится этот вопрос проще и для политолога, который пытается найти именно политиков, именно разнообразие интересов у ее субъектов, разнообразие стратегий и тактик, целей и задач развития в практиках партийной работы. И находит все это, если вообще находит, с большим трудом. Приходится опять же руководствоваться далеким, в сущности, от классических представлений о смысле политической игры критерием отнесения субъекта к политической элите. То есть ставить вопрос не о том, есть ли у данного субъекта представление о конкретной цели движения политической системы, есть ли у него интересы к использованию властных институтов над государством и обществом для достижения именно этой цели, а находить ответы на неклассические вопросы: богат ли претендент на власть настолько, чтобы не разворовывать общественное достояние?⁵ Какие у него связи в «верхах» бюрократической вертикали? Понимает ли он бизнес и умеет ли им управлять? Симптоматично, что характеристики «крепкий хозяйственник», «компетентный организатор»,

«технократ», «эффективный менеджер» в последние полтора десятилетия стали ключевыми позициями для самоидентификации многих российских представителей политической элиты и для легитимации такого самопозиционирования в массовом гражданском сознании. Это не замедлило найти отражение и в многочисленных учебных пособиях по избирательным технологиям и формированию определенного имиджа политика.

Собственно политическое качество «лучше-сти» (элитарности) субъекта как бы постоянно ускользает от взгляда политического аналитика так же, как и от взгляда рядового гражданина. В чем причина такого ускользания? Можно предположить, что причина в том, что, действительно, у «цветущей сложности» общей картины современного бытования политических элит есть фундаментальная подоплека, которую целесообразно понять и концептуализировать.

В этом случае возможно не адресовать со стороны политической науки избыточных упреков состоянию массового сознания граждан, вследствие которого они не находят политики там, где она по всем канонам теории должна быть, и нередко просто сторонятся политического участия. Возможно также не адресовать столь же избыточных претензий элитам, которые могли бы, с точки зрения либеральной теории, в благоприятных условиях демократического процесса заниматься именно политикой, а на практике занимаются чем-то совсем другим (администрированием, бизнесом, иногда криминалом). И, тем не менее, называют это «политикой» и запутывают и без того сложные в условиях демократии общественно-государственные отношения.

Подоплекой нынешней «цветущей сложности» политических элит, возможно, явилось перераспределение ценностных статусов «прошлого», «настоящего» и «будущего» в системе политической культуры. С одной стороны, правила политической игры с отдаленнейших времен до наших дней предусматривают обязательность апелляции субъектов политики к «прошлому» и «будущему» как позитивным и негативным ценностям. Наиболее законченным форматом таких апелляций стали в последние два века истории цивилизованных обществ и государств идеологии консерватизма, либерализма и коммунизма. Разные национальные версии этих идеологий придавали «прошлому» и «будущему» значение абсолютных политических ценностей, доводили это значение (если говорить о консерватизме и коммунизме) до общественно-политического и социально-экономического идеала. В теории и, в меньшей степени, на практике только либерализм, надо отдать ему должное, стойко (хотя не всегда успешно, как показал в XX столетии революционный опыт многих европейских стран, а также самой России) стоял на страже ценности «настоящего» и искал пути выработки синтети-

ческих леволиберальных и либерально-консервативных идеологий.

С другой стороны, если посмотреть на проблему в историческом ракурсе, политика как таковая возникла и стала форматом цивилизованного существования многих народов именно в качестве практического средства расширить маленький зазор, который можно назвать «настоящим», между «прошлым» и «будущим» в архаичных социокультурных системах. Ценность «настоящего» была вписана в них в годичный природный цикл самовоспроизводства социума, детерминирована усилиями людей по воспроизводству мифов ради поддержания связи с «прошлым» и по воспроизводству магических обрядов ради поддержания связи с «будущим».

С исторической точки зрения политический процесс, в сущности, представлял и представляет собой постоянное расширение «настоящего». Это процесс актуализации «настоящего» как ценности, ориентация на которую элит и социума создает то самое политическое пространство, где одновременно могут сосуществовать и взаимодействовать самые разнообразные интересы и ресурсы социальных субъектов.

Это расширение пространства для политической активности социальных субъектов происходило и происходит за счет постепенного поглощения «настоящим», как системообразующей для политического пространства ценностью, «прошлого» и «будущего». С момента возникновения идеологий «прошлое» служило для либерализма и коммунизма в качестве обоснования закономерной необходимости революционного преобразования «настоящего». «Будущее», соответственно, служило для обоснования стратегии целенаправленного конструирования «настоящего» и тактических действий по внедрению этой идеологической конструкции в практику. Консерватизм в большинстве своих вариаций был нацелен на защиту естественных органицистских начал в «настоящем» от внедрения в него искусственных и умозрительных идеологизированных конструкций, которые, по мнению сторонников консерватизма, ставили под сомнение саму вероятность движения общества в «будущее».

Развитие гуманитарного знания в последние века истории, достижение современными людьми посредством науки понимания «прошлого» и «будущего» в рамках единой логики – все это придало такому поглощению ускоренный характер. Уже Ф. Ницше был склонен расширять границы «действительной» политики до границ «действительной» (в его специфическом понимании) культуры как таковой. В XX столетии тезис о способности политики «быть всем» и «поглотить все», в сущности, уже никем не оспаривался, кроме стойких последователей анархистского учения.

В XXI в. политика окончательно, объективно и субъективно, стала «всем». Настолько, что

подавила в развитых социально-политических сообществах даже базовые инстинкты выживания в конкурентной культурной среде, сохранения своих базовых традиций и ценностей, включая ценности религиозные, семейные, трудовые. Политика пресловутого «мультикультурализма» и «экспорта демократии» четко обозначила своей практической реализацией готовность значительной части граждан и основного состава политических элит мыслить свое существование сугубо интересами, задачами, ресурсами и рисками «настоящего».

«Прошлое» и «будущее» в современных идеологических продуктах и в практической либерально-демократической политике стали для «настоящего», как доминирующей ценности, не более чем «оправой». «Прошлое», например, можно подшлифовывать в порядке совершенствования государственных стандартов изучения истории. Крайним вариантом является переписывание мировой истории, как это делается, например, на Украине, когда главным субъектом становления мировой цивилизации объявляются вдруг доселе не известные никому мифические «укры».

«Будущее» также можно использовать для актуализации «настоящего» в порядке популяризации научной (точнее, околонучной) фантастики, имеющей к реальной политической жизни «сегодня» очень опосредованное отношение. Однако для политической актуализации «настоящего» чаще всего используют проекции будущего, обусловленные ориентацией на действующие референтные институциональные образцы. Проект объединенной Европы должен был служить в этом отношении глобальной моделью постепенного преобразования «настоящего» ее разнородных членов до уровня наиболее развитых в политическом и социально-экономическом плане стран. Однако последний мировой кризис показал, что имеющиеся противоречия внутри отдельных стран преодолеть не удалось и достигнутый рост благосостояния обеспечивался во многом за счет перераспределения ресурсов экономически более развитых стран Европейского сообщества.

По мнению К. С. Гаджиева, «парадокс современного секуляризованного мира состоит в том, что, отвергая традиционные религии и идеологии в качестве руководящих систем ценностей, норм, ориентаций, ожиданий и т. д., он в то же время создает условия для формирования разного рода новых утопий, мифов, идеологий, которые функционально выполняют роль тех же традиционных религий и идеологий»⁶. Например, целенаправленно внедряемая, но ничем не подкрепленная вера в то, что вступление в ЕС поможет Украине быстро модернизировать экономическую и социальную инфраструктуру и достичь европейского уровня жизни, стала одним из главных мотивов массового участия ря-

довых граждан в протесте на майдане против курса президента В. Януковича на сохранение и развитие взаимовыгодной интеграции с Россией и другими странами СНГ.

В настоящее время популярность приобрела постмодернистская идея, что для достижения современными обществами и государствами максимально комфортного для них существования «прошлое» и «будущее» вообще лучше выкраивать и конструировать по лекалам «настоящего» и отталкиваться в практической политике, как международной, так и внутренней, не от исторически выработанных легитимных «стандартов», а превращать в стандарт политики ее сегодняшние многообразные ситуативные состояния. Это находит отражение и в позициях современных исследователей, считающих, что «утверждение системы идеологических отношений всегда практически обусловлено»⁷. По мнению Г. И. Мусихина, в современных условиях поддержку получает тот, «кто может представить свою идеологическую позицию как устремление большинства. В этом смысле знаменитый тезис о “конце идеологии” сам может быть интерпретирован как попытка ценностного (то есть идеологического) обоснования господства носителей неких прагматических знаний. Ибо совершенно непонятно, почему мы должны доверять квалификации больше, чем убеждениям, если только не подразумевается, что квалификация предполагает наличие тех или иных убеждений или даже тождественна им»⁸. То есть «прагматические знания» совершенствования «настоящего» ставятся выше мировоззренческих и морально-нравственных принципов, определяющих вектор стратегической направленности общества в «будущее». Не случайно, что многие российские политики за последние два с лишним десятилетия с легкостью кочуют из одной партии в другую, а также с легкостью преобразуют одну партию в другую, ориентируясь на потребу дня и целесообразность текущего момента⁹.

Более того, современные варианты «классических» идеологий настолько утратили контуры своих ценностных и позиционных отличий друг от друга в результате взаимозаимствования, что позволяют некоторым исследователям констатировать: «В наше время идеологическая эклектика – доминирующий вид политического мышления, и в этом своем доминировании она стала главным морально-политическим вызовом»¹⁰. Правда, примечательно, что автор одновременно высказывает сомнение в правильности такой ситуации: «Не является ли периодически всплывающий упрек в идеологической эклектике не просто рудиментом прошлого, но и выражением какого-то глубинного представления о природе политики и идеологии, которое, несмотря на все произошедшие изменения, не может полностью исчезнуть?»¹¹

Сегодня в ходу понятие «политика двойных стандартов». Вероятно, правильное было бы

говорить о том, что современная политическая жизнь в мире «мультистандартна», основана на стремлении политических субъектов к бесконечности комбинаций и интерпретаций тех ценностей, из которых такой стандарт политики обычно складывался во все времена.

Реализация в развитых странах стратегий модернизации и – особенно – культурная глобализация придали в последние десятилетия «настоящему» уже не просто свойства доминирующей политической ценности, а свойства идеала. Концепция «общества потребления» проделала в своем развитии нормальный путь от научной гипотезы до идеологии естественного существования «современных» социально-политических систем. Стала, иначе говоря, идеологией «настоящей» политики, сводом правил мышления и поведения для «настоящих современных политических элит». Эта «настоящность» и становится сегодня видимой для рядового гражданина во всей своей полноте в виде не всегда ему понятной этой самой, образно говоря, «цветущей сложности» картины бытования политических элит в России и других странах.

Таким образом, идеологические ценности в процессах рекрутирования политических элит в современных условиях выполняют, прежде всего, инструментальную роль для сегментирования электората с целью привлечь на свою сторону голоса различных социальных групп. Это обусловлено тем, что классические метаидеологии (либерализм, консерватизм, социал-демократия) утратили четкость своих границ социального позиционирования в результате взаимного ценностного заимствования и формирования своего рода консенсусного ценностного ядра. По его поводу у представителей данных метаидеологий нет стратегических противоречий, в ходе предвыборных кампаний борьба идет лишь по поводу тактических нюансов реализации прав и свобод личности, расширения или ограничения регулирующей роли государства, конкретных вопросов социально-экономической политики. Но отсутствие конкуренции стратегических идеологических альтернатив, как представляется, есть не что иное, как обозначенное К. Леонтьевым начало упадка в результате перехода ко «вторичному смесительному упрощению». Не случайно, что либеральная модель демократического «общества потребления», навязываемая всему миру в процессе глобализации как универсальная, вызывает сопротивление во многих странах мира и приводит к конфликтам различного рода.

Примечания

- ¹ Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 116.
- ² Опрос был проведен 22–25 августа 2014 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18

лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны. См.: Левада-Центр : [сайт]. URL: <http://www.levada.ru/11-09-2014/zhelanie-uchastvovat-v-politike> (дата обращения: 11.09.2014).

³ Там же.

⁴ Подробнее см.: *Вилков А. А.* Либеральные и социал-демократические ценностные ориентиры партийной элиты в современной России // *Элитология России : современное состояние и перспективы развития : материалы Первого Всерос. элитологического конгр. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 7–8 октября 2013 г.) / ред.-изд. гр. В. В. Рудой (рук.) [и др.] : в 2 т. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013. Т. 2. С. 26–44.*

⁵ Обусловлено это тем, что бедность и политическая элитарность, как правило, на уровне массового созна-

ния как европейцев и североамериканцев, так россиян плохо согласуются между собой

⁶ *Гаджиев К.* Метаморфозы идеологии в условиях глобализации // *Власть.* 2011. № 11. С. 8.

⁷ *Баранец Н., Веревкин А., Ершова О.* Об идеологии и идеологизации науки // *Власть.* 2011. № 6. С. 127.

⁸ *Мусихин Г. И.* Идеология и власть // *Полития.* 2010. № 3–4 (58–59). С. 37.

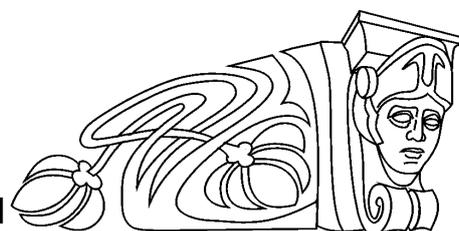
⁹ Достаточно вспомнить трансформации либеральных партий, а также процесс конструирования пропрезидентских партий власти в момент формирования многопартийности в постсоветской России.

¹⁰ *Фишман Л. Г.* Слишком много эклектики // *Полития.* 2010. № 2 (57). С. 153.

¹¹ Там же. С. 154.

УДК 32.01

«ДИСКОМФОРТНОСТЬ» РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ПРОБЛЕМА «КОМФОРТНОЙ» АЛЬТЕРНАТИВЫ

Г. М. Барашков

Саратовский государственный университет
E-mail: Eternity65@yandex.ru

Статья посвящена анализу внешних и внутренних проблем, угроз и рисков, с которыми сталкиваются современные социально-политические системы, а также поиском новой модели мироустройства, способной нивелировать противоречия современного мира, обеспечив комфортные условия для жизни и развития современных обществ.

Ключевые слова: демократия, гражданское общество, социально-политические системы, аналоговая модель, «дискомфортность» развития, либеральная демократия, кризис.

«Discomfort» of Modern Democratic Social and Political Systems' Development and the Problem of «Comfort» Alternative

G. M. Barashkov

The article is about analysis of extrinsic and intrinsic problems, threats, and risks contemporary social and political systems are facing. The author is looking for the new world order model capable of neutralizing of the modern world controversies through providing comfort conditions for the life and development of contemporary societies.

Key words: democracy, civil society, social and political systems, analogous model, «discomfort» of development, liberal democracy, crisis.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-91-95

На форуме «Валдайский клуб» (октябрь 2014 г.) Президент РФ В. В. Путин призвал участников, сидевших в зале, поразмышлять над тем, насколько комфортно существование чело-

века в современном мире. «Давайте зададимся вопросом, – сказал в своем выступлении президент, – насколько всем нам комфортно, безопасно, приятно жить в таком мире, насколько он справедлив и рационален»¹. Акцент в своем выступлении Путин сделал на внешних угрозах и рисках, с которыми сталкиваются ныне существующие социально-политические системы. Но проблема, как представляется, значительно масштабнее, шире и глубже. И вопрос, поставленный президентом, может быть развернут в другую плоскость: насколько комфортно и безопасно существование современного человека внутри самих социально-политических систем, в условиях, общие свойства которых определяются современной наукой посредством понятий «гражданское общество» и «правовое государство»? Нетрудно предположить, что между осознанием человеком внешних угроз своему существованию и ощущением им своей незащищенности в качестве гражданина современного демократического государства существует глубокая внутренняя связь. Будь среди участников форума экономист Макс Розер из Оксфордского университета, он, вероятно, привел бы статистические данные, согласно которым современный мир однозначно комфортнее и безопаснее для проживания, чем лет сто тому назад, и устроен гораздо более рационально, чем прежде. Один отечественный обозреватель так прокомментировал расчеты британского экономиста: «Многие считают, что в настоящий момент происходит существенно больше актов насилия, чем в прошлом,

это одно из самых распространенных современных заблуждений. Однако статистика говорит об обратном: несмотря на обилие мелких военных конфликтов, количество человек, убитых в их ходе на протяжении последних 50 лет, не идет ни в какое сравнение не только с Первой и Второй мировыми войнами, но и с войнами Средневековья и Ренессанса. Неуклонно снижается насилие в обществе – в 1300 году на 100 тысяч жителей европейских стран приходилось в среднем около 50 убийств в год, тогда как в 2010 году эта цифра составила 1–2 человека. М. Розер связывает этот факт с повышением грамотности и образованности населения. Действительно, если в 1475 году грамотными в разных странах Европы были от 0% до 18% их граждан, то к 2003 году этот показатель составил почти 100%². Если бы современная экономическая наука могла оперировать статистическими данными эпохи палеолита, то, несомненно, улучшения были бы еще более заметны. Но почему этих положительных изменений наши современники не готовы замечать и признать? Откуда возникает и распространяется между представителями элиты и гражданами это всеобщее ощущение возрастающей рискованности человеческого существования? Откуда у подавляющего числа граждан чувство неудовлетворенности и желания перемен?

Многие страны, выступающие сегодня оплотом либерально-демократической политики, ведут себя в области международных отношений очень агрессивно, зачастую и разрушительно для всей системы глобальных политических отношений. К большим угрозам и рискам ведет нынешняя военная и экономическая политика Евросоюза и особенно США. У этой агрессивной стилистики международных отношений есть очевидная геополитическая мотивация. По ее поводу высказался недавно российский эксперт-международник Т. Бордачев: «Россия разрушила монополию США на нарушение международного права³. Но, с другой стороны, почему возникла ситуация, при которой эта монополия стала реальностью, противоречащей той самой «рациональности» и «справедливости», о которой говорил российский президент? Если исходить из обстоятельств современной мировой политики, то нельзя сказать, чтобы наличие у США такой специфической монополии как-то позволяло им особенно комфортно и безопасно существовать в современном мире. Скорее, наоборот: США, а вместе с ними и страны Евросоюза, постоянно поддерживающие военные акции США по всему миру, – это сегодня «мишень номер один» для всего мирового терроризма и фундаментализма. Средства массовой информации почти каждый день сообщают об актах насилия против граждан США и некоторых европейских стран по всему исламскому миру и даже за его пределами. Правомерно предположить, что для тех субъектов современной политики,

которые своим агрессивным поведением делают нынешний мир полным угроз и рисков, мир стал выглядеть несправедливым и небезопасным по другим причинам, нежели для России и многих других стран, не вошедших в «золотой миллиард». Никто не пытался в противовес им монополизировать право вершить судьбы мира. Они остаются *de facto* монополистами в этой области, но не ощущают комфорта. Это обстоятельство наводит на мысль, что, вероятно, источник дискомфорта в этом случае лежит не вне современных социально-политических систем, а внутри них, в самой механике их организации. Агрессивное поведение этих субъектов геополитики, угрожающее мировому порядку, в значительной степени детерминировано резким возрастанием внутреннего дискомфорта и противоречий в самих этих социально-политических системах. В каком-то смысле это, как можно предположить, – внешняя агрессивность государств, порожденная внутренней незащищенностью граждан от политических, экономических и культурных проблем внутреннего порядка.

В чем существо такого дискомфорта? Начать, вероятно, следует с того, что заметный дискомфорт в большом числе стран цивилизованного мира ощущают политические элиты. Последний мировой экономический кризис вызвал фактический кризис Евросоюза. Одним из главных факторов такого кризиса стали опасения, распространившиеся в элитах европейских государств и особенно ярко проявившие себя в конфликте Д. Кэмерона с руководством Еврокомиссии в октябре 2014 г. по поводу новой системы расчета финансовых взносов различных стран в общую казну Евросоюза, что Брюссель монополизует экономический, политический и правовой суверенитет национальных государств Европы⁴.

Показательно, как суть этого конфликта определил сам британский премьер-министр: «Я бы не стал поднимать вопрос об отделении, если бы выход Британии из Евросоюза был бы невыгоден нашей стране. Я – патриот, все, что я делаю, я делаю из любви к своей стране... Я хочу, чтобы наша нация была сильной, гордой и самоуправляемой»⁵.

Если такого рода заботы о суверенитете нации звучат из уст государственного лидера одной из влиятельнейших мировых держав, то это означает, что современное правовое государство (на институты и принципы которого опирается весь современный либерально-демократический порядок) перестало быть средой комфортного обитания для национально-государственных политических элит. При том что формально его функции, институты, ресурсы те же, что и прежде, и даже имеют тенденцию к росту, несмотря на кризисы.

Информацией для размышления о комфортности для них современного мира стал для евро-

пейских государственных элит опыт разработки и реализации Евросоюзом стратегии и тактики вызволения из «долговой ямы» своего члена – Греции. Греция, в силу огромного дефицита государственного бюджета, сильнее многих других европейских стран пострадала от мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. Правда, очень быстро по ходу обсуждения гарантий, под которые богатые страны Евросоюза были бы готовы предоставить греческому правительству дополнительные займы, проблема из чисто экономического формата перешла в формат политический. Уже к 2010 г. продолжением обсуждения вопросов задолженности внешним кредиторам и дефицита госбюджета стало обсуждение вопроса о целесообразности сохранения Грецией своего государственного суверенитета, о способности национального правительства взять на себя ответственность за непопулярные в обществе реформы, которые, тем не менее, были прописаны в долговых обязательствах греческого правительства перед Евросоюзом. Условие предоставления новых кредитов было следующим: «Греция, чтобы убедить инвесторов в своей способности навести порядок в финансах, должна будет, согласно соглашению, провести драконовское сокращение дефицита – снизить зарплату бюджетников, пенсии, повысить пенсионный возраст для ряда категорий госслужащих, увеличить НДС, акцизы, провести приватизацию ряда отраслей, уменьшить госинвестиции. <...> В то же время греческий кризис дает Брюсселю аргументы в пользу ограничения возможностей стран самостоятельно определять бюджетную политику»⁶.

Еще один показательный пример того, откуда проистекает ощущение внутреннего дискомфорта у нынешних элит европейских государств, – это конфликт, возникший еще в 2011 г. между правительством Виктора Орбана, руководством Евросоюза и Администрацией президента США и продолжающийся до сих пор. Конфликт возник, когда реформы управления финансами Венгрии, предпринятые правительством этого государства, инициирование им новых законов о религиозных культах и других законов, идущих немного вразрез с представлениями руководства Евросоюза и США о «толерантности», вызвали крайнюю обеспокоенность судьбой демократии в этой стране у ее партнеров по политическим и военным блокам⁷. Конфликт вновь обострился в октябре 2014 г. Поводом для него послужили подозрения в коррупции в отношении некоторых высших должностных лиц в руководстве Венгрии, а причиной стало нежелание венгерского руководства строго придерживаться режима санкций, введенных США и Евросоюзом, другими странами мира против России. Ответом стали довольно резкие высказывания руководителей Венгрии в том смысле, что имеет место покушение на политический суверенитет государства,

поскольку речь шла о введении США запрета на въезд на свою территорию некоторых венгерских должностных лиц, список которых даже не был официально доведен властями США до властей Венгрии⁸.

Не меньший, а, может быть, и больший дискомфорт должны в складывающейся в мировой политике и экономике ситуации ощущать массы рядовых граждан. Дискомфорт от осознания того, что принадлежность к своему государству и своему обществу не позволяет гражданину дистанцироваться от внешних угроз. И, более того, приближает его к угрозам, идущим изнутри самой социально-политической системы. Для примера, чтобы был понятен объективный источник таких опасений, возьмем проблему государственного долга США. Пример позволителен, поскольку, пусть в меньших масштабах, с проблемой катастрофического роста государственного долга, особенно после начала в 2008 г. мирового экономического кризиса, столкнулись многие государства «западного» мира. «Даже если принять за основу среднеарифметическую цифру, – пишет украинский эксперт по фондовым рынкам М. Дуда, – количество одновременно работающих американцев составляет $153 - (316 \cdot 22\% = 69 \text{ млн чел.}) = 84$ миллиона человек. Государственный (только государственный!) долг США на момент написания статьи превысил 17 триллионов 885 миллиардов 545 миллионов долларов. Разделив долг между всеми работающими американцами, выясним, что на каждого из них приходится более 212 тысяч долларов долга Соединенных Штатов (при официальном уровне безработицы – около 140 тысяч долларов). То есть для возврата американских долгов каждый работающий американец должен работать 65 месяцев (официально – 42). Такая ситуация стала возможной потому, что существенная часть их заработной платы обеспечивается не реально созданным продуктом, а теми внешними заимствованиями, которые постоянно проводит правительство США, пользуясь и тем, что доллар лежит в основе мировой финансовой системы, и своим доминированием в мире. Так что военное, политическое и экономическое вмешательство всюду и везде объясняется обыкновенным желанием жить хорошо и нежеланием быть самодостаточными»⁹.

Данные, которыми оперирует эксперт, в целом хорошо всем известны. Тема поистине фантастического государственного долга США ни для кого не является в современном мире секретом. И эта ситуация, которую эксперт просто более подробно разложил на составляющие ее проблемы, достаточна для того, чтобы любой рядовой гражданин развитой страны ощутил себя беззащитным перед своим будущим.

О широкой распространенности ощущения беззащитности среди граждан любой современной страны можно говорить с уверенностью по-

тому, например, что вся мировая экономическая система замкнута на долларовую денежную массу и долларовые же финансовые операции. Любое колебание курса доллара на мировых финансовых рынках автоматически влечет за собой цепочку встрясок на национально-государственных рынках, инфляцию, падение уровня жизни трудящегося населения, сворачивание государственных социальных программ и т. д. Еще древние говорили, что ворота города, которые не открыли стенобитные машины, откроет осел, нагруженный мешками с золотом. Эта пословица, наверное, вполне точно передает и уровень осознания своей защищенности современными гражданами, ворота главной крепости которых – национального государства – в любой момент, как показала история зарождения мирового кризиса в 2008 г., могут рухнуть под напором проблем на долларовом рынке.

Для граждан современных правовых государств есть и другие причины ощущать дискомфорт от существования в пределах собственной социально-политической системы. Для одних социально-политических систем это – непобедимая коррупция. Когда в борьбу с ней пытается включиться пострадавшее от нее общество, то нередко, как это имело место в среднеазиатских постсоветских государствах, в Грузии, в Украине, борьба с коррупцией в различных эшелонах власти заканчивается «цветными» революциями и гражданскими войнами. Для других социально-политических систем это – особенности нынешнего функционирования их правовых подсистем. Это относится в основном к странам либеральной демократии. Гражданам, представляющим культурное и политическое большинство, объективно трудно чувствовать себя комфортно и безопасно под опекой правовых механизмов, ориентированных в своей деятельности на соблюдение прав разнообразных «меньшинств» (от эмигрантских сообществ до сообществ ЛГБТ). Гражданин в современном развитом правовом государстве не может быть уверен в том, что многие так называемые незыблемые ценности, к числу которых он исторически привык причислять ценности морали, семьи, религии, трудовой деятельности, в свете такой ориентации правовой системы остаются в полном смысле незыблемыми ценностями.

Источником сомнений гражданина в комфортности своего существования и справедливости миропорядка служит и состояние культурной среды, в которую он помещен по факту рождения. Политика европейского мультикультурализма и североамериканского «плавленного котла», которая должна была обеспечить всем гражданам в странах либеральной демократии комфортное сосуществование независимо от языка, вероисповедания, цвета кожи и даже отчасти образа мыслей и образования (на это ориентировала пресловутая Болонская система),

потерпела историческое фиаско. Фактически же единственная стратегическая задача, которую она решила, – это создание условий для легализации и легитимации в культурном пространстве стран либеральной демократии антилиберальных и антидемократических идей, ценностей и политических практик¹⁰.

Ответом на этот провал стал большой (судя по росту авторитета европейских правых и праворадикальных партий и движений) рост озабоченности массы рядовых граждан, что выражается в росте поддержки ими правых партий и движений, перспективой своего комфортного существования в гражданских обществах бок о бок с эмигрантами, религиозными фундаменталистами, этническими диаспорами.

О нарастающей дискомфортности существования современных элит и граждан в той среде, границами которой выступают либеральное гражданское общество и правовое государство, давно и на серьезном теоретическом уровне заговорили отечественные и зарубежные исследователи. В какой-то мере толчком к обсуждению проблемы «хорошей» политики как условия комфортного существования современного «человека политического» и как платформы прогресса гражданского общества и правового государства послужило появление русского перевода книги известного экономиста Джона Роулза «Теория справедливости»¹¹. Авторская концепция при всех ее недостатках, о которых говорили ее критики из числа отечественных политологов, социологов и экономистов, обладала важным методологическим достоинством. «Хорошей», в плане обеспечения комфортного существования человека, в концепции американского экономиста признавалась лишь та политика, в которой между «честностью», «рациональностью» и «справедливостью» (как ее принципами и мотивациями) можно было бы поставить знак равенства. То, как сам автор связал между собой эти ключевые принципы, вызывало и будет впредь вызывать научные споры. Но при всех недостатках типично экономического понимания автором «справедливости» как уравнительного распределения ресурсов и благ теория представляет собой серьезную попытку осмыслить природу внутреннего дискомфорта в современных развитых политических и экономических системах, который испытывают участники политического и экономического процессов, и наметить путь преодоления такого дискомфорта, не слишком далеко отклоняющийся от традиционных для либеральной демократии представлений о сущности гражданских прав и свобод, о компетенциях государственной власти.

Обычно у многих других научных рецептов преодоления дискомфортного состояния демократических социально-политических систем есть один общий недостаток. В тех случаях, когда рецепт принадлежит либеральному теоретику, в

основании его предложений всегда лежит понимание либеральных институтов, существующих ныне, как достигнутого идеала, дальше которого двигаться в политическом проектировании некуда и не имеет смысла. Рецепты, предлагаемые социалистически и консервативно ориентированными теоретиками, напротив, чаще всего основаны на представлении, что достижение политического, экономического, культурного и правового комфорта возможно только на путях отказа от либерально-демократической модели организации общественной и государственной жизни, доминирующей в современном цивилизованном мире.

Дж. Роулз оказался, возможно, ближе других современных либеральных и антилиберальных теоретиков к пониманию сути тех процессов, которые сегодня происходят в массовом сознании. К пониманию того, что современные граждане, ощущающие дискомфорт от своего участия в либерально-демократической политике, от незащищенности от угроз внешнего мира, опасаящиеся за свое благополучие в будущем, менее всего склонны к радикальным решениям. К радикализму как в отстаивании традиционных устоев либеральной демократии, так и в их сломе. Первый означает отказ от прогресса и опасность оказаться на обочине глобализации в том случае, если в этом глобальном соревновании стран и народов за место в будущем «рациональном и справедливом» мире победят антилиберальные, традиционалистские и фундаменталистские силы. Второй означает угрозу растерять все богатство современной цивилизации: материальное, культурное, моральное, правовое. По сути, Дж. Роулз поставил проблему, что современности нужен некий аналог той среды обитания «человека политического», какая была им создана прежде, в предшествующие два столетия, и названа либеральной демократией, гражданским обществом и правовым государством. Аналоговая модель, в рамках которой не были бы столь же острыми, как в либеральных моделях гражданского общества и правового государства, противоречия между очень конкретными представлениями людей рациональности и справедливости того или иного в политике, экономике, праве и культуре и весьма размытыми представлениями об «общечеловеческих» ценностях, которые, как верно заметил еще на рубеже XIX и XX вв. философ Ф. Ницше, на практике оказываются «по ту сторону» от этих конкретных социальных представлений

о справедливости и рациональности, по ту сторону добра и зла, как говорил философ.

Это проблема модели такого нового мироустройства, включенность в которое не заставляла бы современного человека размышлять над тем, над чем просил поразмышлять своих слушателей российский президент: насколько всем нам комфортно, безопасно, приятно жить в таком мире, насколько он справедлив и рационален?

Примечания

- 1 Остановить глобальный хаос // Рос. газ. 24 октября 2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/10/24/putin.html> (дата обращения: 28.10.2014).
- 2 Карпов М. Жить стало лучше // Русская планета. 30 октября 2014 г. URL: <http://rusplt.ru/world/jit-staloluchshe-14002.html> (дата обращения: 31.10.2014).
- 3 Лукьянов Ф. Оборона тайги. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/6282445.shtml> (дата обращения: 31.10.2014).
- 4 См.: Кэмерон Д. В ближайшие годы ЕС ждет крах. URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/1782744> (дата обращения 31.10.2014).
- 5 Дэвид Кэмерон шантажирует Евросоюз // Дни RU. Интернет-газета. 29.09.2014. URL: <http://www.dni.ru/polit/2014/9/29/281982.html> (дата обращения: 31.10.2014).
- 6 Греция получила помощь. Евросоюз – новые проблемы // Финмаркет. 04 мая 2010 г. URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/1487732> (дата обращения: 30.10.2014).
- 7 См.: Премьер Виктор Орбан идет на усиление конфликта Венгрии с ЕС, США и МВФ. URL: <http://ru.rfi.fr/evropa/20111230-premer-viktor-orban-idet-na-usilenie-konflikta-vengrii-s-es-ssha-i-mvf/> (дата обращения: 30.10.2014).
- 8 См.: США ввели санкции против граждан Венгрии, запретив им въезд на свою территорию. URL: <http://globalconflict.ru/geopolitics/83412-ssha-vveli-sankcii-protiv-grazhdan-vengrii-zapretiv-im-vezd-na-svoyu-territoriyu> (дата обращения: 30.10.2014).
- 9 Дуда М. Почему США сеют хаос на Украине // ИА REGNUM. 24.10.2014 01:17. URL: <http://www.infox.sg/others/frame/mihail-duda-pochemu-ssha-seyut-haos-na-ukraine/> (дата обращения: 30.10.2014).
- 10 См.: Вилков А. А. Полиэтничность и мультикультурализм как факторы политической идентичности в современном мире // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Вып. 9. Саратов : Саратов. гос. ун-т, 2014. С. 9–20.
- 11 Роулз Дж. Теория справедливости / пер. с англ., науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.

УДК 328.36

МОДЕЛИ ИСЛАМО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ТАТАРСТАН И ДАГЕСТАН

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье исследуются различные виды постсоветской исламской политики в двух регионах России: Дагестане и Татарстане. Сопоставление этих двух исламских ареалов отражают наиболее очевидные различия в характере постсоветского мусульманского возрождения и политизации ислама. Автор доказывает, что в России формируются разные исламы, не позволяя говорить о складывании единой мусульманской уммы. Это обстоятельство не только открывает возможность осмысления различных исламо-политических феноменов, но также делает в перспективе вероятным столкновение разных исламов в Поволжье: татарско-старожильческого и мигрантско-кавказского.

Ключевые слова: ислам в Татарстане и Дагестане, характер мусульманского возрождения, региональные исламо-политические особенности, столкновение исламов.

The Models of Islamic Political Transformation in Post-Soviet Russia: Tatarstan and Dagestan

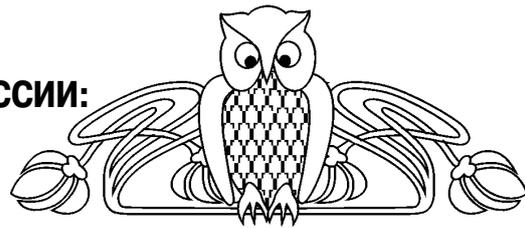
D. G. Mirzakhanov

In article studies different types of post-Soviet Islam politics in two crucial Muslim republics: Dagestan and Tatarstan. The comparative analysis of these Muslim areas reflects deep differences in nature of post-Soviet Islamic renaissance as well as Islamic politization. The author argues that in modern Russia is rising «different Islams». This perspective opens probability to clash between «different Islams»: local Tatars-countrymen communities and diaspora-Caucasian communities.

Key words: Islam in Tatarstan and Dagestan, nature of Muslim renaissance, regional specific of Muslim development, clash of Islams.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-96-99

Постсоветский период стал временем динамичного развития исламского сообщества на территории современной России. Отечественное исламское сообщество, будучи сложным явлением со множеством феноменологических характеристик, неоднородно, прежде всего, по своей социально-территориальной организации. Такой подход привел к появлению исследований, анализирующих два основных центра мусульманского развития – Дагестан и Татарстан. Сравнительный анализ развития ислама в этих двух ареалах стал весьма популярным и уважаемым сюжетом в научной литературе¹. Это особенно актуально в связи с тем, насколько активно используется исламский фактор в технологиях «цветных» революций в различных регионах мира².

В статье исследованы различные виды постсоветской исламской политики в двух регионах России: Дагестане, Татарстане. Данная работа основана на допущении, что сопоставление этих двух исламских ареалов даст возможность осмыслить различия в характере постсоветского мусульманского возрождения.

Татарстан: модель ислама, патронируемого государством

Татарстан представляет собой центр исламского возрождения в Поволжье. В то же время он является «полумусульманским» регионом с высокой долей неисламского населения, в первую очередь православного. Самооценка Татарстана как «колыбели российского ислама» восходит к истории – к 922 г., ко времени принятия ислама Волжской Булгарией. Сегодня в Татарстане действует более тысячи мечетей, примерно такое же количество религиозных общин, а также развитые мусульманские институты и исламская социальная инфраструктура. Казань имеет историческую репутацию «северного форпоста Ислама»³, а республика является влиятельной частью российского мусульманского сообщества, причем с претензией на роль реформистского авангарда. Последнее связано с тем, что в конце XIX в. татарский ислам прошел реформу («джадидизм»). Это позволяет здешним политикам сегодня говорить о модернизированном исламе, для которого был специально придуман соответствующий пропагандистский термин – «Евроислам». Изобретенный в середине 1990-х гг., он был призван подчеркнуть местную мусульманскую исключительность в понятиях мягкости и толерантности. Политический смысл «Евроислама» заключался в том, что он был разработан как актуальная внешнеполитическая новация, нацеленная на получение дипломатических выгод для татарстанской элиты в 1990-е гг. – период наиболее острого политического противостояния по линии Москва – Казань. Нельзя согласиться с мнением А. Крымина и Г. Энгельгардта о том, что после 11 сентября 2001 г. власти Татарстана превратили доктрину «Евроислама» в средство расширения внешних контактов, а также в инструмент собственной рекламы как силы, способной реализовать позитивное сосуществование мусульман со светским обществом⁴. Думается, что данная доктрина уже выполнила свою роль в 1990-е гг. Утилитарный

аспект «Евроислама» заключался в его антифундаменталистской аргументации. В частности, он был призван оградить имидж республики от пугающих Запад признаков мусульманского радикализма. Об этом еще в 1996 г. на официальном уровне заявил М. Шаймиев: «Наш ориентир, безусловно – Западная Европа. Это для нас особенно важно, этим самым нас не затронет исламский фундаментализм. Нам в данном случае в стратегическом плане выгодно подальше держаться от фундаментализма»⁵. Республиканские власти взяли курс на мягкую и умеренную мусульманизацию татарского общества под опекой властей по образцу кемалистской Турции. Позднее, в августе 2005 г., политический советник Шаймиева, директор Института истории АН РТ Р. Хакимов даже предложил использовать мечеть Кул Шариф не по прямому назначению, а в качестве музея ислама, дабы не «насторожить европейцев»⁶.

В российском экспертном сообществе, а также внутри отечественной мусульманской уммы существуют противоречивые оценки татарстанской «модели», но в большинстве случаев она воспринимается как откровенная государственная опека: модель ислама, патронируемая государством. Светские власти Татарстана в феврале 1998 г. решительно вмешались в мусульманскую жизнь республики и осуществили объединение соперничающих муфтиятов в единый муфтият. Так процессы развития местного исламского сообщества были поставлены под контроль государства. В 2000 г. руководство РТ учредило Российский исламский университет, около половина расходов которого, по информации японского исследователя Кимитаки Мацузато, покрывается из бюджета республики. Объединенному Духовному управлению мусульман Татарстана (ДУМ РТ) республиканские лидеры предоставили особняк в центре Казани. Осуществляется финансовая поддержка ДУМ РТ из республиканского бюджета. Шаймиев дал неофициальное указание главам районных администраций обеспечить строительство мечети в каждом селе⁷. Довершает картину опрос, проведенный уфимским социологом Рушаном Галлямовым, который показал, что мусульманские активисты и лидеры Башкортостана завидуют благополучию своих татарстанских коллег⁸. Отвечая на замечания о том, что опека светскими властями исламского сообщества отрицательно влияет на религиозное сознание мусульман, Рафаэль Хакимов откровенно говорил о том, что целью объединения соперничающих муфтиятов было не развитие исламского сознания, а нормализация общемусульманской ситуации⁹.

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые предварительные выводы по поводу Татарстана. У татар слабо выражена исламская солидарность на фоне гораздо более сильно развитой этнической идентичности. По мнению известного аналитика, председателя Исламского

Комитета России Гейдара Джемаля, татарские мусульмане не считают себя частью мировой уммы. Ислам переживается ими как аспект «некоего этносолидарного плана»¹⁰. Как отмечает ректор Казанского исламского университета Р. Мухаметшин, в Татарстане духовное управление мусульман, «хотя и было самостоятельной организацией, развивалось как одна из фракций национального движения»¹¹. Наконец, многие татарские светские и религиозные лидеры выступили против «арабизмов», отстаивая ключевую роль татарского языка как языка мусульманских проповедей. Точнее всех по этому поводу высказался Р. Хакимов, который заявил о том, что в XXI в. окончательно завершится процесс «лингвистической национализации ислама»¹². Даже инициативу по примирению соперничающих общероссийских мусульманских структур – Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМР) под руководством Талгата Таджудина и Совета муфтиев России (СМР) под руководством Равиля Гайнудина взял на себя исполнительный комитет Всемирного конгресса татар. Примирение состоялось в июне 2005 г. во время торжеств на открытии знаменитой казанской мечети Кул Шариф.

Дагестан: творческая сложность и потенциал исламо-политической самоорганизации

Возрождение ислама в Дагестане в постсоветский период проходило в совершенно иных политических условиях, нежели в Татарстане и в целом в Поволжье. Отличия были обусловлены особенностями развития Северного Кавказа и, самое главное, сложившейся в 1990-е гг. военно-политической обстановкой в регионе. В атмосфере военно-силовой эскалации, связанной, в первую очередь, с конфликтами в Чечне, ислам оказался сильно политизирован. Если говорить о количественных характеристиках мусульманского развития, то Дагестан – самый исламизированный регион России. Ислам начал распространяться в России в VII в. через дагестанский город Дербент, который можно назвать колыбелью российского ислама. Постсоветские десятилетия стали для республики периодом стремительного исламского возрождения. Здесь сосредоточены 23 шейха различных тарикатов (суфийских традиций), 13 исламских теологических вузов, функционирует более 2245 мечетей – более 80% всех культовых мусульманских сооружений России; 80% паломников и столько же культовых сооружений и вузов приходится на республику, где проживает лишь 7% российских мусульман¹³. В Дагестане, где мусульман подавляющее большинство населения, признаки исламского возрождения, создающие мусульманское пространство, заметны сегодня во всех населенных пунктах без исключения.

Помимо приведенных количественных показателей важно отметить качественные характеристики дагестанского ислама. Драматизм дагестанского исламского возрождения заключается в том, что именно в республике кристаллизировались идеи исламской социальной и политической альтернативы. В Дагестане заявили о себе идеологи исламского фундаментализма, такие как бывший в начале 1990-х гг. амиром Партии исламского возрождения Ахмедкади Ахтаев (умер в 1998 г.), сторонник создания на Северном Кавказе исламского государства шейх Багаутдин, руководитель Союза мусульман России Надир Хачилаев. Ислам в Дагестане обладает также внушительным мобилизационным потенциалом. Именно в этой республике в 1997 г. сложился мощный, как принято было говорить, «ваххабитский» джамаат в составе сел Карамачи, Чабанмахи, Чанкурбе и Кадар – так называемая «кадарская зона», которую лидеры местных исламистов объявили «исламской территорией». Имели место попытки установить на указанной территории законы шариата. Другим существенным фактом исламской социальной мобилизации стал телемарафон «Дорога в рай», проведенный в республике в 2007 г. с целью сбора средств на расширение и благоустройство Центральной джума-мечети Махачкалы. Тогда на призыв пожертвовать свои средства откликнулись тысячи мусульман республики, собравших на реставрацию мечети около 30 млн руб. Все это говорит о том, что для местного мусульманского развития характерны массовый охват, творческая сложность и самодостаточность.

«Столкновение исламов»?

Необходимо отметить новую тенденцию, пока не получившую оценки со стороны исследователей. Речь идет о непосредственном столкновении местного татарского и миграционного кавказского исламских факторов. Можно определенно утверждать, что многие представители татарской мусульманской верхушки видят в кавказских мусульманах не столько единоверцев, сколько чужаков, несущих опасность. Еще в 2004 г. нынешний муфтий Пермского края М. Хузин яростно обрушился на мигрантов-мусульман, назвав их не иначе как «воплощением криминала»¹⁴. Боязнь со стороны поволжских исламских функционеров кавказского мусульманского фактора вырвалась наружу и в коллективной форме. В качестве иллюстрации к этому выводу приведем фрагмент из стенограммы встречи полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе М. Бабича с мусульманскими лидерами округа в апреле 2012 г. По сути дела, налицо обращение татарских исламских лидеров в адрес федеральной власти с жалобой на экспансию кавказского ислама в Поволжье. Стенограмма фиксирует следующий диалог: «*М. Бабич*: ...А вот скажите, пожалуйста, по поводу переселения

мусульман с Северного Кавказа в Поволжский регион... *М. Хузин (председатель ДУМ Пермского края)*: Есть переселение трудовых мигрантов, к которым мы должны относиться положительно. Но есть переселение по религиозным соображениям. Вот к этому моменту мы, наверное, должны более пристально посмотреть. *М. Бабич*: А вот сейчас едут к нам – это трудовые мигранты или это по религиозным соображениям или еще какие-то? *М. Хузин*: Нет. Не трудовые мигранты. *М. Бабич*: А какой масштаб? *М. Хузин*: Вот это переселение оно насчитывает всего последние несколько месяцев. *М. Бабич*: О чем мы говорим, о десятках, о сотнях, сколько их? *М. Хузин*: О тысячах уже... С учетом того, что все, скажем так, диаспоры между регионами координируют свои действия, мне кажется, на это стоит обратить внимание. *И. Файзов (бывший муфтий Татарстана)*: И это доказательство тому, что во всех волнениях в мечети Кул Шариф были замечены товарищи с Кавказа, в основном дагестанцы, которые представляют некие силы, негативные силы»¹⁵.

Описанный процесс можно рассматривать в качестве особого ракурса политизации поволжского ислама. Этот факт не только свидетельствует о том, что российский ислам имеет ярко выраженные региональные профили и характеристики, но и ставит под сомнение перспективу складывания общероссийской мусульманской уммы. Данный аспект также позволяет выдвинуть вопрос о том, каким станет исламский облик Поволжья в будущем: татарско-старожильческим или диаспорно-мигрантским.

Важный вывод статьи заключается в том, что мусульманская татарская община и мусульманская дагестанская община сильно различаются по темпам и характерным признакам постсоветского исламского развития. Как отмечает Г. Джемаль, для татар типичной является ситуация, когда политика и ислам разведены по следующим линиям: политика связана с национальным самосознанием, а ислам – с конфессиональным. В отличие от такой модели, дагестанские мусульмане исходят из того, что они являются частью мировой исламской уммы, а политика и ислам тесно связаны.

Суммируя вышесказанное, мы обнаруживаем парадоксальную ситуацию. Ортодоксальная дагестанская версия раннего шафиитского ислама функционирует на самом деле как демократический фактор. Республика отличается силой территориальных мусульманских общин в лице самостоятельных джамаатов. На этом фоне оцениваемая как более современная и более либеральная версия ханафитского ислама в Татарстане существует на самом деле как инструмент светских властей республики. Такой результат не может оцениваться положительно или отрицательно. Он – продукт многовековой трансформации поволжского магометанства, духовные управления которого традиционно находились под контролем государства.

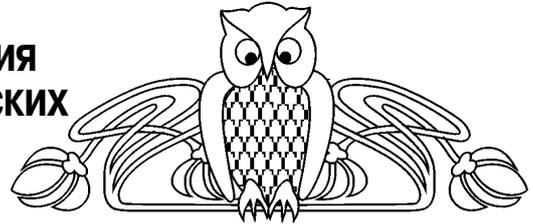

Примечания

- 1 См.: *Yemelianova G.* Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation // *Nationalities Papers.* 1999. Vol. 27, № 4. P. 605–629 ; *Малашенко А.* Два несхожих ренессанса // *Отеч. зап.* 2003. № 5. С. 56–65. Интересный факт: в 1997–1998 гг. в Центре российских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета (Англия) под руководством доктора Хилари Пилкинтона выполнялся научный проект «Ислам в Дагестане и в Татарстане».
- 2 См.: *Вилков А. А.* Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59.
- 3 См.: *Мацузато К.* Дискурсы и поведение мусульманских деятелей Волго-Уральского региона. Влияние региональных образов самовосприятия и стратегии областных администраций // *Ислам от Каспия до Урала : макрорегиональный подход : сб. ст. / под ред. К. Мацузато.* М., 2007. С. 118–158.
- 4 См.: *Мухарьямов Н.* Ислам в Поволжье : политизация несостоявшаяся или отложенная? // *Там же.* С. 64–65.
- 5 *Магомедов А. К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России : модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000. С. 153.
- 6 *Мацузато К.* Указ. соч. С. 133–134.
- 7 См.: *Мухарьямов Н.* Указ. соч. С. 13–70 ; *Мацузато К.* Указ. соч. С. 131.
- 8 См.: *Галлямов Р.* Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе : сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // *Ислам от Каспия до Урала : макрорегиональный подход.* С. 71–117.
- 9 Цит. по: *Мацузато К.* Указ. соч. С. 132.
- 10 *Джемаль Г.* Освобождение Ислама. М., 2004. С. 199.
- 11 *Мухаметшин Р.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005. С. 250–251.
- 12 *Хакимов Р.* Где наша Мекка? Казань, 2003. С. 20, 21.
- 13 См.: *Ибрагимов М.-Р., Мацузато К.* Чужой, но лояльный : причины «нестабильной стабильности» в Дагестане // *Полис.* 2005. № 3. С. 102–115 ; *Matsuzato K., Ibragimov M.-R.* Islamic Politics at the Sub-regional Level in Dagestan : Tariqa Brotherhoods, Ethnicities, Localism and Spiritual Board // *Europe-Asia Studies.* Glasgow, 2005. Vol. 57, № 5. P. 753–779 ; *Ibragimov M. R., Matsuzato K.* Contextualized Violence : Politics and Terror in Dagestan // *Nationalities and Ethnicity.* 2014. Vol. 42, iss. 2. P. 286–306.
- 14 *Мухарьямов Н.* Указ. соч. С. 37.
- 15 О чем говорят российские муфтии. Отрывок стенограммы встречи полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе с представителями мусульманского сообщества 26 апреля 2012 г., г. Оренбург. URL: www.ansar.ru/person/2012/7/17/31891 (дата обращения: 28.05.2012).

УДК 323.22/28

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

А. Р. Салгириев

Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный
E-mail: 010585@list.ru

Рассматриваются методологические основания, проблемы и особенности политического управления на Северном Кавказе. Исследуются этнополитическая ситуация в регионе, политические элиты и иные акторы. Освещены некоторые причины политической напряженности в регионе, выработаны механизмы ее решения и рекомендации.

Ключевые слова: технологии, политическое управление, Северный Кавказ, этнос, конфликты, элиты.

Technology Policy of the Regional Political Processes in the North Caucasus

A. R. Salgiriev

The methodological base, problems and peculiarities of political control in the North Caucasus. We study the ethno-political situation in the region, the political elites and other actors. We highlight some of

the causes of political tensions in the region, to develop mechanisms for decisions and recommendations.

Key words: technology, political governance, North Caucasus, ethnicity, conflict, elite.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-99-102

Под технологией обычно понимается система последовательных процедурно стандартизированных контролируемых действий (операций), осуществляемых ради достижения заранее определенной цели и пригодных для воспроизводства. Политической технологией является технология, применяемая для достижения политических целей. Структура политической технологии предполагает планирование, организацию, мотивацию, контроль, оценку, реализованные в определенный период времени.

Самым популярным и продуктивным методологическим основанием в отечественных исследованиях по политическому управлению

стал структурно-функциональный метод. Политическое управление рассматривается как интегрирующая функция политической системы, обеспечивающая ее жизнедеятельность, структурирующая и направляющая политический процесс. Так, ведущий российский исследователь политического управления Л. В. Сморгунов понимает под ним в широком смысле «управление процессами прямой и представительной демократии, международными отношениями, а также менеджерскими подходами к государственному управлению»¹. В узком смысле данный термин означает теорию и практику управления массовыми политическими кампаниями и политическими процессами влияния гражданского общества на государство. Как видим, Л. В. Сморгунов не включает в сферу политического управления локальных политий, которые являются одним из важнейших элементов гражданского общества.

Три возможные модели взаимодействия между государством и гражданским обществом рассмотрены в работе А. А. Вилкова, констатировавшего, что «российская специфика заключается в том, что политико-правовые нормы и государственные решения не только задают условия и рамки, в которых субъекты гражданского общества осуществляют свои практики, но и в том, что властные структуры нередко выступают инициаторами преобразований в данной сфере. Тем самым институты гражданского общества фактически включаются в сферу политического управления на основе определенных политических технологий»².

В близком данному направлению ключевые написаны и работы Г. В. Пушкаревой. Особое внимание исследователь обращает на когнитивные и поведенческие аспекты механизмов обратной связи «среда – политическая система» в процессе политического управления. Под политическим управлением она понимает, в первую очередь, управление политическим процессом посредством выборов³.

Второе направление в изучении политического менеджмента на сегодняшний день можно назвать инструментальным (психологическим). Оно представлено работами психологов В. И. Жукова, А. В. Карпова и Л. Г. Лаптева, посвященными психологии управления в сфере политики⁴. Характерной особенностью их исследований стало изучение политического управления через способы и приемы эффективного управленческого труда, которые применяются в современной практике в стране и за рубежом.

Третье направление в исследовании политического управления – культурологическое. Оно представлено исследованиями С. А. Морозова, Е. В. Морозовой, А. П. Зиновьева, Н. В. Кольба. Политическая деятельность является системообразующим фактором политической культуры. Будучи опосредованной политическим со-

знанием, она объективируется в политическом управлении. В данном аспекте политическое управление предстает как важнейший институциональный механизм трансляции политических традиций, накопления и реализации реального политического опыта, развития политических инноваций в рамках реализации политических интересов различных социальных групп и отдельных индивидов⁵.

Как отмечает С. М. Маркедонов, сохранение хрупкого политического и управленческого баланса на основе этнического представительства стало дагестанским управленческим ноу-хау, весьма далеким от лучших образцов демократии, но самой демократичной системой из всех возможных в республике «здесь и сейчас». В постсоветском Дагестане укоренилось представление о коллегиальной форме правления (даже урезанной) как о барьере для монополизации власти и собственности одной этнической группой⁶. Такая система при всех ее недостатках (усиление традиционализма, закрепление клановости в управлении и др.) позволила сохранить относительную стабильность в республике в сложных условиях.

Говоря о проблемах управления этническими отношениями, В. А. Авксентьев отмечает, что в начале 2000-х гг. в регионе произошла частичная деполитизация этничности. Это выводило государство из числа активных действующих лиц в конфликтах, что создало иллюзию завершения всего конфликтного процесса. Поэтому, несмотря на значительное число локальных конфликтов, в которых его участники идентифицируют себя или противоположную сторону в этнических категориях, для региональных властей типичными являются оценки ситуации как стабильной. Вследствие наступившей кратковременной стабилизации власть получила шанс не реактивно⁷, а проективно скорректировать национальную и региональную политику. Этот шанс не был использован, со стороны властных структур произошла переоценка достигнутых результатов.

Неурегулированность затяжных этнических конфликтов в регионе, наличие очагов потенциальных претензий этнических общностей друг к другу или к государству, постоянные всплески локальных конфликтов создают благоприятную почву для нарастания негативных тенденций в сфере безопасности. С другой стороны, сами эти угрозы являются мощными конфликтогенными факторами и затрудняют урегулирование затяжных конфликтов. Новая политизация этничности в регионе происходит в контексте роста политического ислама⁸.

К примеру, на фоне территориальных претензий весьма высокая степень этнополитической напряженности наблюдается в двусторонних отношениях между Чеченской Республикой и Ингушетией. «Нейтралитет» федерального центра к этой проблеме вызывает недоумения.

Нужно в Москве решать эти вопросы, так как на местах этноэлиты никогда не договорятся⁹.

В. А. Авксентьев в числе основных факторов, препятствующих снижению уровня напряженности и последующей постконфликтной реконструкции макрорегиона, называет: отсутствие продуманной региональной и национальной политики на федеральном уровне, проективного управления национальными процессами; не преодоленный «вертикальный» раскол в обществе, нарастание отчуждения народа от власти, протестных настроений; демодернизацию экономики, ведущую к возрождению этноклановых структур; огромные размеры «серого» рынка, являющегося питательной средой коррупции; действие факторов, обуславливающих миграционные настроения русских; продолжающуюся политизацию ислама; происходящую геополитическую переконфигурацию Кавказского региона, борьбу за расширение влияния на его отдельные части и народы.

Таким образом, говоря о возможных направлениях развития систем политического управления, необходимо включить в их число формирование более гибких и представительных по своему составу региональных элит. Безусловно, необходима достаточно высокая степень их консолидации (в первую очередь, как предпосылка для купирования острых конфликтов), однако не вокруг отдельной личности или органа власти, а по принципу приверженности определенным институциональным установлениям, правилам. Эти изменения возможны при повышении значимости органов законодательной власти, судебной системы, развитии общественных организаций и политических партий, обеспечении большей свободы выборов в органы власти не только на уровне субъектов Федерации, но и в муниципальных образованиях.

Политические партии при этом имеют определенные ресурсы для усиления своего влияния. В первую очередь, они связаны с увеличением электоральной активности и активизацией работы партийных структур на местах. Однако многое зависит от инициативы самих партий. Активизация политических партий возможна, но лишь при соблюдении нескольких важных условий: ослаблении административного давления на их деятельность, обеспечении равноправия участников избирательных процессов, а также равном доступе в информационное пространство.

Неясным остается место в системе региональной политической власти органов местного самоуправления. Конституция РФ не относит их к числу органов государственной власти, но едва ли являются разумными как их абсолютно «автономное» функционирование, так и вхождение в единую вертикаль региональной исполнительной власти. Как правило, исполнительная власть на уровне субъектов РФ стремится к более или менее жесткому контролю над муниципальной

властью. В настоящее время запретительные технологии уже менее востребованы, но в основном потому, что потенциальные участники избирательного процесса априори пасуют перед мощью администрации.

Вместе с тем уровень профессионализма в современном государственном управлении является предметом беспокойства во многих развитых государствах. Прежде всего, на повышение профессионализма и эффективности работы госслужащих направлены административные реформы в странах Запада. В демократических условиях к проведению таких реформ мотивируют не только геополитические и внешнеполитические вызовы и внутриэлитные перегруппировки в правящих верхах, но и требования, исходящие от гражданского общества, различных политических сил и групп влияния¹⁰.

Политическое управление, в отличие от административного, не стимулирует наперед заданные процессы. С помощью политических соглашений и правовой базы оно создает каналы, через которые социальные объекты способны реализовать свои цели. После согласования интересов основных акторов политического процесса и принятия принципиальных политических решений вступают в действие административно-государственные механизмы для реализации этих решений. Эффективность реализации решений зависит от развитости каналов коммуникации, адаптационных возможностей политической системы к изменяющимся обстоятельствам, наличия достаточного количества ресурсов для достижения поставленных целей. Кроме того, в процессе реализации политических решений на уровне региона большую роль играют два фактора: политико-экономические интересы субъектов политического действия и политико-правовые основания воспроизводства региональных политических элит¹¹.

Российское общество – это сложная многомерная система совокупной деятельности людей, их отношения по разным поводам, одним из которых является политика, политическая жизнь личностей, социальных общностей. Практическая политическая деятельность происходит в рамках определенной политической системы. Она имеет внутреннюю структуру и выполняет определенные функции, основной из которых является согласование несовпадающих интересов больших социальных групп посредством выработки правил, их применения и суждения об эффективности применения. Политическое управление обеспечивает функционирование политической системы.

Способность обеспечить демократический консенсус вместо навязывания интересов одной части общества всем остальным его частям, для которых они выступают как чуждые, и таким путем принципиально избавиться от насилия как все более обнаруживающего свою несостоятель-

ность способа организации политических процессов – таков главный вызов времени¹².

Центральная власть должна обеспечивать деятельность политических элит законодательно, следя за введением и соблюдением надлежащих для этой цели норм и правил поведения, а также добиваясь санкций для их нарушителей¹³.

Таким образом, необходим ряд институциональных преобразований для налаживания более эффективных систем политического управления.

Примечания

- ¹ Сморгун Л. В. Политический менеджмент : теория, методология, практика. СПб., 1999. С. 15.
- ² Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 69.
- ³ См., например: Пушкарева Г. В. Политический менеджмент. М., 2004.
- ⁴ См.: Жуков В. И. Политический менеджмент. М., 2004; Карпов А. В. Психология менеджмента. М., 2006.
- ⁵ См.: Бетильмерзаева М. М. Феномен ментальности сквозь призму психофизической проблемы // Научная мысль Кавказа. 2009. № 4. С. 18–23; Она же. Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ) : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 87–93; Морозов С. А., Морозова Е. В., Зиновьев А. П. Политический менеджмент. М.; Краснодар, 2003; Кольба Н. В. Национальное измерение культуры политического управления : выбор методологии исследования // Актуальные проблемы современного политического процесса : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 15 февраля 2007 г. / Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2007. С. 97–104.
- ⁶ См.: Маркедонов С. М. Дагестан : равновесие элит под вопросом. URL: <http://www.prognosis.ru/news/secure/2004/6/22/dagestan.html> (дата обращения: 11.01.2015).
- ⁷ См.: Шамсуев М.-Э. Х. Сетевая угроза информационной безопасности Юга России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11), ч. 2. С. 209–211; Она же. Политическое обеспечение информационной безопасности на Северном Кавказе в условиях глобализации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2012. С. 8.
- ⁸ См.: Авксентьев В. А. Северный Кавказ : реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития. URL: http://www.rau.su/observer/N7_2006/7_02.HTM (дата обращения: 21.01.2015); Юсупов М. М. Этническая и социальная идентификация в конфликтном регионе // Вестн. СамГУ, 2006. № 10/1 (50). С. 62–69; Алаудинов А. А. Региональная идентичность как основа формирования общенациональной политической идентичности : дис. ... канд. полит. наук. М., 2013; Она же. Идентичность в зеркале науки : основные подходы к определению сущностных черт и типов // Вестн. Рос. нации. 2010. № 3. С. 202; Юсупов М. М. Постконфликтная социальная среда межэтнического взаимодействия // Изв. ВолгГТУ. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. 2014. № 16. С. 64–67.
- ⁹ См.: Салгириев А. Р. Политическая элита России : особенности формирования и развития // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1: Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 252–256; Она же. Механизмы формирования политических элит в Чеченской Республике // Вестн. Адыг. гос. ун-та. Сер. 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2012. № 2. С. 82–85; Она же. Политические элиты как фактор политических процессов // XXI век : итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. Т. 1, № 11 (15). С. 193–197.
- ¹⁰ См.: Старостин А. М. Эффективность деятельности административно-политических элит : критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д, 2003. С. 228.
- ¹¹ См.: Костюков А. Политическое управление в региональном контексте // Управленческое консультирование. 2002. № 1. С. 35–46; Решиев С. С. Основные направления развития и подходы в теории региональной экономики в развитых западных странах // Региональная экономика : теория и практика. 2010. № 33. С. 58–68; Она же. Теоретико-методологические подходы к совершенствованию региональной политики и стратегического управления социально-экономическим развитием макрорегиона : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Грозный, 2012. С. 27–29.
- ¹² См.: Истамулов А. Особенности демократических сил Чечни. URL: http://www.kaukaz.net/cgi-bin/bloxom.cgi/polish/reportaze_ru_art1 (дата обращения: 15.02.2015).
- ¹³ См.: Салгириев А. Р. Этнополитический процесс на Северном Кавказе : роль элит // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 242–244; Она же. Этнополитические элиты как фактор конфликтности в политических процессах на Северном Кавказе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6, ч. 2. С. 166–169.

УДК 323.2

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАКТОВКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

М. Н. Концыбовская, И. В. Андропова¹

Саратовский государственный университет

¹Поволжский государственный университет телекоммуникаций
и информатики, Самара

E-mail: mkoncybovskaya@mail.ru, m838om@mail.ru

В данной статье рассмотрены основные трактовки политической функциональности институтов гражданского общества. Автор предлагает их разделить на три сферы: экономические, социальные и политические. Делается вывод о влиянии модели «взаимно ответственного партнерства» на функциональность институтов гражданского общества.

Ключевые слова: институты гражданского общества, некоммерческие организации, политическая функциональность.

Modern Conceptual Interpretations Functionality of Political Institutions of Civil Society

M. N. Koncybovskaya, I. V. Andronova

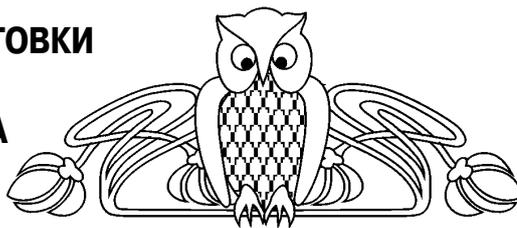
This article describes the basic functionality of the political interpretation of civil society institutions. The author proposes to divide them into three areas: economic, social and political. It is concluded that the model of «mutual responsibility partnership» affect the functionality of the institutions of civil society.

Key words: institutions of civil society, non-profit organizations, political functionality.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-103-107

Феномену гражданского общества уделяется большое внимание со стороны как зарубежных, так и отечественных исследователей¹. Зачастую сущность гражданского общества не находит единства в понимании ученых, которые разрабатывают новые трактовки данного явления, при этом вопросы политической функциональности институтов гражданского общества затрагиваются незначительно. Данная особенность связана с социальной значимостью их деятельности, выявить и оценить которую сложно в методологическом плане.

Изучение вопросов, связанных с понятием гражданского общества, его институтами и особенностями их функционирования в России, весьма актуально, поскольку становление гражданского общества является важнейшим элементом процесса демократизации общества. В настоящее время этот процесс и протекает сложно и противоречиво, и, соответственно, анализ институтов гражданского общества позволяет нам выявить основные проблемы общества как такового и обозначить приоритетные направления

его демократизации.

Обращаясь к работе Дж. Кина «Демократия и гражданское общество», мы видим, что автор воспринимает термин «гражданское общество» как «отдельную институциональную сферу жизни, не совпадающую с институтами государственной власти» или как «некую идеально-типическую категорию, описывающую и предвосхищающую сложный и динамичный ансамбль охраняемых законом неправительственных организаций»². Однако в реальности разделение данных сфер весьма условно и требует более тщательного анализа, так как предполагает их взаимопроникновение и взаимодействие как двух сторон одной медали. От взаимоотношений государства и гражданского общества зависит политическая функциональность последнего, следовательно, необходимо различать господствующие в современной науке представления о моделях данного взаимодействия, а также экстраполировать их на существующую реальность³.

В современном демократическом государстве гражданскому обществу отводятся особые функции, а именно: общественный контроль и участие в процессе принятия политических решений, защита прав и свобод граждан, соблюдение законности и правопорядка, наблюдение за выборами, обеспечение демократического процесса, социализация и правовое воспитание граждан, повышение уровня гражданского участия, обеспечение гласности и плюрализма, информирование граждан и т. д. Так, В. Н. Якимец считает, что публичная сфера выполняет четыре ключевые функции взаимодействия власти и общества при формировании политики, выражающей публичный интерес, а именно: артикуляцию общественных интересов; публичный контроль деятельности власти и состояния дел в обществе, в государстве, в экономике, в социокультурной сфере; влияние на формирование государственной политики; политическое просвещение граждан⁴.

Методологии количественной оценки состояния гражданского общества и некоммерческого сектора требуют тщательного анализа и рассмотрения. В качестве наиболее известных и значимых количественных международных исследований конца XX – начала XXI в. можно выделить проекты научного Центра при Университете им. Джонса Хопкинса (экономика не-

коммерческого сектора), Индекс состояния гражданского общества (ИСГО, СИВИКУС), а также Индекс устойчивости неправительственных организаций Центральной и Восточной Европы и Евразии (ЮСЭЙД)⁵.

Проект Университета им. Дж. Хопкинса был нацелен на измерение экономического потенциала НКО и анализ влияния некоммерческого и государственного секторов друг на друга, СИВИКУС стремился выявить общие тенденции развития гражданского общества и выработать для этого взаимоприемлемые определения и согласованные стандарты, в качестве задачи ЮСЭЙД выделяется отслеживание результатов американских грантовых программ, которые реализуются неправительственными организациями Восточной и Центральной Европы. В качестве особенностей данных проектов можно назвать широкий географический охват и эмпирическую обоснованность.

Экономический аспект деятельности некоммерческого сектора – один из важнейших показателей его эффективности, однако в качестве проблемы авторами проекта Университета им. Дж. Хопкинса подчеркивается «невидимость экономического вклада НКО» и отсутствие учета в Системе национальных счетов таких компонентов, как безвозмездный труд волонтеров, стоимость нерыночного продукта, производимого рыночными НКО, сведения о государственной поддержке третьего сектора. Данное исследование началось в 1991 г. под руководством видного экономиста и правоведа Лестера Саламона и было сосредоточено на социально-экономических характеристиках сектора, таких как занятость, объем расходов, источники доходов и основной вид деятельности НКО.

При этом важнейшим достижением данного проекта является формулировка определения НКО, которому присваивается пять признаков: «...во-первых, это институционально закрепленная структура, во-вторых, это автономный статус, в-третьих, это отказ от распределения получаемой прибыли среди своих учредителей, руководителей и членов, в-четвертых, самоуправляемый характер и, в-пятых, опора на добровольные пожертвования и волонтерский труд»⁶. В качестве важнейшего результата осуществления данного проекта можно назвать идею интеграции, непосредственного влияния гражданского общества на экономику, которые были подтверждены в цифровом и фактологическом формате.

Проекты СИВИКУС и ЮСЭЙД представляют собой многоплановую индексацию гражданской активности, направленную на выявление стадий развития гражданского общества и организаций в различных странах, причем эксперты считают их «своеобразным программным обеспечением» для будущих исследований.

Индекс проекта СИВИКУС к болевым точкам функционирования институтов гражданско-

го общества относит: низкую степень гражданского участия и слабое воздействие на принятие политических решений (за исключением западноевропейских стран, где оно носит более системный и институциональный характер); отсутствие устойчивой инфраструктуры; острую нехватку финансовых средств и переключение на государственное финансирование после ухода из развивающихся и посткоммунистических стран иностранных доноров, со всеми дивидендами и издержками этого процесса; снижение правозащитной деятельности, ориентация сектора на предоставление социальных услуг; неумение лидеров НПО вести диалог с властями и частным сектором, недостаток навыков планирования, управления, сбора ресурсов; несоблюдение стандартов отчетности и прозрачности⁷.

В основу данной методики положены четыре основных компонента, характеризующих общественную деятельность: структура (виды активности, их отличительные черты, типы взаимодействия между различными действующими лицами, ресурсы организаций); среда, в которой развивается гражданское участие (политические, экономические, законодательные, культурные и другие аспекты, а также отношение к НКО двух других секторов – государства и бизнес-сообщества); ценностные ориентиры гражданского общества; воздействие, которое оно оказывает⁸.

В отличие от проекта СИВИКУС Индекс устойчивости НПО основан на семи критериях оценки: правовая среда, в которой действуют организации; их организационные возможности; экономическая эффективность; способность защищать общественные интересы; роль организации в предоставлении услуг; инфраструктура и общественный имидж⁹.

С точки зрения демократичности политические режимы оценивает американская неправительственная организация Freedom House. Ежегодно начиная с 1995 г. публикуются доклады, посвященные современному состоянию гражданского общества, политических свобод и прав человека в 29 европейских и азиатских государствах бывшего социалистического блока, которые организация определяет как «страны переходного периода»¹⁰. В своих оценках политических систем этих государств аналитики Freedom House руководствуются методологией экспертных оценок, основанной на состоянии ключевых показателей «демократичности»: избирательный процесс, уровень развития гражданского общества, уровень независимости средств массовой информации, уровень демократичности национального правительства, уровень демократичности местных властей, уровень эффективности и независимости судебной системы, уровень коррупции.

В рамках категории «уровень развития гражданского общества» изучается развитие неправительственных организаций, их организационные возможности и финансовая устойчивость,

а также правовая и политическая обстановка, в которой они действуют. При этом также учитывается развитие профессиональных союзов; участие заинтересованных групп в политическом процессе; независимость образовательной системы от политического влияния и пропаганды; свобода общества от чрезмерного влияния со стороны экстремистских и фанатично настроенных негосударственных организаций¹¹.

В контексте рассмотрения концепций политической функциональности институтов гражданского общества, на наш взгляд, можно обратиться к экономическим трактовкам, которые подразделяют на два типа возникновения НКО: как ответ на «провалы» рынка / государства (т. е. неспособность экономически эффективно обеспечивать производство и предоставление тех или иных благ и услуг или неспособность государственных ведомств достигать стоящие перед ними цели); как следствие действий «социальных предпринимателей», заинтересованных в структурировании деятельности именно в форме некоммерческих (добровольческих) организаций¹².

Авторами выделяются шесть типов теорий гражданского общества: теории «провала» рынка / государства; «теория предложения», подчеркивающая роль «социальных предпринимателей»; «теория доверия», ставящая во главу угла неполноту контрактов и информационную асимметрию, с которыми сталкивается потребитель соответствующих услуг; теория государства благосостояния, трактующая сферу гражданского общества как поставщика тех услуг, с предоставлением которых не справляется государство по причине бюджетных ограничений; теория взаимозависимости, которая вместо традиционного рассмотрения рыночного, государственного и добровольческого секторов, как находящихся в отношениях конфликта и соперничества, предлагает трактовать их как потенциально взаимозависимых партнеров; «теория социальных причин», объясняющая природу отношений между тремя секторами как следствие четырех возможных моделей общественного устройства – либеральной, социально-демократической, корпоративистской и статической¹³. На наш взгляд, данные теории позволяют нам установить причинно-следственные связи возникновения НКО, а также их взаимоотношения с бизнесом и властью как экономически обусловленное взаимодействие, направленное на оптимизацию общественных процессов.

С позиций добросовестности изучать некоммерческий сектор предлагает британская неправительственная организация «Интегрити Экшн». В качестве критериев оценки при этом используются: подотчетность, компетентность, этика и некоррупцированная трудовая деятельность¹⁴. То есть эффективность деятельности НКО соизмеряется с принципом добросовестности, что, на наш взгляд, характеризует данный метод как до-

вольно перспективный, учитывающий специфику оценки третьего сектора.

В качестве критериев эффективности НКО авторами выделяются производительность (задача на используемые ресурсы), объем продаж товаров и услуг, конкурентоспособность и доля рынка, моральный климат в НКО и приверженность сотрудников миссии организации, качество продукции, различного рода характеристики и индикаторы достигаемых результатов, имидж и репутация организации, рост организации и ее ресурсный потенциал, достижение социальных целей¹⁵. При этом выделяются четыре основных концепции оценки деятельности некоммерческого сектора: целевая концепция (эффективность зависит от степени достижения целей организации); концепция системных ресурсов (эффективность связывается со способностью организации обеспечить ресурсы, необходимые для ее устойчивого функционирования); концепция множественности заинтересованных сторон (оценка эффективности является многомерной, в зависимости от субъектов оценки); концепция социального конструктивизма¹⁶. Указанные концепции, на наш взгляд, подчеркивают методологическую сложность и дискуссионность оценки функциональности третьего сектора и носят обобщенный теоретический характер, однако они помогают сформировать определенную картину восприятия и понимания данного вопроса.

Рассуждая на тему методологии оценки эффективности некоммерческих организаций, Г. К. Карнач ссылается на тенденцию в области менеджмента, набирающую популярность в конце XX в., представляющую собой внедрение в практику управления систем оценки, основанных на количественных показателях, измеряющих результаты тех или иных процессов. В это же время в оборот устойчиво входит аббревиатура КРІ («ключевые показатели деятельности» или «ключевые показатели эффективности»), которые представляют собой систему финансовых и нефинансовых показателей, характеризующих состояние и перспективы развития организации и ее элементов, которая позволяет ориентировать подразделения и сотрудников на достижение целей компании и реализацию стратегических задач¹⁷. Несмотря на изначальную ориентацию концепции КРІ на коммерческие организации, все большую актуальность она приобретает и в сфере третьего сектора.

В отличие от коммерческих организаций, цели некоммерческих практически не поддаются точному измерению, а произведенные товары и услуги не обладают рыночными ценами. По мнению Г. К. Карнач, анализ ключевых показателей эффективности (КПЭ) НКО носит двойственный характер, т. е. включает экономические и социальные показатели. В качестве важной цели НКО выступает рациональное использование средств, получаемых от доноров, а также минимизация

издержек. Так, Г. К. Карнач выделяет такие критерии оценки эффективности НКО, как качество управления, качество продукции и услуг, способность к нововведениям, объем долгосрочных инвестиций, финансовое положение; способность к привлечению и развитию качественных человеческих ресурсов; ответственность перед обществом и окружающей средой, широкое использование активов¹⁸. Таким образом, особое значение для функциональности НКО представляет уровень удовлетворения потребностей учредителей и конечных клиентов.

При исследовании институтов гражданского общества В. Н. Якимец предлагает различать три группы подходов:

1) опросные данные (ИЗВНЕ) о состоянии гражданского общества в России, полученные на основе общепринятых социологических методов изучения мнений людей, не обязательно ассоциирующих себя с институтами гражданского общества;

2) опросные данные (ИЗНУТРИ) о состоянии гражданского общества в России, полученные на основе общепринятых методов выявления мнений тех людей, которые напрямую включены в деятельность институтов гражданского общества;

3) оценочные сведения о влиянии институтов гражданского общества на общественное развитие (услуги населению) и реализацию ими функций гражданского участия, контроля, экспертизы и пр., полученные на основе регулярно расчета индексов, рейтингов¹⁹.

При этом автор делает акцент на третьей группе, которая включает специально разработанный инструментарий, предназначенный для оценки влияния (воздействия) институтов гражданского общества на общественное развитие и их роли в экономическом и социальном развитии страны. В качестве примеров он приводит:

1) рейтинг прозрачности государственных закупок;

2) композитный индекс оценки обратной связи информационных ресурсов федеральных органов исполнительной власти (КИ ОС);

3) рейтинг ИРСИ (рейтинг информационных ресурсов органов государственной власти возник в ходе исследования, проведенного в 2005–2006 гг. Институтом развития свободы информации);

4) рейтинг демократичности выборов в регионах;

5) индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России, созданный в Институте системного анализа РАН. Строится на основе оценки показателей, позволяющих охарактеризовать две составляющие: степень развитости субъектов публичной сферы и уровень демократизации и открытости общества;

6) АЯ-рейтинг регионов по уровню продвижения механизмов межсекторного социального

партнерства (в качестве механизмов используются фонды местных сообществ, социальный заказ, гранты и субсидии НКО, налоговые льготы НКО и донорам, общественные палаты, публичные слушания, форумы НКО, общественные советы при законодательных органах власти и общественные советы при исполнительных органах власти, общественная экспертиза, молодежный парламент, механизмы развития малого и среднего предпринимательства, регулирование благотворительной деятельности)²⁰.

В качестве современных исследований институтов гражданского общества важно выделить мониторинг состояния гражданского общества, проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» с 2006 г. в сотрудничестве с ведущими социологическими центрами страны. В центре их внимания находятся общественная активность россиян, состояние социально ориентированных НКО, взаимоотношения органов власти и НКО, роль профессиональных сообществ в формировании гражданского общества, организационная культура НКО, региональная дифференциация условий развития гражданского общества.

Итак, существует множество трактовок политической функциональности институтов гражданского общества, можно выделить в общем три подхода: экономический, социальный и политический. Экономический направлен на оценку рациональности использования имеющихся ресурсов НКО, минимизацию издержек, социальный подход можно выразить в категории «социальной значимости», а политический характеризует степень участия и влияния НКО на политический процесс. Необходимо понимать, что при оценке политической функциональности институтов гражданского общества в России определяющим фактором выступает государственное влияние. При этом остро стоит проблема выполнения институтами гражданского общества своих функций в реальности, а не их декоративное и имитационное декларируемое.

Российская специфика модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества, на наш взгляд, состоит в поиске некоего баланса между защитой от внешнего давления и реализацией внутренней потребности в повышении политической функциональности институтов гражданского участия, разрешении социально значимых противоречий. В данной ситуации модель «взаимно ответственного партнерства», основанная на коммуникативном равенстве сторон и созидательном сотрудничестве, наиболее актуальна и востребована.

На наш взгляд, приоритет позитивного и созидательного гражданского активизма является важнейшим направлением внутренней политики в современной России, нацеленной на защиту суверенитета, конституционного строя и национальных интересов от политической деятельно-

сти «иностранных агентов», от их негативного внешнего воздействия. В связи с этим принципы функционирования НКО должны быть понятными и прозрачными для государства и общества, следовательно, необходимо дальнейшее совершенствование законодательной базы функционирования «третьего сектора» и устранение изъянов практики регулирования сферы НКО.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- 2 *Кин Д.* Демократия и гражданское общество / пер. с англ.; послесл. М. А. Абрамова. М.: Прогресс-традиция, 2001. С. 18.
- 3 См.: *Концыбовская М. Н.* Основные модели взаимодействия институтов гражданского общества и государства в условиях глобализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 108–113.
- 4 См.: *Якимец В. Н.* Состояние гражданского общества и публичной политики в субъектах РФ: индексы, региональная специфика и межрегиональные сравнения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 102.
- 5 См.: Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л. И. Якобсона. М.: Вершина, 2008. С. 37–61.
- 6 Там же. С. 40.
- 7 Там же. С. 45.
- 8 Там же. С. 49.
- 9 Там же. С. 49–50.
- 10 См.: Исследование Freedom House: Развитие демократии в странах переходного периода в 2014 году. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/13/6802> (дата обращения: 25.04.2015).
- 11 См.: Развитие демократии в странах переходного периода. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/nations-in-transit/info> (дата обращения: 25.04.2015).
- 12 См.: *Аузан А., Тамбовцев В.* Экономическое значение гражданского общества. URL: <http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/research/document5784.shtml> (дата обращения: 04.07.2015).
- 13 Там же.
- 14 См.: *Алексян А. З.* Подотчетность государственных органов гражданскому обществу // Ответственность власти перед гражданским обществом: механизмы контроля и взаимодействия: сб. Саратов: Изд-во Поволж. ин-та управ. им. П. А. Столыпина, 2014. С. 14.
- 15 См.: *Борисова Е. И., Полищук Л. И.* Анализ эффективности в некоммерческом секторе: проблемы и решения // Экономический журнал ВШЭ. 2009. № 1. С. 82.
- 16 Там же.
- 17 См.: *Карнач Г. К.* К методологии оценки эффективности некоммерческих организаций // Апробация. 2014. № 4. С. 41.
- 18 Там же. С. 42.
- 19 См.: *Якимец В. Н.* О социологическом мониторинге состояния гражданского общества в России // Труды Ин-та системного анализа РАН. 2008. Т. 32. С. 286.
- 20 См.: *Якимец В. Н.* О социологическом мониторинге состояния гражданского общества в России. С. 279–286; *Он же.* Состояние гражданского общества и публичной политики в субъектах РФ: индексы, региональная специфика и межрегиональные сравнения. С. 101–112.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

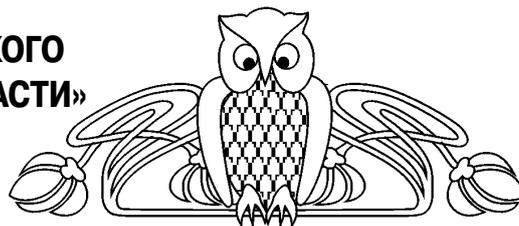
УДК [321.01:316.3](470+571)

ОСНОВНЫЕ ТРАКТОВКИ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО СМЫСЛА ПОНЯТИЯ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВЛАСТИ» В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЛЕГИТИМНОСТИ

К. Ю. Мишин

Саратовский государственный университет
E-mail: jediluke@yandex.ru

В статье рассмотрены основные трактовки понятия «эффективность власти», имеющиеся в политической науке, раскрыты их сильные и слабые стороны. Предложено авторское обоснование методологии анализа эффективности власти, основанной на комплексности оценивания политических и социально-экономических параметров развития общества, суверенности, соответствия принимаемых решений интересам большинства населения и его социокультурным особенностям, сочетания в оценке теку-

щих и стратегических властных решений и их результатов. Главный принцип – это учет легитимности политической системы, ее отдельных институтов и лидеров на всех уровнях функционирования. Такой подход позволит, с одной стороны, опираться на разработанные зарубежные методологии, а с другой, даст возможность избежать их недостатков и учесть специфические условия развития современной России.

Ключевые слова: трактовки понятия эффективности власти, легитимность политической власти, методология анализа эффективности власти, методики оценки эффективности государственного управления.

The Basic Interpretations of the Political Meaning of the «Efficiency of the Power» Concept in the Context of Its Legitimacy

K. Yu. Mishin

The main interpretations of the «efficiency of the power» concept available in political science are described in this article, their strengths and weaknesses are revealed. The author suggests his own rationale of methodology of analyzing the effectiveness of the power, based on comprehensive assessment of political and socio-economic parameters of social development; sovereignty; correspondence of the decisions made by the government to the interests of majority of population and its social and cultural features; combination of current and strategic decisions of the power and their results. The core principle is to take into consideration the legitimacy of the political system, its institutions and leaders at all levels of its functioning. This approach will allow, on the one hand, to rely on the existing foreign methodologies, and, on the other, will provide an opportunity to avoid their shortcomings and to consider the specific conditions of modern Russia development.

Key words: interpretations of the concept of the power efficiency, legitimacy of political power, methodology of analysis of the power efficiency, methodology of estimating the efficiency of public administration.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-107-114

Понятие «эффективность власти» является одним из самых распространенных в политологическом дискурсе и в то же время одним из самых неоднозначно трактуемых. Обусловлено это разночтением, прежде всего, тем, что нет единого понимания сущности и функциональности самой политической власти и отдельных политических институтов.

Ж. Л. Шабо рассматривал ее через призму эффективности правового государства. По его мнению, «для того чтобы гарантировать эффективность норм права, необходима совокупность трех условий: – определенная сообразность писаной нормы ценностям и соотношению сил в гражданском обществе (экзогенное соответствие правовой нормы); – признание наивысшей ценности в самой правовой системе норм, записанных в декларациях прав и в конституциях или основных законах (эндогенная иерархия правовых норм); – наличие механизмов и органов, облеченных задачей эффективно обеспечивать указанное иерархическое первенство (контроль конституционности)»¹. Как представляется, данные условия действительно являются важными предпосылками правового государства, но не могут рассматриваться как гарантии его эффективного функционирования. Даже будучи зафиксированы на конституционном уровне, правовые нормы сами по себе не гарантируют эффективности правоприменения в различных сферах общественной жизни.

Не случайно нобелевский лауреат Д. Норт, анализируя роль институтов в социально-экономической жизни, акцент делает на пересмотре

теории рациональности. По его мнению, политика и экономика неразрывно связаны в любом понимании экономической деятельности. Но если «законы могут быть изменены в течение короткого времени, то неформальные нормы меняются постепенно. Именно такие нормы создают легитимную основу для действия законов, а революционные изменения последних часто приводят к результатам, отличающимся от ожидаемых»². Фактически Д. Норт предостерегал от безоглядного заимствования институтов и законов, сформированных в западных странах, подчеркивая, что они не являются панацеей для разрешения накопившихся проблем.

Другая трактовка обусловлена либеральным пониманием эффективности власти. Например, В. Я. Гельман, оценивая сложившуюся политическую систему в постсоветской России, характеризует ситуацию как институциональную ловушку. Суть ее состоит, по мнению автора, в том, что кроме критериев социальной эффективности власти существует совокупность критериев, которые отражают стремление институтов власти сохранить свою устойчивость и стабильность как самодостаточную задачу. «Эти институты, укореняющиеся в политической жизни страны, стали продуктом деятельности российского политического режима и служат важнейшим инструментом, обеспечивающим его функционирование. Но эти институты также служат и важнейшим тормозом для развития России, препятствуя политической конкуренции элит за голоса избирателей, подотчетности и ответственности органов власти и эффективности управления на всех уровнях»³.

На наш взгляд, справедливо критикуя институциональную неэффективность сложившейся системы власти в постсоветской России с точки зрения критериев ее демократичности, В. Я. Гельман не доводит эту критику до логического завершения с точки зрения ее социальной эффективности. Фактически обозначенные критерии демократичности политической системы также возведены им в абсолют как самодостаточные показатели эффективности функционирования власти. Само по себе наличие института открытой электоральной конкуренции и других демократических институтов еще не является гарантией функционирования политической власти на основе представительства интересов большинства российского населения. Например, период политического и социально-экономического развития России 1990-х гг. современными российскими либералами оценивают как более демократичный по сравнению с последующим авторитарным правлением В. В. Путина (с точки зрения свободы слова, наличия общественно-политической и экономической конкуренции, плюрализма стратегий общественно-политического развития). С формальной точки зрения, данные нормативно-институциональ-

ные характеристики действительно имели место в период президентства Б. Н. Ельцина. Тем не менее, функционирование российской политической системы в 1990-е гг. справедливо вызвало резко негативное отношение большинства населения с позиций ее социальной неэффективности, когда социально-экономические показатели жизни российских граждан были отброшены на несколько десятилетий назад. Отсюда легитимность власти и отдельных политических институтов в России в данный период были на очень низком уровне.

О. Ф. Шабров рассматривает эффективность политической власти через призму доступа к ресурсам. По его мнению, в российской политологии преобладает понимание эффективности политической власти для политической элиты и государственных чиновников в зависимости от степени достижения поставленных целей⁴. Однако сама система разделения властей предполагает ориентацию разных органов власти на различные критерии эффективности. «Законодательная власть служит, прежде всего, в качестве органа, артикулирующего и агрегирующего волю и интересы определенных социальных групп, формулирующего социально и идеологически ориентированные цели. В демократическом обществе она соизмеряет свои действия с мнением избирателей, которое и является для нее основным критерием эффективности. Перед исполнительной властью стоит иная задача – обеспечить реализацию общественной воли. О ее эффективности судят, соответственно, по степени достижения поставленной цели и оптимальности затраченных для этого усилий и средств, социальной цене содеянного. Критерий эффективности правоохранительных органов – «правопорядок, соответствие закону, справедливость»⁵.

Соответственно, с точки зрения оптимальной эффективности, востребованы разные типы людей для выполнения различных политических ролей в рамках функционирования системы разделения властей. Кандидаты в депутаты законодательных органов должны демонстрировать понимание актуальных социальных проблем и реалистичные способы их решения, свою коммуникабельность и умение отстаивать интересы избирателей. В условиях многопартийности чаще всего мировоззрение кандидата и его политическая программа формулируются и отстаиваются в рамках определенного партийно-идеологического пространства. В судебных органах востребованы знание законодательства и политическая беспристрастность, в административных органах власти – прежде всего, дисциплинированность, ответственность, инициативность, отсутствие политической ангажированности. Однако эти идеально-типические характеристики, которые подробно были обоснованы еще М. Вебером в его концепции рационалистической бюрократии, в реальной политической жизни чаще всего

искажены в результате личностной корыстной мотивации государственных чиновников.

В этой связи О. Ф. Шабров справедливо связывает понимание эффективности политической власти с тем, насколько хорошо она обеспечивает поступательное развитие общества, повышение уровня и качества повседневной жизни людей. «На более глубинном уровне власть оценивают по предоставляемой ею возможности самореализации для каждого»⁶. То есть проблема эффективности политической власти оказывается неразрывно связанной с уровнем и характером ее легитимности в обществе (персоналистским, идеологическим, структурным). Сложность заключается в том, что измерение каждого из этих уровней легитимности представляет собой очень трудную задачу, тем более что каждый из них связан со многими сферами общественной жизни. Используемый в кибернетике принцип У. Эшби гласит: для того, «чтобы иметь возможность управлять, управляющая система должна обладать не меньшим разнообразием, чем управляемая»⁷. Однако само понимание «разнообразия» управляющей системы, так же как и управляемой, может быть принципиально различным. Достаточно вспомнить эволюцию административно-командной системы в СССР в 1970–1980-х гг., для которой было характерно усложнение управленческих структур в ущерб развитию содержательных принципов и методов управления. Не случайно, что именно бюрократизация советской политической и социально-экономической системы подвергалась наиболее острой и последовательной критике в период перестройки, что стало одной из причин достаточно быстрого разрушения социалистического строя.

Для решения задачи выявления уровня эффективности государственного управления социологи предлагают использовать возможности репрезентативных опросов населения по наиболее значимым социальным блокам: экономическое развитие; здравоохранение и здоровье населения; образование; жилищное строительство и обеспечение граждан жильем; жилищно-коммунальное хозяйство; обеспечение безопасности граждан; дорожное хозяйство; организация государственного управления⁸. Как представляется, такой подход является одним из самых перспективных для формирования критериев оценки эффективности региональных органов власти. В то же время возникает проблема формирования независимых научных центров, способных на профессиональном уровне проводить необходимые исследования общественного мнения. Их объективность и независимость от региональных властей возможно обеспечить только в том случае, если в каждом регионе они будут финансироваться из федерального центра и осуществлять опросы по единой методике и соответствующей выборке. В качестве таких ис-

следовательских и экспертных центров целесообразнее всего использовать региональные вузы на основе целевых федеральных грантов, позволяющих проводить опросы без контроля со стороны региональных властей.

Еще одной системой координат для оценки эффективности политической власти выступает характер взаимоотношений между государством и гражданским обществом. Казалось бы, именно здесь может быть сосредоточена совокупность различных критериев, которые легко измерить и оценить (количество неправительственных организаций, число граждан, вовлеченных в деятельность различных общественных организаций, степень их активности и т. д.). Проблема заключается в том, что до сих пор отсутствует единое понимание сущности гражданского общества в контексте его взаимоотношений с государством. Исследователи выделяют различные модели таких взаимоотношений, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны⁹. На наш взгляд, главный методологический посыл, которым целесообразно руководствоваться в рамках такой системы координат для оценивания эффективности политического управления, должен состоять в том, что не может быть единой универсальной модели выстраивания отношений между обществом и государством. В каждой конкретной стране она выстраивается на основе собственной истории, уникальных особенностей политической культуры, внутренних и внешних факторов развития политических, социально-экономических и духовных отношений.

Отдельным направлением представлены работы, авторы которых делают акцент на эффективности политического управления по линии «центр – регионы». По мнению А. С. Солдатовой, оценить эффективность современного этапа управленческих практик еще предстоит. «На государственном уровне с этой оценкой связано требование встраивания системы измерительных инструментов эффективности во властно-управленческие взаимодействия, необходимой для отслеживания и оценивания в динамике процессов качественных, количественных и структурных изменений, основных трендов и проблем, траекторий развития, регионального реформационного потенциала»¹⁰. Для России критерии в этой области особенно важны, так как изначально Российское государство складывалось на огромной территории с различными укладами жизни, характером хозяйствования, этноконфессиональными особенностями, которые объективно необходимо было учитывать. Асимметричный характер федеративных отношений в современной России во многом стал отражением конкретно-исторического развития страны в советский и постсоветский периоды. Поэтому вряд ли возможно выработать универсальные критерии оценки эффективности политической власти с точки зрения взаимоотношений между

центром и регионами в условиях такой федерации, а также с учетом существенного разнообразия природно-климатических условий жизни и хозяйствования в разных субъектах Российской Федерации.

Еще одним типичным и наиболее распространенным направлением институционального подхода к оценке эффективности государственной власти является его экономический вариант. В качестве примера его крайнего проявления можно привести точку зрения исследователей из Уральского федерального университета на возможности использования ценового и институционального видов эффективности для анализа государственной деятельности. С этой целью авторы предлагают использовать ценовой критерий как всеобщее понятие эффективности, всесторонне разработанное экономистами, для анализа всех сфер деятельности человека. По их мнению, «ценовой критерий – это не просто цена определенного количества товара (услуги), но цена определенного количества и качества товара. Качество товара тоже подлежит измерению и получает отражение в ценовом критерии. <...> Это означает, что эффективность как феномен представляет собой вид отношения, а не свойство или связь, причем отношение количественное, поскольку при сравнении всегда говорят о большей или меньшей эффективности»¹¹. В качестве аргумента о возможности применения данного критерия для оценки эффективности политической власти авторы приводят парламент, в котором результатом его деятельности выступает издание законов: «...согласно этому понятию, эффективность деятельности парламента будет повышаться, если он будет принимать больше решений в установленный отрезок времени»¹². Другим примером для авторов выступает деятельность контрольных и надзорных органов, которые «выявляют факты соответствия или несоответствия фактического поведения граждан или юридических лиц предписанному поведению, в ряде случаев принуждают к исправлению поведения. Для них результатом непосредственной институциональной эффективности является количество раскрытых нарушений»¹³.

Такая абсолютизация количественных показателей эффективности государственной власти, на наш взгляд, опровергается реалиями политической и социально-экономической жизни. Количество принятых законов или каких-либо государственных программ по решению общественно важных проблем вовсе не является свидетельством успешного их решения. Например, в последние годы существования СССР регулярно принимались постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о необходимости интенсификации производства, повышении производительности труда, совершенствовании системы планирования и системы управления, об использовании достижений научно-техниче-

ского прогресса в производстве и т. п. Однако ситуация в экономике в конце 1980-х гг. стала кризисной, что и послужило одной из причин делегитимации и разрушения СССР. Показатели выявленных правонарушений также не всегда свидетельствуют об эффективной работе данных органов, так как ориентация на количественные параметры отодвигает на задний план социально более значимую задачу – профилактику таких правонарушений. Кроме того, количественная мотивация нередко становится самодостаточной причиной для различных нарушений со стороны правоохранительных органов (в виде погони за показателями любой ценой, в том числе и с нарушением закона).

Тем не менее, использование математических моделей для анализа эффективности политической власти становится все более популярным в отечественной политологии. Один из известных специалистов в данной области А. С. Ахременко исследует данную проблему через призму соотношения эффективности и депривации. Для нашего исследования особенно важен вывод автора о том, что «не существует единственного “правильного” институционального дизайна, обеспечивающего снижение социальной напряженности и одновременно – повышение эффективности»¹⁴. Оптимальное сочетание этих характеристик, по мнению автора, «не является вопросом выбора из полярных альтернатив (например, “эгалитарная демократия” vs “султанистская автократия”), но достигается посредством “тонкой настройки” институциональных параметров»¹⁵. Решение данной сложнейшей задачи зависит от многих конкретных факторов, в том числе и от того, что в обществе одновременно действуют тенденции к эгалитаризму и элитизму, порождая риски и неопределенности структурирования общества.

Причины кризиса классической политико-административной модели управления в западноевропейских странах стали предметом анализа Марка Хольцера. Он объясняет кризис усилением дисфункциональности государственных бюрократических структур и тем, что затратный подход к государственному управлению достиг своего предела. Он обусловлен особенностями демократической политической системы, когда правительства «должны обеспечивать услуги и товары гражданам в точном соответствии со своими обещаниями»¹⁶, что неизбежно вызывает усиление налоговой нагрузки на общество.

Поэтому не случайно, что в западноевропейских странах сконцентрированы значительные усилия для разработки методик оценки эффективности государственного управления в различных странах, для измерения степени демократичности отношений между государством и обществом, для оценки эффективности экономической и социальной политики. Тем не менее, в большинстве случаев используются доста-

точно размытые критерии. Например, Всемирный банк реконструкции и развития использует шесть основных показателей: «верховенство закона, качество законодательства, эффективность работы властей и борьбу с коррупцией, учет мнения населения и подотчетность госорганов, политическую стабильность и отсутствие насилия»¹⁷. По каждому из шести обозначенных индексов балльная оценка дается «на основе измерения данных из большого числа вторичных источников, а также целевых исследований и измерений восприятия, проводимых компаниями, занимающимися оценкой рисков, Институтом европейского университета, высшими учебными заведениями, агентствами по изучению общественного мнения и т. д.»¹⁸ Возникает вопрос, как можно объективно и без использования двойных стандартов измерить «верховенство закона» и «качество законодательства»? По количеству принимаемых законов? По количеству судебных решений? По их строгости или, напротив, по их мягкости? Выделение критерия «эффективность работы властей» для оценки эффективности государственного управления напоминает определение по типу «масло – это все, что масляное».

Даже наиболее верифицируемые критерии политической стабильности и отсутствия насилия могут отражать совершенно различные характеристики политической системы. Например, в СССР в так называемый период застоя формальные критерии политической стабильности были выше, чем в любой западноевропейской стране, гордящейся своими демократическими традициями (с неизбежными митингами протеста, оппозиционной критикой, разногласиями по важнейшим общественным вопросам и т. д.). Проявления насилия в СССР в это время были также минимальными и с политической точки зрения включали в себя лишь преследование мизерного (по удельному весу) количества диссидентов.

Кроме того, исследователи отмечают, что ключевой порок данного метода заключается в том, что он опирается «исключительно на субъективные индикаторы и индикаторы, основанные на восприятии, что повышает риск смещения рейтинговых оценок. Наиболее распространенный риск заключается в том, что страны с высоким уровнем экономического развития зачастую воспринимаются как страны с более качественными системами государственного управления, что приводит к смещенности оценок. Нельзя игнорировать и очевидность политической ангажированности ряда подходов, и воздействие имиджевых оценок»¹⁹. Примером подобной политизированной оценки может служить понижение кредитного рейтинга России Международным агентством Standart&Poog’s в январе 2015 г. до так называемого «мусорного» уровня²⁰, хотя большинство российских экспертов не видели для этого никаких внутренних объективных ос-

нований. То есть фактически данный рейтинг стал инструментом в информационной, политической и социально-политической борьбе западноевропейских стран против России, что снижает его научно-методологический потенциал в оценке эффективности политической власти и ее отдельных институтов.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что основные трактовки политологического смысла эффективности власти в контексте ее легитимности можно свести к нескольким основным видам.

Первая трактовка состоит в целерациональном понимании политики и ее функциональности, когда эффективность политической власти оценивается с точки зрения соотношения поставленных общественных целей, достигнутых результатов и затраченных ресурсов. Методологическая проблема в рамках данной трактовки заключается в том, что выбор целей и способов их осуществления на публичном уровне и в реальной политике существенно отличаются друг от друга. Корыстная мотивация политического участия элитных групп в борьбе за государственную власть и доступ к ресурсам имела место на протяжении всей истории человечества, и ключевая задача демократизации политической системы со времен Просвещения заключалась в том, чтобы ограничить данную власть от злоупотреблений доступа к ресурсам. Этой задаче подчинено внедрение в политическую практику системы разделения властей, механизмов «сдержек и противовесов», электоральных механизмов формирования органов власти, развитие институтов гражданского контроля за деятельностью органов власти и т. д. Соотнесение задекларированных целей политики и реальных результатов всегда осложняется тем, что их достижение обусловлено воздействием множества внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов. Измерение их последствий чаще всего осуществляется на основе прагматической формулы «политика – это искусство возможного», но при этом в значительной степени теряется сам смысл оценки эффективности политической власти.

В рамках институциональной либеральной трактовки, которую условно можно обозначить как идеально-типическую, политическая власть рассматривается как институциональная основа обеспечения приоритета прав и свобод личности, максимально раскрывающей свой потенциал в различных сферах общественных отношений вне прямого воздействия и контроля со стороны государства. Ее сторонники делают акцент на конституционно-правовом закреплении основных либерально-демократических ценностей и институтов, функционирование которых рассматривается как самоценность, как важнейшая предпосылка социального прогресса и устойчивого политического и социально-экономического развития. Политическая конкуренция,

многопартийность, активная оппозиция, независимые СМИ, институты гражданского общества и другие рассматриваются как самодостаточные параметры эффективности политической власти. Однако их абсолютизация без соотнесения с социальной эффективностью приводит к тому, что уровень легитимности такой власти может быть очень низким.

Социальная трактовка эффективности политической власти представлена различными вариантами социалистических, социал-реформистских и социал-либеральных моделей. Несмотря на то что институциональная и правовая их основа может быть принципиально различной, акцент в рамках данной трактовки делается на результативности социального функционирования политической власти – стимулирование производства, развитие социальной инфраструктуры, обеспечение социальной защиты, перераспределение национального богатства и т. д. В рамках такой трактовки, по мнению либералов, нередко возникают проблемы с соблюдением прав и свобод человека.

На практике чаще всего используются различные комбинации обозначенных трактовок эффективности политической власти в зависимости от того, каков конкретный партийно-идеологический расклад в той или иной стране и на какие критерии прежде всего ориентируются ее руководители.

В целом основные направления разработки методологии оценки эффективности политической власти обусловлены воздействием ряда тенденций в развитии мировой политической системы.

С одной стороны, эта оценка всегда связана с конкретно-исторической ситуацией в отдельных странах, с совокупностью тех проблем в различных областях жизни, которые приходится решать данному обществу. Критерии соотношения затрат с полученным результатом чаще всего выступают ключевыми для оценки деятельности государственных органов и отдельных политических институтов с точки зрения достижения каких-либо стратегических общественных целей. При этом характер политической системы и методы государственного управления могут быть различными. Например, успехи в области индустриализации в СССР были достигнуты в результате жестких, в том числе репрессивных, мер по концентрации финансовых, материальных и людских ресурсов для приоритетного промышленного развития страны. Соотношение социальной цены и достигнутых результатов до сих пор продолжает оставаться предметом острых дискуссий отечественных и зарубежных историков, экономистов и политологов, но сам факт форсированного превращения страны в индустриального гиганта, успешно конкурирующего с другими мировыми державами, не подвергается сомнению. Диктатура Пиночета

в Чили, установившая либеральную модель социально-экономических отношений, в том числе с помощью репрессивных мер, может служить иным примером решения накопившихся проблем в обществе. Южнокорейский вариант авторитарного управления – еще одна модель ускоренной модернизации страны с учетом ментальных особенностей ее населения. Китайская модель модернизации, основанная на соединении рыночных отношений и преимуществ социализма, продемонстрировала свои неоспоримые результаты в экономическом и социальном развитии страны.

С другой стороны, значительное воздействие на разработку критериев эффективности политической власти оказывает та либеральная модель глобализации, которую активно продвигают во всем мире США и их союзники. Совокупность критериев в этом случае представляет собой кальку тех либеральных ценностей и принципов взаимодействия власти и общества, которые распространены в западноевропейских странах. Данные ценности рассматриваются как аксиома в качестве обязательных предпосылок не только для демократизации всех стран, но и в качестве самодостаточного и обязательного условия успешности их социально-экономического развития и социального прогресса в целом.

Фактически именно здесь заключено то противоречие, которое характерно для использования либеральной модели в качестве эталона для оценки функционирования политической власти в конкретных странах. Суть его состоит в том, что сравнительный анализ эффективности политической власти в различных странах и выстраивание рейтингов осуществляется прежде всего и преимущественно на основе критериев демократичности, без учета внутренних специфических факторов социального, экономического и культурного их состояния. В результате такого формального подхода уровень эффективности политической власти оценивается на основе не всей совокупности критериев, определяющих отношение населения конкретной страны к своему правительству и другим политическим институтам, а лишь части данных критериев, оцениваемых извне. Неизбежно возникает проблема двойных стандартов и политизированных оценок, определяемых стратегическими интересами США и их союзников в различных регионах мира (по типу «это конечно сукин сын, но наш сукин сын»). Более того, данные оценки нередко служат основанием для использования так называемой мягкой силы в странах третьего мира и на постсоветском пространстве и выступают одним из инструментов для технологий проведения «цветных революций», свержения «недемократических правительств» и изменения баланса геополитических интересов в свою пользу. Практика показывает, что очень часто они приводят к гораздо худшему политическому и социально-

экономическому состоянию в тех странах, в которых осуществляются данные революции²¹.

Как представляется, наиболее оптимальным является вариант комбинированной оценки эффективности политической власти, когда совокупность критериев демократичности взаимоотношений между властью и обществом обязательно должна дополняться критериями, связанными со многими другими показателями. Важнейшими из них выступают критерии эффективности социальной, экономической и культурной политики государства, интегрированным выражением которой выступает уровень легитимности политической системы и ее отдельных институтов в данной стране. Она измеряется, прежде всего, экономическими и социальными показателями в виде уровня ВВП и его динамики, уровнем зарплат и пенсий, размером потребительской корзины, доступностью и качеством сферы услуг, в том числе и государственных услуг, развитием социальной инфраструктуры и т. д. Кроме того, важное значение имеют показатели общественного мнения, основанные на базе электоральной статистики, на материалах репрезентативных социологических опросов, выявляющих отношение население к деятельности государственных органов и их руководителей, его отдельных структур и политических институтов. Объективность показателей данной легитимности также относительна и достаточно трудноверифицируема, но без использования данных внутренних параметров не может быть реальной оценки функционирования политической власти в конкретной стране. Без учета данных критериев происходит абсолютизация и формализация «эталонных» демократических показателей, используемая для негативных оценок и санкционных действий со стороны лидеров западноевропейских стран и международных общественных организаций. Поэтому А. Лукашенко оценивается в западноевропейских странах как «последний европейский диктатор», а уровень его поддержки в своей стране неизменно высок.

Кроме того, с методологической точки зрения важно учитывать разные уровни легитимности и разные рейтинги в отношении отдельных политических институтов и лидеров. Например, уровень институциональной легитимности политических партий, многопартийности, выборов, парламента в современной России ниже, чем персонализированная легитимность Президента Российской Федерации.

Уровни легитимности внешнеполитической и внутривластной деятельности также имеют разные индексы. Поэтому В. Путин, резко критикуемый со стороны США и их союзников за присоединение Крыма к России и позицию по Украине, имеет самый высокий рейтинг за время своего президентства. И это несмотря на определенное ухудшение социально-экономических показате-

лей и снижение жизненного уровня большинства российского населения в результате последствий европейских санкций против России. Возрождение ущемленного в 1990-е гг. российского национального самосознания стало главной причиной того, что внешнеполитические факторы стали главным мотивом высокой оценки эффективности деятельности Президента РФ.

Таким образом, методологию анализа эффективности политической власти целесообразно основывать на совокупности следующих принципов: комплексности оценивания политических и социально-экономических параметров развития общества, внеидеологичности, суверенности, соответствия социокультурным особенностям населения, сочетания в оценке текущих и стратегических властных решений. Главный принцип – это учет легитимности политической системы, ее отдельных институтов и лидеров на всех уровнях функционирования. Такой подход, с одной стороны, позволит опираться на наработанные зарубежные методологии, а с другой, даст возможность избежать их недостатков и учесть специфические условия развития современной России.

Примечания

- 1 Шабов Ж. Л. Государственная власть : конституционные пределы и порядок осуществления // Полис. 1993. № 3. С. 155–156.
- 2 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 9–10.
- 3 Гельман В. Политические институты. URL: <http://russia-2020.org/2010/09/14/political-institutions-2/> (дата обращения: 24.06.2015).
- 4 См.: Шабров О. Ф. Политическая власть, ее эффективность и легитимность. URL: <http://shabrov.info/Statji/vlast.htm> (дата обращения: 24.06.2015).
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Цит. по: Шабров О. Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. № 5. С. 5.

- 8 См.: Озорнина Ю. П. Эффективность государственного управления социальной сферой : опыт социологического исследования // Науч. вестн. Урал. акад. гос. службы. 2011. № 4 (17). С. 20–30.
- 9 См.: Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- 10 Солдатова А. С. Эффективность управления регионами России : концептуализация и измерение практик // Ars Administrandi (Искусство управления). 2012. № 4. С. 14.
- 11 Дуран Т. В., Костин В. А. К вопросу о понятии «эффективность» в процессе управления // Науч. вестн. Урал. акад. гос. службы. 2011. № 15. С. 138–143. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2011/02/18/> (дата обращения: 07.07.2015).
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Ахременко А. С., Петров А. П. Политические институты, эффективность и депривация : математическая модель перераспределения политического влияния // Полис. 2012. № 6. С. 99.
- 15 Там же.
- 16 Хольцер М. Производительность, государственное управление и демократия // Эффективность государственного управления : пер. с англ. М. : Консалт-банк, 1998. С. 17.
- 17 Сулов М. Г. Взгляды на эффективность работы органов власти в зарубежных странах // Ars Administrandi (Искусство управления). 2012. № 4. С. 95.
- 18 Барциц И. Н. Показатели эффективности государственного управления (субъективный взгляд на международные стандарты) (часть 1). URL: <http://www.pvlast.ru/archive/index.433.php> (дата обращения: 09.07.2015).
- 19 Там же.
- 20 См.: Понижение кредитного рейтинга России может увеличить госдолг – эксперт. URL: <http://www.aif.ru/money/market/1433563> (дата обращения: 09.07.2015).
- 21 См.: Вилков А. А. Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59.

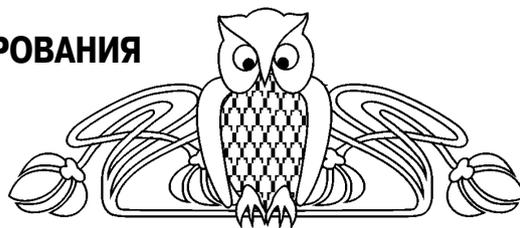
УДК 323.2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ

М. К. Борисова

Саратовский государственный университет
E-mail: bmkp@gmail.com

В статье рассмотрены основные трактовки роли институтов в политической и экономической жизни в современных условиях, выявлены ключевые институциональные факторы взаимосвязи по-

литического и экономического развития в постсоветской России. Сделан вывод о том что «родовые пятна» периода институционализации рыночной экономики в постсоветской России неизбежно проявились в виде дефектов институционализации политической системы. Дефективность нашла отражение в конституционном закреплении перекосов системы разделения властей, в нор-

мативном и практическом закреплении персонализированной легитимности политических институтов и власти в целом, в создании предпосылок для проявления и укрепления авторитарных тенденций в российской политической жизни.

Ключевые слова: политические институты, экономические институты, основные трактовки институтов, институциональные факторы политического и экономического развития.

Institutional Factors of Forming Ties Between Political and Economic Development

М. К. Borisova

The article considers the main treatments of the role of institutions in political and economic life in present-day conditions, reveals the key institutional factors of interconnection of political and economic development in post-Soviet Russia. It draws a conclusion that ancestral flaws of the period of institutionalization of market economy in post-Soviet Russia inevitably came out as defects of institutionalization of political system. This defectiveness was reflected in constitutional fixation of the distortions in the system of power division, in normative and practical fixation of personalized legitimacy of political institutions and authority as a whole, in building up pre-conditions for appearing and strengthening of authoritarian trends in Russian political life.

Key words: political institutions, economic institutions, main treatments of institutes, institutional factors of political and economic development.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-114-119

Обострение международных отношений и «война санкций» еще раз показали, насколько актуальна взаимосвязь между политикой и экономикой. Не случайно, что за достижения в данной области многие исследователи стали лауреатами Нобелевской премии.

Р. Коуз, как основатель новой реалистичной институциональной экономической теории, акцент делал на целесообразности ослабления государственного вмешательства в экономику и возможностях самих институциональных структур рыночной экономики в снижении социальных издержек свободной конкуренции. Теоретическим основанием для такого подхода стала критика классической теории рациональности и обоснование объективных ограничений в принятии сложных социально-экономических и политических решений. Они обусловлены тем, что существует большое количество рисков, связанных с неполной и асимметричной информацией, а также с тем, что экономические агенты не всегда действуют в рамках законодательно закрепленных норм и правил¹. Поэтому смысл оптимизации институциональной основы экономики виделся автору в расширении возможностей экономических агентов самим регулировать отношения друг с другом без вмешательства государства.

Принципиально противоположную позицию занимает еще один классик институционального подхода, нобелевский лауреат 1993 г. Д. Норт. В своей нобелевской лекции он подчер-

кивал, что «институты – это ограничения, структурирующие человеческие взаимоотношения и создаваемые самими людьми. Среди них можно выделить формальные ограничения (правила, законы, конституции), неформальные ограничения (нормы поведения, условности, внутренние принципы), а также механизмы, позволяющие контролировать их соблюдение. В совокупности они задают систему стимулов, действующих в обществе и, следовательно, в экономике»². Д. Норт делал акцент на том, что само наличие формальных правил не является гарантией успешного функционирования национальных экономик (приведя в качестве примера тот факт, что «целый ряд латиноамериканских государств построили свои конституции по образцу конституции США, но результат получился совершенно иной»³. То есть смысл и предназначение институтов состоит в том, чтобы уменьшить риски и неопределенность общественных отношений с помощью установления определенных структур и ограничений взаимодействий между людьми.

Институциональный подход был характерен и для К. Поланьи как экономиста, социолога и антрополога. По его мнению, «институциональное оформление хозяйственного процесса придает ему внутреннее единство и стабильность. Оно порождает структуру, наделенную в обществе конкретной функцией. Оно изменяет место хозяйственного процесса в обществе, придавая тем самым большую значимость его истории. Оно концентрирует внимание на ценностях, мотивах и проводимой политике»⁴. К. Поланьи акцентирует внимание на необходимости включения в этот процесс неэкономических элементов: «Ведь религия или управление могут быть так же важны для структуры и функционирования хозяйства, как денежные институты или наличие машин и оборудования, облегчающих тяжелое бремя труда»⁵. Именно соотношение между экономическими и неэкономическими институтами составляет основу различий капитализма и социализма. Изменение места хозяйства в обществе можно изучать с помощью таких исследовательских инструментов, как реципрокность⁶, перераспределение и обмен, которые позволяют описать самые различные вариации хозяйственного процесса. К. Поланьи делает акцент на том, что речь идет не просто об анализе соответствующих форм межличностных отношений либо о кумулятивном эффекте индивидуального поведения, а о роли определенных институциональных предпосылок в экономической сфере, без которых «межличностное поведение столь часто не приводит к ожидаемым социальным эффектам»⁷.

В отечественном обществознании в постсоветский период проблема институциональной взаимозависимости экономики и политики также привлекала внимание многих исследователей. В начале 1990-х гг. акцент делался на обосновании

социальной значимости отхода от уравнилельной концепции социализма с его тоталитарной политической надстройкой и важности внедрения рыночной модели экономики, основанной на институциональной базе демократии⁸.

Подобный подход лежал в основе преобразования российских «младореформаторов». Не случайно, что Е. Т. Гайдар до последних дней своих настаивал на том, что политические и экономические реформы нужно было проводить единовременно, только более решительно. По его мнению, России нужно было «одновременно решать проблемы XIX века – формирование правового государства; начала XX века – искоренение остатков социального и промышленного феодализма, резкая демонополизация экономики; борьба с фашизмом, другими крайними формами саморазрушительного национализма конца XX века и наступающего XXI века»⁹. Лидер российских либералов подчеркивал, что кроме традиционных проблем, характерных для многих стран мира, у России есть уникальные проблемы, к которым он относил последствия мощного тоталитаризма, «формирование среднего класса, осознание обществом и государством идеи легитимности частной собственности. И весь этот набор проблем придется решать одновременно. Последовательно это делать просто не удастся – мир нас ждать не будет, поблажки нам история не даст. Эти проблемы взаимосвязаны и выстраиваются в единую вертикаль: от источника инвестиций (частный или государственный) до общей социально-политической стратегии и идеологии»¹⁰. Несмотря на то, что Е. Т. Гайдар понимал значение традиционных институтов и их связь со стабильностью в обществе и государстве, акцент он делал на необходимости их изменений. По его мнению, «сочетание стабильности и гибкости, риски, связанные с делегитимацией традиций, – ключевые вопросы при анализе взаимосвязи институтов и экономического роста»¹¹.

Социально-экономический провал данной модели институциональных преобразований 1990-х гг. сегодня признают большинство отечественных экономистов. Главный аргумент состоит в том, что именно она привела к формированию несбалансированной олигархической экономики РФ, ориентированной, прежде всего, на продажу сырьевых ресурсов на мировом рынке. Однако остается недостаточно раскрытой и дискуссионной проблема взаимосвязи данной неудачи в социально-экономической сфере с институциональными преобразованиями в политической жизни постсоветской России. Современные российские либералы именно здесь видят корни причин формирования неэффективной экономической системы РФ, неспособной к инновациям и ответам на жесткие конкурентные вызовы на мировом рынке.

Результатом усиления роли государства в экономике, по мнению либеральных критиков,

стали расширение бюрократического вмешательства в экономические процессы, повсеместная коррупция, неэффективный менеджмент в госкорпорациях, непомерные расходы на оборону в последние полтора десятилетия. Эти негативные явления – следствие отсутствия механизмов демократического контроля над органами власти, реальной оппозиции и политической конкуренции в современной России.

Возникает вопрос, насколько данные недостатки экономики обусловлены институциональными недостатками политической системы периода президентства В. В. Путина? Или же проблемы уходят корнями в политическую систему 1990-х гг., когда она формировалась под воздействием либералов? Либо можно поставить вопрос в рамках парадигмы экономического детерминизма об определяющей роли экономических факторов в складывании и эволюции политической системы в постсоветской России?

С учетом того, что, как было рассмотрено выше, сами теоретики либерально-демократических реформ акцент делали на объективной неизбежности одновременного преобразования всех сфер общественной жизни, то получается, что именно радикальные изменения в экономической и социальной сфере стали главными факторами политического развития страны в постсоветский период. Основные институциональные задачи в области экономики были определены либералами в комплексе: разрушение советской плановой системы хозяйствования и ценообразования, приватизация бывшей общенародной собственности, формирование класса собственников, внедрение рыночных отношений, интеграция России в мировые экономические отношения. Результатом стала деиндустриализация российской экономики, катастрофическое падение промышленного и сельскохозяйственного производства и однобокое развитие ориентированных на экспорт сырьевых отраслей. Рост безработицы и резкое снижение уровня жизни большинства российского населения поставили под вопрос легитимность тех либерально ориентированных политических сил, которые проводили такую радикальную модель экономических реформ.

Для того чтобы удержаться у власти, либерально-демократические сторонники Б. Н. Ельцина вначале применили силу для разрешения конфликта с Верховным Советом и Конституционным судом, а затем использовали все ресурсы для того, чтобы на референдуме была принята Конституция, которая и заложила институциональные основы действующей по сей день политической системы России. Тем самым конституционно были закреплены перекося институционального дизайна политической власти в сторону возможностей и полномочий Президента РФ, принижение роли парламента, слабая политическая функциональность партий. На вы-

борах президента 1996 г. именно либеральные силы апробировали ту манипулятивную модель борьбы с оппонентами Б. Н. Ельцина, которая в дальнейшем, в 2000-е гг., была использована против них самих.

В борьбу за сохранение приобретенной собственности и за ее передел в избирательные кампании активно подключились представители нового класса российских собственников, для того чтобы использовать представительные органы власти и другие политические механизмы в своих экономических интересах и целях. В результате главной функцией таких демократических институтов, как выборы, многопартийность, свобода слова, политическая конкуренция, стало не представление интересов российского населения в политике, а обеспечение интересов российских олигархов различного уровня. Тем самым политические институты были превращены в инструменты борьбы в экономической сфере. Очевидно, что такая их функциональность не могла встретить позитивного отношения со стороны российского населения.

Поэтому политика В. В. Путина, нацеленная на укрепление позиций государства во всех сферах общественной жизни и ограничение всевластия российских олигархов, получила поддержку значительной части российских граждан. Прозвучавшие институциональные изменения в политике, связанные с ограничением конкуренции и свободы слова, с использованием административного ресурса на выборах, не рассматриваются в массовом сознании как самоценность, поэтому и не оцениваются негативно. Кроме того, в условиях благоприятной мировой конъюнктуры, на фоне роста цен на энергоресурсы, В. В. Путину удалось не только обеспечить выплату огромного внешнего долга России, но и значительно повысить уровень жизни российского населения.

Тем не менее, мировой кризис 2008 г. и особенно обострение международных отношений в связи с присоединением Крыма и гражданской войной на Украине вновь актуализировали вопрос об институциональной обусловленности экономических преобразований в России. В вопросе о необходимости диверсификации российской экономики сошлись позиции фактически всех отечественных политиков и экономистов, независимо от идеологических ориентаций. Однако задачи импортозамещения в условиях «войны санкций» вновь провели определенный «водораздел» в понимании стратегии такой диверсификации и ее обусловленности институциональными политическими изменениями.

Радикальная либеральная оппозиция рассматривает данный вопрос только в ракурсе изменения политического режима в России, которое связывают исключительно со сменой В. В. Путина на посту президента. Программы последующего экономического развития в основном связаны с восстановлением сотруд-

ничества с западноевропейскими странами и ослаблением регулирующей роли государства в экономической сфере.

Перспективы выхода из кризиса, по мнению некоторых исследователей, «следует связывать не с “разворотом на Восток” или с тотальным импортозамещением, а со скорейшей нормализацией условий сотрудничества с зарубежными партнерами, восстановлением стабильности валютного курса рубля и осуществлением структурных и институциональных преобразований, направленных на преодоление сырьевой зависимости российской экономики»¹². В качестве препятствия для реализации такой стратегии отмечается готовность российских политиков приносить экономические приоритеты в жертву геополитическим, тогда как «главным геополитическим приоритетом любой страны должно быть обеспечение достойного уровня жизни граждан, проживающих на ее территории»¹³.

В целом, говоря об институциональных факторах формирования связей между экономическим и политическим развитием в постсоветской России, можно сделать следующие выводы. Следует признать, что использованные в период либеральных преобразований 1990-х гг. в России подходы к определяющей роли идей в институциональном обеспечении реформ всех сфер общественной жизни были, по сути, своего рода вариантом позитивного конструктивизма. Сторонники данного подхода были уверены в том, что они вооружены правильной и единственно возможной стратегией общественных преобразований, основанной на ценностях и принципах, апробированных опытом демократического развития западноевропейских стран. Заимствованная идейная конструкция стала основанием для формирования либерального институционального дизайна в политике, экономике и духовной сфере. Ложный посыл состоял в том, что либералы рассчитывали сформировать правовое государство, гражданское общество, рыночную экономическую систему с помощью социальных ресурсов постсоветской России, без учета его конкретных социокультурных характеристик (особенностей мировоззрения, отношения к труду и к потреблению, понимания социальной справедливости, восприятия государства и его функций, прав и свобод личности и т. д.) и без учета масштаба и сложности институциональных преобразований.

Существовавшие политические и социально-экономические институты не могли быть просто переформатированы в либеральные, так как российское население в большинстве своем не было готово к восприятию либеральных ценностей и принципов.

Современное либеральное общество в западноевропейских странах базируется на мощном экономическом фундаменте, позволяющем обеспечить высокий уровень жизни и социаль-

ной защиты населения. Именно данные показатели стали главными аргументами, которые использовались российскими либералами для формирования положительного образа радикальной модели реформ в постсоветской России. Однако советский экономический потенциал основывался на принципиально иных институтах и ценностях и не мог стать основой для либеральной надстройки.

Поэтому радикальные реформы были нацелены в первую очередь на разрушение плановой экономики и формирование социальной базы частной собственности для рыночной экономики. Этот институциональный переход не только не приблизил население России по уровню жизни к западноевропейским стандартам, но и отбросил назад от показателей советского периода. Кроме того, институционализация рыночных отношений сопровождалась разгулом преступности в невиданных прежде масштабах. Значительную часть нового класса собственников составили партийно-хозяйственная номенклатура, криминальные элементы, махинаторы и комбинаторы всех мастей, которым в одночасье достались огромные экономические ресурсы. Разделенные на жестко конкурирующие кланы, они использовали разнообразные легитимные и нелегитимные средства борьбы друг с другом. Важнейшую роль среди них играли политические механизмы борьбы за власть и доступ к общественным ресурсам. Эффективные политические и социально-экономические институты на такой социальной базе не могли быть сформированы по определению.

«Родовые пятна» периода институционализации рыночной экономики в постсоветской России неизбежно проявились в виде дефектов институционализации политической системы. Дефективность нашла отражение в конституционном закреплении перекосов системы разделения властей, в нормативном и практическом закреплении персонализированной легитимности политических институтов и власти в целом, в создании предпосылок для проявления и укрепления авторитарных тенденций в российской политической жизни. Но еще больше дефективность институционализации политической системы постсоветской России проявилась в повсеместном распространении таких политических практик, которые выхолащивали нормативно закрепленные демократические ценности и принципы (участие криминала во власти, коррупция чиновников, демагогия политических лидеров, манипулирование массовым сознанием, использование административного ресурса, подкуп избирателей, фальсификации на выборах и др.). Тем самым был существенно подорван уровень легитимности политических институтов в массовом сознании россиян, особенно на фоне дезинтеграционных процессов в стране, которые также воспринимались как следствие либеральных преобразований. По мнению исследовате-

лей, страна в этот период была расколота «по самым разным основаниям: от идеологического, социального, этноконфессионального и до регионального»¹⁴.

Поэтому наведение порядка в стране и усиление регулирующей роли государства были позитивно восприняты российским населением. Тем не менее, «родовые пятна» политических и социально-экономических институтов не исчезли, а были переформатированы. Всевластие российских олигархов заменено на всевластие государства, хаос конкуренции заменен на доминирование партии власти, которая использует административный ресурс для сохранения своих позиций. Тем самым отсутствие реальной конкуренции и серьезной критики в отношении действий властей в экономической и социальной сфере, публичного обсуждения альтернативных вариантов решения важнейших социально-экономических проблем не способствует искоренению институциональных «родовых пятен».

В условиях обострения международных отношений и ухудшения социально-экономического положения в стране объективно возникают угрозы для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации (особенно с учетом активного внешнего воздействия). Возникает надежда, что российская политическая элита и тесно связанная с ней экономическая элита осознают опасность данной угрозы и вместо манипулирования патриотическими настроениями российского населения для сохранения своей власти сами займут патриотическую позицию. Она сегодня состоит в том, чтобы реально диверсифицировать российскую экономику и создать привлекательные нормативно-правовые, финансовые, налоговые, организационные условия для ее развития.

Примечания

- 1 См.: Коуз Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера ; науч. ред. Р. Капелюшников. М. : Дело ЛТД, 1993.
- 2 Норт Д. Функционирование экономики во времени. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/6/2004_6_12.html (дата обращения: 02.08.2015).
- 3 Норт Д. Институты и экономический рост : историческое введение // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 75.
- 4 «Великая трансформация» Карла Поланьи : прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р. М. Нуреева. М. : ГУ ВШЭ, 2007. С. 50–51.
- 5 Там же. С. 51.
- 6 Реципрокность (от лат. *reciprocus* – взаимный) – способ передачи благ, заключающийся в их ритуализированном дарении, по Карлу Поланьи, альтернативный рынку и перераспределению. Лежит в основе экономики престижа. Подробнее о роли реципрокности в России см.: Барсукова С. Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами : теория и практика

- реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М. : ГУ ВШЭ, 2004.
- ⁷ «Великая трансформация» Карла Поляни... С. 53.
- ⁸ См., например: *Стариков Е. Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996.
- ⁹ *Гайдар Е. Т.* Власть и собственность : Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб. : Норма, 2009. С. 327.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 7.
- ¹² *Афонцев С. А.* Выход из кризиса в условиях санкций : миссия невыполнима? URL: <http://institutiones.com/general/2562-vyход-iz-krizisa-v-usloviyah-sankcij.html> (дата обращения: 01.08.2015).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Вилков А. А.* Политическая целесообразность и нравственные основы Конституции Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 63.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андропова И. В. – доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой связей с общественностью, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Самара. E-mail: m838om@mail.ru

Баландина Т. М. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью, Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. E-mail: balandinatm@gmail.com

Барашков Г. М. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: eternity65@yandex.ru

Борисова М. К. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: bmkprn@gmail.com

Быченко Ю. Г. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Саратовский военный институт внутренних войск МВД России. E-mail: bychenkoug@gmail.com

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: vil57@yandex.ru

Воронин И. В. – аспирант кафедры социологии коммуникаций и управления, Саратовский государственный университет. E-mail: wroninigor@gmail.com

Головченко А. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, Саратовский государственный университет. E-mail: golovchenkoav@mail.ru

Гусев В. В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры антикризисного управления, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Доленко Д. В. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения и политологии, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск. E-mail: dvdolenko@yandex.ru

Дорохина О. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ, Москва. E-mail: odorokhina@yandex.ru

Завгородный А. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: zav88@mail.ru

Казачков А. А. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: champy@yandex.ru

Калинникова М. В. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: kalinnikova1@rambler.ru

Камалетдинова А. И. – аспирантка кафедры социологии и политологии, Самарский государственный университет. E-mail: alsoy08@mail.ru

Карелин М. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: karelin15@rambler.ru

Концыбовская М. Н. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: mkoncybovskaya@mail.ru

Кравченко Н. Ю. – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Кузьмин А. В. – адъюнкт, Саратовский военный институт внутренних войск МВД России. E-mail: kuzmin1@front.ru

Мирзаханов Д. Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

Мишин К. Ю. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: jediluke@yandex.ru

Покатов Д. В. – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: dvpokatov@gmail.ru

Сайганова Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский государственный университет. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Салгириев А. Р. – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник сектора философии и социологии, Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный. E-mail: 010585@list.ru

Синельников А. Б. – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. E-mail: sinelka@mail.ru.

Ситникова С. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, Саратовский государственный университет. E-mail: skareva@yandex.ru

Трофимова О. А. – аспирант кафедры социальной работы, Саратовский государственный университет. E-mail: trofimova2006@mail.ru

Уфимцева Е. И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии социальной работы, Саратовский государственный университет. E-mail: ufim75@mail.ru

Шахматова Н. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: ShahmatovaNV@info.sgu.ru

Шестов Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: nikshestov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andronova I. V. – doctor of political science, associate professor, Head of the Chair of public relations, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara. E-mail: m838om@mail.ru

Barashkov G. M. – candidate of political science, assistant professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: eternity65@yandex.ru

Balandina T. M. – doctor of sociological science, professor, professor of the Chair of economic sociology, advertisement and connection with society, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: balandinatm@gmail.com

Borisova M. K. – post-graduate student of the Chair of politology, Saratov State University. E-mail: E-mail: bmkpn@gmail.com

Bychenko U. G. – doctor of sociological science, professor, professor of the Chair of humanities and social sciences, Saratov Military Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: bychenkoug@gmail.com

Dolenko D. V. – doctor of political science, professor, Head of the Chair of regional studies and political science, Ogarev Mordovia State University, Saransk. E-mail: ninaini@yandex.ru

Dorokhin O. V. – candidate of sociological science, associate professor of the Chair of state and municipal management, International Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: odorokhina@yandex.ru

Golovchenko A. V. – candidate of political science, assistant professor of the Chair of criminal law, penal law and criminology, Saratov State University. E-mail: golovchenkoav@mail.ru

Gusev V. V. – candidate of economic science, associate professor of the Chair of crisis management, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Kalinnikova M. V. – doctor of sociological science, associate professor, professor of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: kalinnikova1@rambler.ru.

Kamaletdinova A. I. – post-graduate student of the Chair of sociology and political science, Samara State University. E-mail: alsoy08@mail.ru

Karelin M. A. – post-graduate of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: karelin15@rambler.ru

Kazakov A. A. – candidate of political science, associate professor of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: champy@yandex.ru

Koncybovskaya M. N. – post-graduate student of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: mkoncybovskaya@mail.ru

Kravchenko N. U. – candidate of sociological science, associate professor of the Chair of applied sociology, Saratov State University. E-mail: Kravchenko.N@gmail.com

Kuzmin A. V. – advanced student, Saratov Military Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: kuzmin1@front.ru

Mirzakhonov D. G. – candidate of philosophical science, associate professor of the Chair of philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: mirzakhonov1962@mail.ru

Mishin K. Yu. – post-graduate student of the Chair of political science, Saratov State University. E-mail: jediluke@yandex.ru

Pokatov D. V. – doctor of sociological science, associate professor of the Chair of applied social science, Saratov State University. E-mail: dvpokatov@gmail.ru.

Saiganova E. V. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Chair of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Salgiriev A. R. – candidate of political science, senior research fellow of the Department of philosophy and sociology, Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny. E-mail: 010585@list.ru

Shahmatova N. V. – professor of sociological science professor of the Chair of applied social sciences, Saratov State University. E-mail: Shahmatova NV@info.sgu.ru

Shestov N. I. – doctor of political science, professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

Sinelnikov A. B. – candidate of economic science, associate professor of the Chair of family sociology and demography, Lomonosov Moscow State University. E-mail: sinelka@mail.ru

Sitnikova S. V. – candidate of sociological science, assistant professor of the Chair of social informatics, Saratov State University. E-mail: skareva@yandex.ru

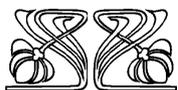
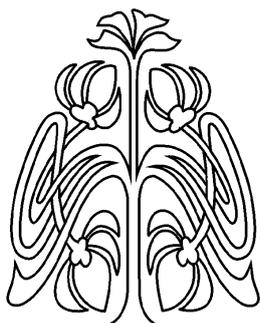
Trofimova O. A. – post-graduate student of the Chair of social work, Saratov State University. E-mail: trofimova2006@mail.ru

Ufimtseva E. I. – candidate of sociological science, associate professor of the Chair of sociology social work, Saratov State University. E-mail: ufim75@mail.ru

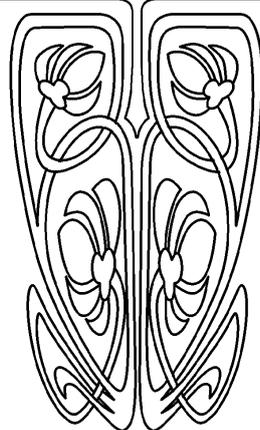
Vilkov A. A. – doctor of political science, professor, Head of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Voronin I. V. – post-graduate student of the Chair of sociology of communications and management, Saratov State University. E-mail: voroninigor@gmail.com

Zavgorodniy A. A. – post-graduate student of the Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: zav88@mail.ru

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2016 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016,
раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия».
Журнал выходит 4 раза в год.

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».
Тел. (845-2) 51-45-49, 52-26-89; факс (845-2) 27-85-29.
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru